

"Уроки стриптиза"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Часть 1. Не верь...

"Привет, Жена, это письмо доставит тебе один здешний парень. Не хотелось бы, чтобы оно попало в руки ментов, и они щупали его своими грязными лапами. Я здесь веду себя о/кей, и возможно меня выпустят очень скоро — уже в конце этого месяца. Сообщи Жорке и скажи ему, чтобы был готов. Он знает, что нужно делать. Как только я сообщу, пусть берет тачку и едет за мной, по дороге прихватит тебя. Привези мою кожаную куртку, ботинки и рубашку подороже, пусть эти свиньи увидят меня не в таком жалком виде, как здесь. И не поскупись на жратву. Ужасно соскучился по нормальной человеческой еде. А лучше сразу же зайдем в ресторан и отметим встречу, как положено. До скорого, малышка!

Твой Сергей."

Аня дрожащей рукой протянула мне маленький засаленный листочек бумаги. В ее темных бездонных глазах стояли слезы.

— Он приезжает, Эль... Я совсем скоро увижу своего любимого Сереженьку! — Она улыбнулась, и ее миленькое смуглое личико как будто озарилось мимолетным лучиком ласкового весеннего солнышка. — Вот увидишь, он такой славный! Наша жизнь теперь точно пойдет совсем-совсем по новому...

— Ань... а ты ему про меня сказала? — Робко спросила я, с опаской покосившись на неожиданное письмо.

— Конечно! — Торопливо отозвалась Аня и смущенно отвела глаза. — Само собой, я уже давно рассказала Сергею о том, что ты живешь в нашей квартире...

— И что он сказал? ... В смысле, как отреагировал на эту новость?

— Как отреагировал? — Она на мгновение замялась, а потом широко улыбнулась и ответила. — Обрадовался, конечно! А как же еще!... Да ты не сомневайся, глупенькая, и ничего не бойся. Сережка, знаешь какой! Он добрый и щедрый,... он справедливый! — Аня перечисляла достоинства своего мужа с таким энтузиазмом и преувеличенной убежденностью, что я поневоле начала сомневаться в ее словах. К тому же она как-то подозрительно покраснела и старательно избегала смотреть мне в глаза... а вчера, отправляя одежду в стирку, в кармане ее халата я совершенно случайно наткнулась на мятый затертый на сгибах листок бумаги, который Аня, судя по всему, протаскала там не одну неделю.

+++

"Здравствуй, мой дорогой, мой драгоценный, мой единственный! Наверное, и это письмо, как все остальные, будут читать ваши тюремные соглядатаи, но меня это не волнует! Пусть проверяют и перечитывают хоть сто раз, мне скрывать нечего. Тем более что уже совсем скоро ты выйдешь на свободу и навсегда избавишься от них. Скоро-скоро я смогу увидеть тебя, прижаться к твоей груди, гладить твои шелковистые волосы... Хотя наверное сейчас они коротенькие и жесткие, как маленький упрямый ежик. Я прижмусь к этому ежику

щекой и стану самой счастливой женщиной на свете! Серезенька, милый! Ты даже не представляешь, как я тебя жду, как соскучилась и сколько горьких слез выплакала темными одинокими ночами. Слава богу, теперь это все почти уже позади. Мы никогда больше не расстанемся, правда? Особенно так на долго.

И еще одно, Серез... Ты только не сердись и не бранись, ладно? Я давно хотела тебе сообщить, но все как то не до того было. А теперь ты скоро уже вернешься, и я должна тебя предупредить... В общем, я взяла к себе жить одну девочку. Только не бесись, ладно? Умоляю, тебе совершенно не о чем волноваться. Я уверена, все будет нормально, девушка тебе понравится... Ее Эля зовут, вернее по настоящему то Эгле, но Эля звучит как то привычнее, правда? Ей всего 18, и она круглая сирота. Понимаешь, когда погиб ее отец, платить за квартиру ей стало нечем, и податься было совершенно некуда. У Эли совершенно никого не осталось. Она бы пропала без посторонней помощи, милый, понимаешь? Я не смогла выставить ее на улицу. Отец Владимир каждую субботу в своих проповедях призывает нас к милосердию. Я советовалась с ним по этому вопросу, он сказал, что добрые дела никогда не остаются незамеченными. И он был прав, милый, возможно хотя бы отчасти благодаря моим молитвам тебе будет не так грустно и трудно там, где ты сейчас находишься. Да и мне, Серезенька, одной в пустой холодной квартире, куда я вынуждена была вернуться, после того, как выплатила все выплывшие неожиданно долги, тоже было ужасно скучно и одиноко. Я очень грустила и хандрила, возвращаясь с работы домой и видя наши темные неприветливые окна... А теперь все изменилось, когда я усталая и вымотанная до предела, возвращаюсь вечером домой, Эгле уже ждет меня за накрытым столом, она очень хорошо готовит, милый. К тому же я научила ее всем самым любимым твоим блюдам. А борщ она варит просто божественно. Я уверена, такого ты ни разу в жизни не пробовал! К тому же теперь она полностью обеспечивает себя материально. Я устроила ее к нам в парикмахерскую, пока на пол ставки, правда, зарплата не бог весть что, конечно, но с ее документами и это было не просто. Зато теперь она меня в смысле одежды и питания совершенно не обременяет. Я потихоньку учу ее разным стрижкам и другим секретам парикмахерского мастерства. Если хорошо себя зарекомендует, хозяйка обещала подумать о повышении, и тогда девочка снова сможет оплачивать комнату. Да и у меня дела в этом плане налаживаются. Я тут начала делать одну мазь для лечения кожи, говорят, она хорошо идет у клиенток, по крайней мере заказчики довольны, и готовы купить «Нежность». Я назвала мой крем, «Нежность». Звучит приятно, правда?

Целую крепко-крепко.

Твоя Аня."

Я посмотрела в счастливые глаза подруги и осторожно спросила.

— Ань... а жить то мы теперь как будем? У тебя ведь квартирка совсем маленькая, и когда твой муж вернется, я никак не смогу... Я буду мешать...

— Не говори глупостей. — Решительно потрянув кудрями, перебила меня Анна. — Как ты можешь нам помешать? Ты мне теперь как младшая сестренка, я так к тебе привязалась, просто ужас...

— Я знаю, Ань. Я тоже тебя люблю, как родную... — Я замялась. — Но ведь комната то и правда, одна. Сергею точно не понравится, если кто то постоянно будет торчать рядом и мешать ему общаться с женой, которую он столько времени не видел...

— Ты зря так переживаешь. — В глазах Ани снова появилось явное беспокойство. — Сережа очень добрый, он ни за что не станет сердиться на нас... и потом, мы же постараемся что-нибудь придумать... — Она беспомощно захлопала ресницами, но через мгновение ее лицо озарилось улыбкой. — Все просто. Ты забыла, какая у нас с тобой огромная кухня? Ты запросто сможешь спать там...

— Но там негде...

— Сейчас негде! — С энтузиазмом начала развивать свою мысль Аня. — Но мы сделаем небольшую перестановку, и все будет просто прекрасно. Смотри... вот этот сервант с парадной посудой в кухне совершенно не нужен. Мы перетащим его в гостиную. Я кстати, давно собиралась это сделать... Тогда освободится вот этот уголок, в него то мы и пристроим твое кресло-кровать. В кухне от этого станет свободнее и значительно уютнее, и ты совершенно не будешь мешать нам с Сережей... — Подруга смущенно улыбнулась и обняла меня за плечи. — Не расстраивайся, Эль. В жизни не бывает безвыходных ситуаций. Иногда, правда бывает тяжело... И даже очень, но на смену черному всегда приходит светлое и радостное, поверь мне. Скоро и в твоей жизни все наладится. Ты умная девочка, и способная, ты сможешь пробиться в нашей нелегкой жизни. — Я с благодарностью прижалась к Анне, на глаза навернулись слезы. С появлением в моей жизни этой маленькой, но очень мужественной и безгранично доброй женщины, я, и правда, начала думать, что не все впереди так уж печально и безрадостно, как показалось мне вначале. Когда умер отец, и те ужасные люди с его работы, стали угрожать и делать всяческие гнусные намеки и предложения, я растерялась, потом испугалась... на смену страху пришло отчаяние. Когда на пороге квартиры, оплаченной еще отцом на три месяца вперед, появилась хозяйка и сообщила, что пора вносить следующий платеж или собирать, вещи я почувствовала, как земля уходит у меня из-под ног. То ли от нервов, то ли от голода, ставшего в последние два месяца моим постоянным и практически единственным спутником, я потеряла равновесие и буквально как куль с мукой обрушилась на пол прямо у ног маленькой черноволосой женщины.

Очнулась я уже на диване. Первое, что смогли выловить из окружающей зыбкой реальности мои глаза, был испуганный и встревоженный взгляд Анны.

— Милочка, что с тобой случилось? Ты помнишь, что потеряла сознание прямо там в прихожей, рядом с открытой дверью на лестничную клетку?

Я слабо улыбнулась и кивнула головой.

— Не беспокойтесь, я не больна... — Я побоялась, что хозяйка, заподозрив что то подобное, немедленно выставит меня на улицу. — Меня Эгле Вэнскайтэ зовут, а если по-вашему, то Эля. А Саулюс Вэнсус, который вам за квартиру платил — мой папа. Вы не думайте, со мной все нормально... Я просто устала, ночью плохо спала. Сейчас я встану...

— О чем ты говоришь, девочка! — Всполошилась Нюся. — Тебе ни в коем случае нельзя вставать, ты вся бледная, как самое настоящее привидение. Нужно немедленно вызвать врача... А для начала давай ка выпьем крепкого кофе или хорошо заваренного чая с сахаром, он немного поднимет давление и тебе сразу же станет лучше... — Она скинула плащ и торопливо направилась на кухню. Буквально через пару минут она снова появилась в дверях. Лицо ее выражало растерянность. — Скажи, а где у тебя сахар... Или хотя бы заварка...

— Все кончилось... — Тихо отозвалась я и отвернулась к стене. Мне было стыдно за покотившиеся по щекам крупные слезы. Выглядело это так, будто я что то выпрашиваю у этой маленькой женщины, которой и так уже задолжала за квартиру, не оплаченную в течении

почти двух недель. — Я сегодня еще не успела сходить в магазин...

— Но там же ничего нет! — Изумленно перебила меня Анна. — Ни хлеба, ни круп... даже холодильник разморожен, и, похоже, уже довольно давно. Не удивительно, что при такой диете ты при первом же дуновении ветра в обморок грохоешься. Тебе, похоже, не доктор нужен, а тарелка супа да бутерброд с маслом, желательна потолще. Где твой безответственный отец, девочка? Он что тебя совсем не кормит? — В голосе хозяйки появились крайне возмущенные нотки.

— Он умер. — Я больше не могла сдерживать слез и позорно разрыдалась, уткнувшись в подушку лицом.

— Но... Но как же... — Растерялась женщина. — Он совсем недавно приезжал ко мне, привозил деньги за три месяца, извинился, что просрочил платеж...

— Ему долго зарплату не выплачивали, а как только дали, он сразу и побежал долги раздавать. — Вытирая глаза, сказала я. — Почти все деньги роздал, совсем немного оставил... А через три дня погиб...

— Как это случилось? — Анна опустила рядом со мной на диван и погладила по волосам.

— Несчастный случай. С крыши упал, когда какой то провод тянул с чердака... Мне сказали, что он сам виноват был, не пристегнулся... Ну и у фирмы теперь полно проблем из-за папы...

— Я так понимаю, они ничем тебе не помогли? — Сочувственно вздохнула женщина. — Хоть денег на похороны выделили?

Я отрицательно покачала головой.

— Нет. И зарплату не дали, которую так и не доплатили, даже в суд грозилась подать, мол неприятности у них из-за папы теперь и все такое... хорошо я не успела потратить все, что папа принес, так что смогла его похоронить довольно прилично... И гроб нормальный был, и крест... Дядя Гриша, дворник наш даже поминки устроил небольшие... Но это он сам уже, у меня бы не хватило больше... Мы и на девять дней с ним посидели, и на сорок он приходил... Хороший человек, дядя Гриша. Он здорово мне помог с похоронами. И мужчин каких то на вынос за бесплатно пригласил, и могилу они же выкопали всего за бутылку водки... Жалко только пьет он по черному, как уходит в запой, так обо всем на свете забывает...

— Бедняжка... — Прошептала женщина. — И как же ты живешь все эти месяцы? Кушаешь на что?

— Так я ведь не особенно много ем... — Я виновато посмотрела на Анну и вздохнула. — Вы не волнуйтесь, я из квартиры ничего не продавала, вы проверьте, честное слово все на месте...

— Да что там продавать то... — Вздохнула Анна. — Так что же ты все таки ешь?

— Ну, сначала на запасах держалась, папа всегда помногу всяких там круп, макарон покупал, чтобы не бегать постоянно с авоськами, да и дешевле оптом... Потом дядя Гриша иной раз приносит кое какую еду, когда не пьет по черному... Подрабатываю еще иногда, ну там лестницу мыла за уборщицу, когда она на неделю к родственникам на свадьбу уезжала, за детишками во дворе присматриваю... но это редко, как то не слишком мне доверяют жители местные. Почему то они решили, что мы с отцом какие то не такие как они, а уж когда папа умер и вовсе стали меня сторониться... Я даже слышала как меня пару раз бродяжкой кто то

назвал...

— Да не похожа ты на бродяжку. — Успокоила меня Анна и погладила по голове. — Обычная девочка, симпатичная... красивая даже. Тебе лет то сколько? Ты в школу по возрасту должна бы ходить насколько я понимаю...

— Я девятый класс заканчиваю... Экзамены у нас сейчас, один всего остался, думаю, осилю и его. Я не отличница, конечно, но в целом не плохо училась. А вообще мне уже почти шестнадцать, я просто немного позднее учиться начала, чем остальные. Папе пришлось срочно переехать, ему работу хорошую и длительную предложили, вот он и сорвался, а я потеряла тогда год, пока удалось устроиться в новую школу...

— Если тебе шестнадцать, то у тебя паспорт уже есть, да? — Осторожно спросила женщина. — Что после экзаменов то делать планируешь?

— Паспорт у меня есть... — Я снова почувствовала себя не слишком уютно. — Мне его еще в Литве дали. У нас ведь паспорта с самого рождения выдают, только он просрочен... Папа как то упустил, что нужно его менять, потом заявление в посольство написал, там сказали, что просрочка большая, нужно штраф платить, тысячи три, кажется, и еще кучу всяких справок собирать из разных российских учреждений, о том, что мы за это время не получили какого-нибудь другого, к примеру российского гражданства, и еще других всяких кучу. А это сложно и долго. Заниматься этим папе некогда было, он все и откладывал на потом. Да и ехать в посольство нужно было лично, они здесь в России только в Москве и в Петербурге есть, а это далеко. Штраф то все равно одинаковый, сколько не просрочь, ну в разумных пределах, конечно, вот он и не торопился особо. Но он все же начал заниматься этим вопросом. Мы уже решили, что как только он закончит этот последний объект, ему выплатят остаток денег, даже премию еще приличную обещали, так сразу поедем в Литву, в гости к бабушке. Там все и оформим, как положено, заодно. Но с выплатами все тянули, и строительство медленно двигалось, то одно не привезут, то другое, хозяин кричал постоянно на всех, как будто это строители виноваты, что материалов нет. Грозил премию урезать, а то и вовсе лишить за простой... а теперь вот... — На мои глаза навернулись предательские слезы. — Я ведь совсем не законно на территории России сейчас нахожусь, и уехать тоже не могу. Не на что, да и не к кому... Я ведь в Литве тоже больше, чем на детский дом рассчитывать не могу, да и то если повезет... Даже старенькая бабушка умерла полгода назад, так и не дождалась нас. А мы даже и не знали, папе только почти перед самой смертью сообщили, что ее не стало... Он так расстроился, что не смог на похороны собственной матери попасть. А я так и вовсе бабушку не помню, маленькая была...

— А что интересно участковый обо всем этом думает? — Поджав губы, поинтересовалась Анна. — Или он не в курсе, в каком бедственном положении ты оказалась после смерти отца?

— Он приходил... Заварку приносил, пирожные... — Я вздохнула. — Павел Сергеевич хороший человек, грех жаловаться. Мы долго с ним говорили... Мне кажется, он искренне желает мне добра. Узнав, что у нас с папой квартира на целых три месяца оплачена и продуктов запас есть... я еще его немножко обманула, сказала что и деньги у меня припрятаны... Дядя Гриша тоже обещал за мной присматривать... В общем он разрешил мне остаться пока здесь, школу закончить, не стал в разные там инстанции сообщать...

— Но он же обязан был...

— Вот я и говорю, хороший он человек, рискует из-за меня... А если бы меня отсюда забрали, то наверное бы начали документы на высылку оформлять, мы ведь в страну въехали после

шестого февраля девяносто второго года, а в это время проживали на территории Литвы, это значит, что по всем юридическим нормам и законам о гражданстве, я по прежнему являюсь гражданкой Латвии... И в школу бы свою я ходить не смогла... А так у меня хоть аттестат нормальный будет... А на днях мне шестнадцать исполнится, я уже смогу и работать полноценно, вот только документы... Павел Сергеевич обещал узнать, что сделать можно в моем случае, но ему сказали сложно это и затаяли мы с папой все, просрочили что только можно... Теперь уж, говорит, лучше подождать мне, пока постарше стану, и подать заявление на Российское гражданство, а сейчас со мной никто даже валандаться не станет, сразу в Литву отправят, в России и своих сирот беспризорных хватает...

— Ясно. — Решительно сказала Анна. — Мы с тобой сейчас так поступим, я в магазин сбегаю, куплю кое что, сварим с тобой супчик легкий, картошки с курицей потушим, а потом в спокойной и сытой обстановке обсудим, как нам с тобой жить дальше... Я ведь тоже к тебе сюда не просто так пришла... Я, честно говоря, очень рассчитывала на те деньги, которые твой отец должен был бы мне заплатить за следующие три месяца проживания... Меня с работы уволили, квартиру мужа то и гляди за какие то его долги заберут... Очень может статься, что и мне тоже в самом ближайшем времени будет не где жить ... и не на что...

— Вы не беспокойтесь, пожалуйста... — Покраснев, засуетилась я, — если нужно, я очень быстро освобожу вашу квартиру... я пока к дяде Грише спущусь, а как экзамен сдам, придумаю что-нибудь...

— Ой! Ну что ты такое говоришь! — Испуганно замахала тоненькими ручками женщина. — Разве я позволю себе выгнать на улицу такого больного и беспомощного ребенка, как ты... Не нужно глупостей. У меня не на столько бедственное положение, как ты могла подумать. Я то, в отличии от тебя, работу всегда найду, с квартирой конечно сложнее, но тоже не смертельно, в конце концов я всегда могу вернуться сюда, на свою собственную жилплощадь, не выгонишь, надеюсь, хозяйку законную? — Анна тепло улыбнулась и потрепала меня по бледной щеке. — Короче, я вполне справлюсь со своими временными затруднениями. Ты сейчас лежи спокойно, я за курицей сбегаю и вернусь...

* * *

Так мы с Аней стали жить вместе. Я привязалась к ней больше чем к родной сестре и даже иногда про себя называла любимой мамочкой. Маленькая, но очень мужественная женщина, Анна смогла добиться того, что никто во дворе больше не смел называть меня цыганкой, подкидышем, драной кошкой и всеми теми обидными прозвищами, которые за последние месяцы приклеились ко мне, казалось, намертво. Она договорилась с участковым, инспекторами из соцзащиты, чтобы они оставили меня в покое и не дергали понапрасну. Когда проблемы с моим незаконным проживанием все таки возникали, она что то кому то обещала, платила штрафы... Но в целом люди к моему положению относились с пониманием, с участковым мы даже можно сказать дружили, соседи тоже вроде не держали на нас с Аней зла. Постепенно я переросла ее почти на целую голову, но все равно Аня всегда оставалась для меня непререкаемым авторитетом во всем. Почти три года у нас все шло прекрасно, мы отлично ладили друг с другом, нам нравилась одна и та же еда, мы восхищались одними и теми же актерами, вместе плакали над фильмами и сериалами, грызли по вечерам семечки, смеялись, болтали обо всем на свете...

И вот теперь все это может измениться.... Да что там измениться, сломаться и разрушиться до основания... Я всегда подсознательно боялась того дня, когда у совсем не знакомого, а потому непонятного и страшного мне Сергея, мужа Ани, закончится срок, и он вернется домой... Последнее время я со все большей тоской поглядывала на календарь и ждала этого рокового

для меня дня. И вот он , кажется, настал...

— Не переживай, и выброси из головы все те глупости, которые ты себе напридумывала! — Словно угадав мои мысли, преувеличенно жизнерадостно сказала Анна. — Сережа добрый , веселый и очень отзывчивый человек. Немного взбалмошный, безответственный, но хороший, правда! Вот увидишь, с его возвращением наша жизнь станет только лучше... — Потом помолчала и уже тише добавила. — Не вешай нос, глупышка, я тебя в обиду не дам. У Сергея много полезных знакомств, он сможет что-нибудь придумать с твоими документами...

— Конечно, Ань.... Конечно. — Я чмокнула подругу в щеку и обняла за плечи. — Ты не думай, что я не радуюсь, не такая уж я и эгоистка. Я же знаю, с каким нетерпением ты дожидалась возвращения мужа... Да и я ведь уже не та испуганная лопухая девчонка, которую ты приютила и накормила три года назад. Посмотри на меня, я ведь уже самая настоящая женщина. Мне уже восемнадцать и в крайнем случае сама могу начать устраивать свою судьбу.

— Молчи уж, женщина! — Рассмеялась Анна. — Уж позволь пока мне еще немного о тебе позаботиться. Ладно? Не лишай меня радости и счастья материнства. Сегодня я кстати с юристом как раз встречаюсь, он обещал проконсультировать меня насчет того, как тебе в возможно более короткие сроки гражданство Российское оформить можно. Не век же тебе жить без нормальных человеческих документов. Насколько я понимаю, с Литвой тебя ничего особенно не связывает... Ну все пока, я побежала, буду поздно. Ужин на твоей совести. — Она с улыбкой выпорхнула за дверь.

Слова Нюси меня ни сколечко не успокоили, если быть откровенной. Не то чтобы я не верила ее рассказам о муже... Скорее всего Аня была искренна со мной. Она любила своего обожаемого Сережу и возможно не замечала многого из того, что прекрасно видели другие... По крайней мере во дворе практически ни один человек не отзывался о Сергее Петровиче Ковалеве, как о светлом и хоть каплю положительном персонаже... Намекали, что пока его не арестовали за грабеж он нередко колошматил Нюсю, да так, что бедняжке приходилось спасаться бегством и какое то время прятаться у сердобольных соседей. Он много пил, дебоширил частенько и совсем не любил работать... Тунейдец, алкаш, изверг и проходимец — такие слова об Анином муже мне чаще всего приходилось слушать за порогом ее квартиры... Поэтому возвращения Сергея я ждала со страхом и невыразимой тоской, хоть и старалась немного успокоить себя тем, что люди далеко не всегда справедливы и честны, вот и меня многие долго считали чуть ли не воровкой и преступницей, а я ведь совсем ничего плохого им не сделала, просто обстоятельства так сложились... А Анин муж и вовсе попал за решетку, такое клеймо на всю жизнь может испортить мнение окружающих о человеке...

* * *

— Да ты самая настоящая красотка! — Небрежно бросил Сергей, — Только пользоваться этим похоже еще совсем не научилась.

Я потупилась: неизвестно и не понятно , одобрение это или осуждение? Во всяком случае , разглядеть это в темных пронзительных глазах Аниного мужа было невозможно.

Да, знакомство наконец состоялось. Это произошло в первый же полдень освобождения Сергея. И не где-нибудь , а в шикарнейшем ресторане отеля «West» , куда захотел поехать Ковалев и куда всех нас привез на своей машине Георгий, или Жорж, как называли его Аня с мужем, самый первый и верный друг Сергея Ковалева. Нюся всю дорогу отчаянно волновалась:

— Ну послушай, Сереж, ну давайте выберем что-нибудь поскромнее... У нас наверное даже

денег не хватит, чтобы расплатиться по счету. Ведь это же, ты просто не знаешь, теперь стал чуть ли не самый дорогой ресторан города. Смотри, какие здесь сидят господа и дамы, как шикарно оформлен зал. Смотри-смотри какие чудные официанты! Самые настоящие ковбои — совсем как в том вестерне, который мы с Элей смотрела неделю назад.

Официанты и в самом деле были одеты ковбоями — в кожаных брюках с широкими поясами, на которых болтались кобуры пистолетов, в замшевых безрукавках поверх цветных рубашек. По стенам висели в живописном беспорядке лассо, рога животных, седла и уздечки.

Один из ковбоев окинул нашу компанию таким оценивающим и хмурым взглядом, что мне стало не по себе. Один только Сергей чувствовал себя вполне непринужденно. Он потрепал Нюсю по худенькой шейке:

— Не трусь, малышка. Теперь я с тобой и тебе обеспечена королевская жизнь. Никаких забот, одни радости. У нас сегодня есть, чем заплатить. А значит, нам станут прислуживать не хуже, чем этим твоим расфуфыренным типам.

Он повернулся к Жоржу, крепенькому коротышке неопределенного возраста.

— Надеюсь, ты Жорик, раздобыл к нашей встрече достаточно монет? Не оставишь же ты своего лучшего друга без праздничного обеда?

Георгий сделал широкий жест:

— Все, что тебе угодно, Серж! Сегодня твой день, гуляй, бабки есть... А завтра,завтра, что подкинет господь бог.

И он расхохотался, откинувшись на спинку стула.

— Ну и отлично.

Сергей направился к уютному столу в глубине мягко освещенного зала, «ковбой» тотчас подскочил и отодвинул для нас обитые светлой кожей стулья. В то время, как мы рассаживались, Сергей уже погрузился в изучение меню.

— Черт возьми, покуда мы там хлебали тюремную баланду, вы здесь на воле не дурно питались, — объявил он довольно громко. Нюся испуганно глянула на «Ковбоя», но он даже бровью не повел. — До чего же мне опротивела тамошняя жратва! — Сергей похоже, специально, с какой то даже гордостью упирал на свое совсем недавнее и на мой взгляд вовсе не завидное прошлое. — Ну уж сегодня я попирую, дорогуши мои! У них тут в меню разные штучки из американского среднего запада, но я предпочитаю французскую кухню, а на закуску русскую икру и тушеную индейку. А потом — омар в яичном соусе, петух в красном вине, мороженое...

— Ты что, один собираешься все это заглотить? — Вмешался со своей всегдашней насмешливой миной Жорж. — А про нас ты не забыл? Мы тоже люди и хотим есть, между прочим не меньше, чем ты!

— Можете выбирать, я разрешаю! — Великодушно разрешил Сергей, развалившись на стуле.

Пока он и Жора заказывали немного удивленному «ковбою» чудовищное количество разных блюд, я смогла спокойно рассмотреть того, от которого, я это чувствовала, будет теперь зависеть моя жизнь.

Сергей с первой же минуты поразил меня своей великолепной и небрежной самоуверенностью, мягкой звериной походкой не слишком молодого леопарда, непринужденной элегантностью, с которой он мог носить даже потрепанные вещи, а главное — главное почти не скрываемым убеждением, что все в мире — все удовольствия, все радости жизни существуют только для него одного. Он не должен делать ничего, чтобы все это как то заработать и заслужить.... Ну разве что пальцем пошевелить раз или два...И глаза его, какие то веселые, залихватски-беспощадные, тоже сильно меня поразили.

«Какие глаза! — Невольно подумалось мне. — Наверное он никому ничего не прощает» Но подумалось как то бегло, остановиться дольше на этой мысли я не смогла, — мне было не по себе от этих глаз с первой же минуты знакомства. Что то смутное и тяжелое чудилось мне впереди. Одно я знала твердо : прежней нашей тихой и спокойной жизни с Анной пришел конец.

Сергей , видимо, отлично ладил с Жорой : перекидывался с ним какими то одному им понятными словечками и намеками, хохотал над «простаком» Жоржем , который где то что то пропустил, — словом веселился вовсю.

Зато Нюся была молчалива, сегодня я едва узнавала ее. Аня вдруг будто стерлась, совершенно растворилась, затихла. Если и говорила, то совершенно иным, робким тоном и на Сергея тоже смотрела раболепно и восторженно.

Судя по тому, что Ковалев почти не удивился, увидев на заднем сиденье машины рядом с Анной меня, жена все-таки решилась и написала ему обо мне.

— Конечно, — с улыбкой подтвердила Аня. — Разве могла я что то скрыть от Сереженьки... Я вообще не могу в его присутствии ничего скрыть или солгать...

— Еще бы ты солгала твоему повелителю! — Захохотал муж. Он покончил с половиной омара и по этому случаю находился в великолепном расположении духа. — Еще ни одна женщина не осмеливалась меня обмануть, подтверди Жорж... — Он наклонился к захмелевшему другу. — Эх, Жорик! Мне прямо не терпится с тобой кое о чем потолковать. И завертим же мы теперь дела! Ух!

— Я бы на твоём месте переждал, — сказал ковыряя в зубаз зубочисткой, Георгий. — Менты наверняка положили на тебя глаз. Будут какое то время приглядываться что ты и где ты... Я бы переждал...

— Ерунда! — Сергей сделал широкий жест. — Не страшны мне никакие менты. Эти придурки не видят ничего дальше собственного носа. И я кое что придумал, Жорж. Жена Сергея Ковалева должна купаться в золоте! Не так ли , Нюся? Ну, малышка, взгляни на меня!

Аня пугливо отстранилась от мужа.

— А твоя воспитанница, огонь-девчонка, — продолжал он, — подает большие надежды. Ты только посмотри, Жора на ее глазки, а ножки... блеск!

— Н-н-да, мадмуазель с будущим, — согласился тот. — И глазки такие... с огоньком.

— Да что вы такое говорите! Что ты болтаешь, Сергей! — Заволновалась Аня то бледнея, то краснея. — Какое будущее. Эля очень порядочная, воспитанная девочка. Она моя младшая сестренка , Сереж, и не надо ее обижать... Умоляю тебя.

Анна чуть не плакала, и я отчего то остро презирала себя за это. Больше всего на свете мне хотелось в эту минуту выбежать из-за стола, бросить этот невыносимый обед, удрать из «West»

— Да что ты, глупышка. Я же просто пошутил! — Сергей явно не хотел ссориться с женой. — Я пошутил Эль! — Обратился он ко мне. Давай сюда свою ручку и будем друзьями. Ну, девочка, я жду!

Он протянул через стол свою мягкую большую руку и мне на мгновение показалось, что мою ладонь навсегда захватил в свою страшную лапу леопард, и что мне уже ни за что не вырваться.

* * *

Следующие несколько месяцев пронеслись буквально, как вихрь. Я и представить себе не могла, насколько моя жизнь станет веселой и беззаботной. И оказывается, совершенно напрасно я боялась этого «леопарда», как я по привычке продолжала называть Сергея. Он оказался совершенно не страшным, а добродушным, легким и веселым человеком. Между нами завязалось что то вроде дружбы. Я охотно бегала для него за сигаретами, носила бесконечные посылки Жоржу, чистила его электробритву, Сергей поручал мне покупать хороший одеколон и крем, которым он натирался после бритья. А потом он постоянно смешил меня разными невероятными историями, которые рассказывал с самым невозмутимым и серьезным видом.

Он выпросил у меня, какие конфеты и пирожные я больше всего люблю и постоянно приносил мне гостинцы. Кроме того он по королевски одаривал меня деньгами, возможно для кого то эти суммы показались бы маленькими и ничтожными, но мне, никогда до этого времени не имевшей ни копейки на карманные расходы, они казались грандиозными. В первый же день он запретил мне мыть полы в парикмахерской, куда меня с таким трудом устроила Аня.

— Но как же Аня? — неуверенно возразила я. — Она так старалась для меня, и потом она же мне столько раз внушала, что иметь хоть какую то постоянную работу так важно...

— Можешь сказать ей, что я приказал тебе не позорить фамилию Ковалевых, ползая по полу с грязной тряпкой в руках... И вообще, обязательное наличие работы — предрассудок. Особенно такой вшивой! В твоём возрасте во всю нужно наслаждаться молодостью и красотой.

И я, освобожденная этим позволением от всяческих угрызений совести пользовалась «красотой и молодостью» действительно вовсю. — Просиживала по два сеанса в кино, кофе пила в открытых летних кафе, чего никогда раньше позволить себе не могла из-за постоянной нехватки у нас с Аней денег. Мне ужасно нравилось сидеть, небрежно откинувшись на пластиковом кресле, и провожать праздным взглядом людей, спешащих куда то по своим неотложным делам. Мне казалось, что в этот момент я выгляжу взрослой, независимой и даже слегка гламурной девушкой...

Однажды я неожиданно проснулась посреди ночи. Раньше, до ломоты в спине намахавшись тряпкой, я засыпала мгновенно, едва моя щека касалась подушки, теперь же я подолгу возилась старалась как можно комфортнее устроиться на не слишком удобном раскладном кресле но сон все равно не приходил все дольше и дольше. Вот и сегодня, беспокойный не слишком крепкий сон куда то внезапно улетучился. Что то было неладно то ли со мной, то ли с креслом, то ли с кастрюльками, что висели на полке над моей головой. Я прислушалась. Кухня, где я спала только тонкой стеклянной дверью отделялась от комнаты Ани и Сергея, а сейчас и

она почему то оказалась чуточку приоткрытой. Оттуда из их крошечной темноты до меня донесся шепот. Вернее шептала Нюся, а голос ее мужа никак не хотел понизиться до шепота, и Аню это, видимо, приводило в отчаяние.

— Ради бога, Сереженька, прошу тебя. Она же услышит... Ну пожалуйста, дорогой, ну ради меня...

— Дрыхнет она, как сурок, можешь не беспокоиться, — зевая говорил тот, — а и услышит тоже не беда. Она девчонка смышленная, все сама должна понимать. Там где двое своих, не всегда должна быть посторонняя третья. Я здоровый мужик, между прочим...

— Но это я настаивала на том, чтобы она осталась со мной. Спрашивай только с меня! — Надрывалась шепотом Нюся.

— Вот я с тебя и спрашиваю. С какой стати, спрашиваю, я должен у себя в доме стесняться, приспособливать свою жизнь к какой то приبلудной девчонке. Хочу позвать домой приятелей, ты ноешь, что не стоит девочке слушать все те скабрёзности, которые они по пьянке могут ей наговорить, а уж если того больше приставать начнут — вообще мрак и светопредствление. Как будто ей не восемнадцать лет, а восемь или вовсе шесть... Вернусь попозже, бац! Ты начинаешь шептать: скидывай ботинки, не шуми, не разговаривай, без ужина обходись — девочка видишь ли спать уже легла! Всюду и всегда эта девчонка! Я любовью с тобой заниматься и то должен втихаря, как будто делаю что то постыдное и гадкое, да и то, когда наконец обожаемая Эля заснет. А потом на цыпочка рысачить в ванну и воду не включать там, пользоваться какими то дурацкими салфетками, лишь бы не шуметь лишний раз и опять же не разбудить нашу спящую красавицу... А если я к примеру раздобуду денег и мы с тобой сможем махнуть на Канарские острова, или в Таиланд, или в Перу, ты что же, и туда потащишь ее за собой?

— Чтобы уехать, надо сначала разбогатеть, — уклончиво пробормотала Нюся.

— Ба! За этим дело не станет! — Сергей хохотнул. — Нет, ты мне все-таки ответь: потащишь ее за собой? И еще милая, ты вообще то замечаешь, что сиротка то твоя давно выросла. Она уже не девочка, как ты ее постоянно называешь, а женщина и очень даже аппетитная...

— Ты не можешь... — сдавленно прошептала пораженная Анна.

— Да не волнуйся ты, я и не собираюсь твою красотку соблазнять... НЕ нужна она мне, мне и тебя вполне хватает, к тому же я люблю тебя, мой цыпленок. Меня всегда маленькие худышки привлекали, тоненькие пальчики... — Из спальни послышался звук приглушенного поцелуя. — Я это к тому говорю, что пора бы уже и честь знать,. В смысле, ты ведь ее кормишь, поишь и одеваешь уже почти три года, ничего не требуя взамен, а этой дурище и в голову не приходит, что при таких формах, она запросто может найти такой беспроектный вариант, который не только ее, но и нас с тобой обеспечит бабками до конца жизни. Я специально ей денег даю, чтобы она хоть по путным местам помоталась, посмотрела, как люди то живут, может дойдет до чего своими куриными детскими мозгами. Только она видно и правда дура-дурой, эта твоя «девочка»... Ладно, хоть под ногами с утра до вечера не мотается, и то польза...

— Но ты же сам сказал, чтобы она не работала...

— Ты считаешь это работой? — Презрительно процедил Сергей. — А то, что она получала — зарплатой? Не смейся. Да если бы она еще пару месяцев поваландалась в холодной воде с этой грязной тряпкой в руках, на ее будущей карьере и перспективах можно было бы поставить точку... Я все же надеюсь, что она наконец очнется от своих инфантильных грез и мы с ней

сможем замутить не одно симпатичное дельце...

— Сережа! — Взмолилась Нюся. — Я же сто раз просила тебя, умоляла — оставь девочку в покое! Не впутывай в свои сомнительные дела. Я ни в коем случае не осуждаю тебя, или не дай бог не собираюсь учить... Ты живи как тебе нравится. Ты, Сереженька взрослый, очень умный и дальновидный человек, — в голосе Нюси появились уже привычные подобострастные нотки, — А Элю оставь в покое, пусть она живет сама... как умеет, как ей привычно, как она правильным считает...

— Ничего себе! — Хмыкнул Сергей, впрочем довольно добродушно. — Значит кормить, поить и давать жилье я право имею, а все остальное ни-ни? Удобно устроилась, малышка. И после этого ты называешь ее наивной беспомощной девочкой?

Я услышала тихий плач. Кресло под моим скрюченным телом завздыхало, затрепетало и чуть ли не заходило волнами. Больше всего я боялась, как бы эта старая рассохшаяся махина не начала скрипеть и не выдала меня. Как я ни старалась затаиться, лежать неподвижно, мой трепет и волнение передавалось матрасу, и кресло время от времени тренькало и точно скрежетало зубами.

Но двое за дверью ничего не слышали — так были заняты своим спором.

— Что же, значит ты хочешь, чтобы я прогнала ее? Выставила прямо вот так вот на улицу? — Всхлипывая спрашивала Нюся. — Чтобы она больше тебе не докучала?

— Сергей долго молчал. Я на своем рассохшемся кресле дрожа ждала ответа. Наконец он сказал почти не понижая голоса.

— С этим можешь не торопиться. Я еще подумаю. Мне пришли в голову кое-какие соображения насчет нее.

Шепот утих, видно те двое заснули, а я до самого утра продолжала мучиться, дрожать, обливаясь холодным потом на своем старом раскладывающемся кресле. Что теперь делать? Куда деваться? Как права была Нюся, когда упорно настаивала на том, чтобы я держалась за постоянную работу обеими руками. Какая же я дура, прости господи! У меня была зарплата, пусть маленькая, но была. Я вполне могла бы прожить на нее, нормально питаться... Ну пусть даже не слишком нормально, но прожить то можно было, а там глядишь и правда повысили бы до парикмахера... А что теперь? Где теперь мне искать работу? К кому идти. Была у меня где то в Петропавловске тетка, сестра матери, но и туда я вряд ли смогу добраться без денег, да и помнит ли тетя о своей давно сгинувшей в небытие племяннице большой знак вопроса. А чужим — кому же я нужна? Такая глупая, беспомощная, не образованная неумеха... Я то глупая думала, что Нюся ко мне привязалась так же крепко как я к ней, а теперь ясно, что в любую минуту Аня предаст меня, сделает все, что прикажет ей муж, выбросит по первому его слову на улицу.

«Папа, папа! Почему тебя нет, почему ты умер?» Я вспомнила тот последний день, когда я приносила на леса завтрак отцу в его старой парусиновой сумке, ощущение его жесткой широкой ладони на своем затылке, его низкий с сипотцой голос.

— Посмотрим-посмотрим, что хорошего ты принесла мне сегодня птичка моя. Ты же у меня отличная хозяйка. — И похвалился перед своими товарищами, которые сидели тут же на лесах каждый со своей едой — Это моя дочка Эгле. Она у меня весь дом ведет. Даром, что ей только пятнадцать.

Горе затопило меня. Я уткнулась лицом в подушку и бормотала дрожа — Папа, милый папа, мой собственный, мой единственный, ты видишь меня? Видишь, как мне плохо? Папочка, возьми меня к себе, я здесь никому-никому не нужна! Возьми, папа...

Долго долго тянулась эта ночь. Утром я измученная и бледная до синевы молча складывала свою постель, когда в дверях появился франтоватый, очень оживленный Сергей.

— какая у нас назначена на сегодня программа? — Спросил он. — Очень советую пойти в «Октябрь» на «Последний поцелуй». Говорят, увлекательный фильм, вот тебе монеты, старушка. — Он протянул мне деньги.

— Я не пойду в кино, и деньги мне не нужны. — Я даже деньги спрятала за спину. Мое лицо выражало угрюмую решимость. — Забери их обратно.

— Вот как! Это что то новое! — Сергей присвистнул. — У мадмуазель дурное настроение? Встала с левой ножки?

— Да нет, Сережа. Просто Эля договорилась сегодня с Мартой Ивановной из пятнадцатой квартиры, что погуляет пару часиков с ее близнецами. — Поспешила мне на выручку Аня. — Она еще вчера мне об этом сказала.

— С какими еще близнецами? — Нахмурился Сергей.

— Да ведь у нее уже давно целая сеть клиентурная сложилась. Ее ребятишки местные просто обожают, Эля их отлично понимает, развлекает, частенько с ними возится... Ну и некоторые мамочки время от времени просят Элю посидеть с их детишками, пока они в отлучке, погулять, спать уложить. Мне многие говорили, что у них сердце за детей спокойно, когда они с Элей. Ей деньги даже за это платят, не много конечно, но все же...

Нюся прижала к себе мою встрепанную голову и поцеловала в макушку. Я высвободилась вероятно излишне резко, Аня с удивлением и печалью посмотрела на меня, недоумевая что это вдруг случилось с ее тихой и покладистой девочкой. Но будильник неумолимо отсчитывал минуты, надо было бежать в парикмахерскую, и Нюся, послав воздушный поцелуй своему «семейству», бросилась к дверям.

— Не хочешь монет, не надо. — Процедил сквозь зубы Сергей, пряча деньги в щегольский бумажник, — мне больше достанется.

Я молча продолжала возиться с креслом, которое никак не хотело складываться, и Сергей, внимательно посмотрев на меня еще раз, тоже вышел из дома. Я убрав как всегда маленькую квартирку на четвертом этаже присела ни минутку, чтобы подумать и что то наконец решить. Конечно, я сейчас уйду и не вернусь сюда до глубокой ночи, к сожалению, я слишком поздно поняла, что мешаю Ане и Сергею жить нормальной супружеской жизнью, стесняю их своим присутствием. Хорошо бы вообще не возвращаться. Может, ночевать в чулане дяди Гриши, где он хранит свои лопаты и метлы. Дядя Гриша добрый, он наверняка не выгонит меня, но там наверное не уберется даже раскладушка... И потом на что я буду кушать? И вообще, что дальше делать на свете? Я надолго застыла, погрузившись в свои горькие мысли. Очнулась, когда на часах было уже почти одиннадцать. Я вскочила и заторопилась в пятнадцатую квартиру, где уже должно быть были готовы к походу в парк двое очаровательных близнецов восьми лет отроду. Как ни погано было у меня на душе, подводить Марту Ивановну я не имела права, ведь я еще вчера обещала ей, да и деньги, которые мне причитались за работу няни были сейчас совсем не лишними.

Я совсем не любила парк имени Свердлова, он находился в ближайшем соседстве с тем домом, где погиб отец. Вон он — этот дом. Он готов и заселен, уже без папы — огромная машина с зеркальными окнами, с елочками у подъездов, с подземными боксами для автомобилей. Я отвела глаза, чтобы не видеть дом-убийцу, так я зову его про себя. Слава богу, мне не удалось углубиться в горькие воспоминания. Детские ручки тянулись ко мне, обнимали и дергали за рукава, черные глазки требовательно заглядывали в хмурое лицо.

— Эль! Во что будем играть! Или расскажи что-нибудь, Эль...

Положение няни обязывало. Я достала из сумки трубочку и кусок мыла и в голубеющее небо полетела целая армада радужных мыльных пузырей унося на время мою печаль и безысходность.

Заметив, что пузыри быстро наскучили близнецам и они все с меньшим энтузиазмом провожают их своими черными глазенками, я достала большую красочную книжку и, усадив мальчиков на лавочку рядом с собой принялась читать: «У меня зазвонил телефон. Кто говорит? Слон!...» Я так старательно изображала каждого нового персонажа, стараясь голосом и жестами придать им живые и яркие черты, рычала, мяукала и чирикала, что малыши слушали, буквально затаив дыхание. Иногда они до слез смеялись над глупыми животными, толкая друг друга в бок и размахивая не достающими до земли ножками. Время прогулки пролетало почти незаметно, малыши не скучали, а радовались и смеялись, меня это устраивало.

Наконец история про телефон закончилась, я закрыла книжку и отдала близнецам, чтобы они смогли получше рассмотреть красочные картинки. Именно в эту минуту из-за кустов, окаймляющих полянку, вышел великолепный в своей замшевой куртке и светлых брюках Сергей. Я оторопела от его появления, он же спокойно кивнул.

— Отлично изображала медведя. Я хохотал до слез. — При этом он даже не улыбнулся. — Нюся права, ты действительно умеешь занимать ребят. Вон они смотрят на тебя разинув рты. Молодчина!

С этими словами Сергей исчез, точно растворился в густых зеленых кустах парка. Я еще долго не могла опомниться, гадая, не привиделось ли мне его появление...

* * *

...Следующие два месяца пронеслись для меня как во сне, наши отношения с Нюсей, а потом и с ее мужем постепенно наладились и снова вошли в размеренную колею. Я даже как то случайно услышала разговор Ани с Мартой Ивановной, соседкой из пятнадцатой квартиры:

— Аннушка, милая. Мне хочется поздравить вас с удивительным мужем, — торжественно объявила мама близнецов. — Он поразительный человек, не только никаких упреков по поводу приبلудной непонятно откуда взявшейся девчонки, но взглянешь на них — воркуют, как любящие дочь и отец. А главное никаких вольностей Сергей Петрович себе не позволяет ...

— Ах, Вы не поверите, Марта Ивановна, как я этому рада! — Взволнованно ответила ей Аня. — По правде говоря, я так боялась за Элю и... признаться и за себя тоже. Ведь не всякий мужчина...

— А я так была просто уверена, что ваш муж не оставит дома бедную девушку, — продолжала почти не слушая ее соседка, — и что на вашу долю тоже придется не мало неприятностей. А вчера смотрю — выходят оба из машины, у Эли в руках пакет из парфюмерного магазина,

смеются... Чудеса да и только!

— Не сглазить бы! — Суеверно перекрестилась Нюся.

— Что вы у меня очень добрый глаз, — уверила ее Марта Ивановна и для пущей убедительности вытаращила свои зеленые, похожие на кошачьи глаза. — Говорят даже, что я всем приношу счастье.

— Дай то бог. — Вздохнула Аня и стала быстро подниматься по лестнице. Я прекрасно знала, куда так торопится подруга, пока Сергея нет дома, надо сварить новую порцию крема «Нежность», как назвала ее хозяйка парикмахерской Марина. К радости Ани, крем имел успех, клиентки его быстро раскупали и Марина тоже усердно рекламировала изобретение. Правда хозяйка требовала от Ани за рекламу изрядный процент. Но все же приличная сумма оставалась и Нюсе, затраты то на изготовление были совсем не большие..

Поднявшись в квартиру вслед за ней, я увидела, что подруга носится по кухне, как заведенная.

— Ань, может тебе помочь ?

— Ой, Эль... ты так кстати! Скорее, скорее берись за работу девочка, на вот смешивай! — Она сунула мне в руки миксер и тазик с темной вязкой массой источающей приторно-лакричный, с примесью гвоздичного масла и дешевых духов аромат. — Нужно быстрее со всем этим покончить, чтобы к возвращению Сереженьки успел выветриться запах смеси .

Я скинув в прихожей туфли немедленно начала взбивать коричневую массу. Я прекрасно знала как ненавидит этот запах Анин муж. Учувя его он непременно еще в дверях потянет носом, весь сморщится и скажет:

— Опять варила эту мерзость? Провонял весь квартал! Наверное, все жильцы жалуются во все возможные инстанции. И когда ты перестанешь возиться с этим отвратительным зельем!?

Ах как хотелось мне в ответ на эти не справедливые упреки сказать что именно это «зелье» кормит их всех и оплачивает все забавы и прихоти самого Сергея. Ведь и я, и Аня прекрасно знали, с самого возвращения из тюрьмы он и пальцем не пошевелил, чтобы найти работу. В первое время он еще просматривал лениво страницу «требуется» в разделе работа газеты «Из рук в руки», которую аккуратно подсовывала ему за ужином Аня, а теперь даже и не обращает на них внимание. Где то болтается до поздней ночи, сидит в пивнужке с Жорой и при этом еще похлопывает жену по худеньким плечикам самодовольно приговаривая :

— Держись своего мужа, малышка. С таким мужем, как я, не пропадешь!

Или мимоходом бросит с самоуверенным видом:

— Зарабатывать гроши, это занятие для тупиц! Настоящие люди сразу загребают куш — и на всю жизнь! Не тушуйся, Жена, скоро мы с тобой отправимся на белоснежном лайнере в великолепный круиз вокруг света и ты будешь у меня ходить в платьях от Юдашкина или даже от Кардена, как английская королева.

Нам с Аней становилось очень тревожно, стоило ему только начать подобные разговоры. Можно было бы конечно принять их за обычный ни к чему не обязывающий треп не слишком молодого гуляки, но нас они все больше тревожили — уж больно часто возвращался к ним Сергей.

И еще меня беспокоили резкие перемены в отношении Сергея ко мне. С одной стороны его внезапная «искренняя» дружба не могла меня не радовать, особенно если учитывать что в этих отношениях не было абсолютно ничего двусмысленного или не приличного. Вопреки активным пересудам и шушуканьям кумушек у подъезда, Сергей ни разу ни одним взглядом или жестом не показал, что имеет ко мне какие то иные чувства, кроме чисто отцовской заботы и любви. Но с другой мне делалось как то не по себе, когда он при всех вдруг начинал расхваливать мой ум, мою внешность, ловкость, ни с того ни с сего дарил дорогие вещи. Ведь я то отлично помнила тот страшный ночной разговор, когда Сергей требовал от жены любым способом избавиться от меня, жаловался, что я вишу у них на шее, а главное, ему Сергею, мешаю нормально жить. И вдруг такая перемена! Сергей даже своего дружка Жору заставил войти в эту дружбу: вместе они брали меня прокатиться в деревню и Жорж показывал мне там великолепный огромный дом, доставшийся ему по наследству и свою свирепую собаку по кличке Полкан. Узнав о том, что когда то давно, (мне было лет двенадцать или тринадцать, не больше), друг отца шофер, от нечего делать почти месяц учил меня водительскому делу, Георгий тут же предложил мне сесть за руль своего «Мицубиси». Я испугалась страшно и начала активно отнекиваться, объясняя что с тех пор прошло ужас сколько времени, и я само собой давно позабыла науку папиного друга. Но как оказалось, однажды полученные нами знания и правда остаются с человеком навсегда, как только мои руки опустились на руль, а ноги почувствовали педали, я сразу вспомнила все и довольно лихо тронулась с места на пустынной сельской дороге. Буквально минут через пять я чувствовала себя вполне уверенно и окрыленная поощрением и одобрением мужчин даже смогла разогнаться до скорости почти 60 километров в час. Я отчаянно рулила почти всю дорогу до въезда в город и с сожалением уступила водительское место хозяину где то за километр или полтора до поста ГАИ. Нам было так весело в тот день, что именно после этой поездки Георгий даже заговорил о том, что завидует Сергею. Искренне завидует, что у того завелась такая дочка — умница, красавица, с такими блестящими способностями...

— Я бы тоже хотел завести дочку. Только маленькую, чтобы она не помнила своей прежней жизни и всерьез считала меня свой настоящим папой... — С тех пор все чаще и чаще повторял он.

— Кто же тебе мешает? — Спросила как то Аня. — Справься в государственных интернатах. Они сейчас довольно охотно отдают детей на воспитание всем, кто заслуживает доверия.

Жорж пожал плечами и принужденно засмеялся :

— Во-первых , я не знаю, заслуживаю ли я доверия в глазах государства, а во вторых нужно еще отыскать девочку с такими внешними данными и внутренним блеском, как у вашей Эли...

* * *

.... «Нежность» сварилась, загустела и стала настоящим кремом. Мы с Аней быстро принялись раскладывать ее по баночкам с красивой этикеткой, нарисованной и отпечатанной одним из поклонников хозяйки парикмахерской Марины, потом завинтили пробками и немедленно принялись проветривать квартиру. Я распахнула все окна, вечерний туман поднимался над городом, яснее в вечернем воздухе слышались голоса прохожих...

В этот момент на лестнице послышались голоса и в квартиру ввалились Сергей и его неизменный оруженосец Жорж. Анин муж по обыкновению потянул носом.

— Ага, опять была эта гнусная стряпня!

— Довольно браниться, — неожиданно вопреки обыкновению, проскрипел с порога Георгий, — не стоит обижать девочек. И вовсе здесь ничем не пахнет! Ты просто придираешься Серж, вот что я тебе скажу!

К моему глубокому изумлению Сергей тотчас изобразил на лице покорность и добродушие.

— Повинуюсь, больше ни слова! Я нахожу, что здесь божественно пахнет розами, фиалками и чем то еще... Жорж? — Он посмотрел на друга.

— Арбузом! — Брякнул он и вытащил из-за спины сетку с великолепным арбузом.

— Вот так сюрприз! — Мгновенно расцвела Анна. — Просто так или повод какой то появился? — Обняв огромный полосатый шар, она вопросительно посмотрела на мужчин.

— Просто я тебя люблю, сладкая моя! — Сергей наклонился и чмокнул жену в бледную щечку. Она счастливая этим вниманием бросилась со всех ног к мойке мыть и резать арбуз, а Серж между тем наклонился поближе к моему уху и чуть слышно прошептал:

— У меня к тебе есть разговор. Важный и секретный....

— Что то случилось? — Заговорщический тон и подозрительный блеск глаз Ковалева меня не испугал, конечно, но как то смутил.

— Пока нет. Чего ты так всполошилась... — Сергей задумчиво посмотрел на меня, слегка замялся, а потом будто решившись на что то сказал — пойдем, выйдем... мне посоветоваться с тобой нужно об одном важном для меня... для всех нас деле. — Я настороженно кивнула. — Ань! Мы на лавочке во дворе с Элей покурим, пока ты на стол собираешь. — Поднимаясь бросил Серж и потянул меня за рукав. — Кое-что насчет документов...

* * *

Во дворе усевшись на край облупившейся футбольной коробки, Ковалев достал из пачки сигарету и снова задумчиво, будто оценивающе, посмотрел на меня.

— Ты, Эля стала для нас с Анютой почти , как член семьи... То ли дочь, то ли сестренка младшая... — Я промолчала, не зная что ответить на этот то ли укор, то ли комплимент с его стороны. — Но все же, ты уж не обижайся, но ты ведь не родная Не Ковалева одним словом... Да не обижайся ты! — С досадой сказал он , заметив , как при этих его словах вспыхнули мои щеки и глаза мгновенно наполнились слезами. — Ты уже взрослая барышня и прекрасно понимаешь это и без моих слов, правда? — Я кивнула, стараясь загнать совершенно неуместные в данный момент слезы обратно. — Значит, ты не можешь не понимать и еще одной простой вещи, относись мы с Нюсей к тебе хоть немного хуже, ты бы не жила в нашем доме... — Отбросив докуренную почти до основания сигарету, Ковалев слегка приобнял меня за плечи. — Ну, выше нос, малышка! Я ведь позвал тебя сюда вовсе не для того, чтобы укорить или как то обидеть, вовсе нет... Напротив, я хочу попросить твоего совета, а возможно даже и помощи... Как у самого близкого нам с женой человека... Ну, успокоилась? Готова слушать?

Я молча, не поднимая глаз кивнула, разговор мне не нравился. Конечно, я понимала, что Сергей говорит совершенно нормальные и справедливые вещи, но сердце сжималось в предчувствии чего то не хорошего. Да еще и тот ночной разговор, случайно подслушанный мной, с ужасающей четкостью всплыл в голове...

— Я вчера говорил с Аней... — Слегка печальным тоном продолжал между тем мой

собеседник. — Да что вчера, я уже сто раз на эту тему с ней беседовал. Ты ведь в курсе, Эгле, что моя жена спит и видит, как бы ей поскорее стать матерью... — Я подняла глаза и удивленно посмотрела на Сергея. Желание Ани завести ребенка было мне известно уже давным-давно. Она не просто хотела этого, она мечтала и грезила родить малыша от своего горячо любимого мужа. А вот Сергей... Сергей категорически пресекал не только разговоры, а даже малейшие намеки на эту заметно раздражающую его тему. И вдруг сейчас он сам поднимает этот вопрос.

— Я знаю, конечно... — Смутившись, пролепетала я. — Слышала... Каждая женщина... Но ведь это ваше с Аней дело. Я не хотела бы вмешиваться...

— Вот именно! — Хмуро перебил меня Ковалев и снова полез за сигаретой. — Вот именно... Каждая женщина мечтает стать мамочкой, а каждый мужчина хочет занять наследника... ну, или наследницу на худой конец. Даже когда наследовать нечего... Я прав? — Он неожиданно улыбнулся. Правда, улыбка у него вышла какая то слегка печальная. — Но, к сожалению, не всем дано это счастье испытать...не все могут...

— Так ты хочешь сказать... — Ахнула я и прижала ладонь к губам. Вот значит в чем дело! Вот почему Сергей всегда так заводится и злится, стоит только Нюсе завести речь о детях... У Ковалева просто-напросто не может быть детей?

— Вот именно. — Внимательно глядя на кончик своей сигареты, подтвердил мою догадку он. — Детей у меня быть не может... Своих. Поэтому я и не возражал против того, чтобы ты продолжала жить в нашем доме, даже не смотря на тесноту и явные неудобства... Но ты, Эгле, вполне взрослая барышня, не сегодня, завтра встретишь свою судьбу в виде прекрасного принца на белом коне, упорхнешь из нашего с Аней гнезда, и думать забудешь о своей благодетельнице...

— Да что ты такое говоришь, Сергей! — Всплеснула руками я. — Как ты можешь подумать, что я смогу забыть...

— Это жизнь, девочка... — Спокойно улыбнулся он. — Нормальная человеческая жизнь... Рано или поздно ты уйдешь. Да и я... Что греха таить, тебе прекрасно известен мой образ жизни и перспективы на будущее. Дай бог, если все в моих планах удастся и сложится по моему сценарию, — Он суеверно постучал по деревянной обшивке, — но может ведь и по другому повернуться. Человек предполагает, а бог располагает... И тогда наша маленькая Нюся снова останется одна...

— Я ее не оставлю, я буду каждый день ее навещать...

— Верю-верю... — С легкой досадой в голосе согласился Ковалев. — Но у меня тут родилась идея получше. Знаешь, кто меня на нее натолкнул? Жорка, с его нелепыми разговорами об усыновлении маленькой сиротки. Ему то ребенка никто не отдаст, тут и думать не о чем, а вот мы с Аней могли бы попробовать...

— Ты это серьезно говоришь? — изумилась я. — Ты хочешь взять ребенка из приюта?

— А что ты так недоверчиво на меня смотришь? — Слегка нервно поинтересовался он. — Что я не человек что ли? Ты что не знаешь, как я Нюсю люблю? Да я для нее, готов и не на такие жертвы пойти.

— Я знаю. — Мне стало даже как то не удобно за свое недоверие и сомнения.

— В общем, я долго думал обо всем этом, сомневался... Но наконец решился. Я присмотрел подходящего ребенка... Девочку. И хотел бы, чтобы ты, женским взглядом, как говорится, оценила и одобрила мой выбор. Все таки решиться на такой шаг совсем не просто...

— Я так рада! — Я не удержалась и чмокнула Сержа в щеку. — Я даже не знала какой ты... Какой ты на самом деле хороший человек! Что я должна делать?

— Не суетись, — слегка поморщился Сергей. — Пока нужно только глянуть на сиротку и все... Ну в крайнем случае познакомиться, узнать, что за характер у девочки ... ну там что ей нравится, какие конфеты любит... Короче, не мне тебя учить, ты ведь в отношениях с детишками почти профессионалка... И Ане, давай пока не будем ничего рассказывать. Вдруг ничего не получится, зачем вселять в ее душу напрасную надежду...

* * *

Видимо, Сергей и правда был настроен крайне решительно. Уже ранним утром следующего дня мы троим, я, Георгий и ужасно нервный Серж подкатывали к центральному городскому парку, где, как мне объяснили, было намечено первое официальное свидание ребенка и его будущего законного папаша. К моему удивлению, пока мы добрались до места, нервозность Сергея каким то непостижимым образом перекинулись даже на обычно насмешливого и невозмутимого Жору. Он всю дорогу сосредоточенно молчал и выкурил за сорок минут чуть ли не пол пачки своего любимого «Муратти». У меня же настроение в отличии от двух друзей было преотличное. Правда иной раз и в моих глазах проскакивало какое то легкое облачко грусти. Случалось это в основном тогда, когда я вспоминала все то великолепие, которое внезапно увидела вокруг себя в «Алладине»

В огромный игрушечный магазин в самом центре города мы заехали по категорическому настоянию Сергея.

— Может, не стоит сегодня за игрушками то ехать? — Недовольно пробурчал, услышав об этом, Георгий. — Для первого раза можно и так обойтись... Времени осталось не так много, а потом мы ведь не знаем, что нравится этой девчонке... — Он произнес последние слова настолько безразлично и холодно, что такое отношение к будущей дочке друга просто резануло мне слух...

— Не бурчи, Жорж! — Тотчас отозвался Сергей, заметив как невольно изменилось мое лицо после пренебрежительных слов друга. — Хочется, конечно побыстрее на девочку посмотреть, но без подарков ехать как то не прилично, даже первый раз... Ну а что может понравиться маленькой трехлетней барышне, я думаю вычислить большого труда не доставит. Правда, Эль? Мы с Жорой полностью полагаемся на твое знание загадочной детской души.

— Значит ей три годика? — Отчего то обрадовалась я. Не знаю почему, но сначала мне казалось, что Сергей вряд ли рискнет взять к себе в дом такого маленького ребенка и остановит свой выбор на девочке постарше, которая требует меньше внимания и заботы, не будет надоедать, плакать по ночам. — Это ведь здорово, тогда она действительно сможет поверить, что вы с Аней и есть ее самые настоящие и родные папочка с мамочкой, сможет искренне полюбить вас...

— Вот именно! — Многозначительно посмотрел на друга Сергей. — Но, между нами говоря, подарки и сладости в этом деле тоже совсем не окажутся лишними, уж вы, друзья, поверьте моему опыту. — И он расхохотался, на мой взгляд, излишне жизнерадостно и поэтому не больно то натурально. — Так что не ломайся, Жора, и гони свой автомобиль напрямиком к

вождеденному детскому раю.

Сказать, что «Алладин» поразил меня своим великолепием, значит, не выразить и половины тех эмоций, которые буквально обрушились на меня, как только я вступила в огромный светлый зал с высокими потолками. Сергей ни капли не преувеличил и не солгал, вскользь назвав это место настоящим раем. Это была самая настоящая сказка для детишек всех возрастов. Целый зоопарк зверушек, львов, собачек, бегемотов и тигров, кошечек и жирафов, обезьянок и лошадей, поражал многообразием всевозможных цветов и размеров. Здесь можно было увидеть комнаты и целые многоэтажные дома, где мамы-куклы воспитывали кукол-дочек, купали их в микроскопических ваннах, пели им песенки тонкими мяукающими голосками. Рядом с миниатюрной заправкой для шикарных радиоуправляемых автомобильчиков, примостилась самая настоящая парикмахерская, совсем такая, как та, где работает Аня, где, усадив куклу перед настоящим зеркалом, можно было, пользуясь игрушечным феном, расческой и щипчиками для завивки, сделать ей любую самую великолепную прическу. Я ходила среди всего этого великолепия, словно слегка захмелевшая от счастья и удивления увиденным. Как же не похож был «Алладин» на скромный, правда, очень уютный Детский мир у нас на окраине, куда мы с Аней время от времени забегали, чтобы сделать кое-какие покупки или просто поглазеть на новые игрушки выставленные на витрине. Но никогда раньше мое не слишком счастливое и не доигранное и не досмеявшееся детство с такой силой не давало о себе знать. Я ни за что не призналась бы своим спутникам, что и сама не прочь прижать к груди вон ту белую мохнатую собачку, или поближе рассмотреть шикарный наряд вон той вон куклки с бледным фарфоровым лицом... Я искоса глянула на рассеянного и по обыкновению небрежного Сергея. Не дай бог он заметит, как я, уже вполне взрослая тетенька, пускаю слюни у прилавка с игрушками для малолеток. К счастью и Анин муж, и Жора были так поглощены своим разговором, что на меня не обращали практически никакого внимания.

— Ну что выбрала что ли? — Нетерпеливо спросил Жорж, на секунду оторвавшись от беседы, — чего тянуть то, времени нет, давай бери уже что-нибудь и пора двигать в парк...

— Да-да, конечно... — Я покраснела и заторопилась, будто застигнутая за каким-то постыдным, не слишком красивым занятием. — Сразу много брать, конечно, не стоит, но вот эту пищущую собачку, кукольный театр, автобус с веселыми зверушками, мячик, мыльные пузыри нужно обязательно купить... потом еще обязательно нужно взять куклу с шикарными длинными волосами набором одежды, девочки больше всего любят менять наряды и причесывать...

— И это она называет не много! — Чуть не расхохотался Сергей. — Да ты нас, мать, разорить видно решила. Ты цены то видела какие подо всем этим нарисованы...

— Но вы же сказали, любые, вот я и подумала... — Еще больше смутилась я.

— Да не тушуйся ты, все правильно. — Успокоил меня Анин муж. — Мне для нашей обожаемой малютки никаких денег не жалко. А Жорж? — Он внушительно ткнул друга локтем в бок.

— Точно. — Поморщившись, проблеял тот и отвернулся. — И все-таки советую поторопиться. — Сергей подкатил ко мне большую корзину в которую, я мгновенно позабыв обо всех сомнениях начала накладывать особенно приглянувшиеся вещи.

* * *

К центральному входу парка мы подкатили почти в одиннадцать. Свободных мест на парковке почти не было и Жора едва-едва успел втиснуть свой «Мицубиси» между двумя не первой свежести «Десятками», при этом грубо подрезав какой-то не слишком уважаемый

«Форд» . Вволю побранившись с выскочившим из него возмущенным водителем, Жорж как будто слегка успокоился и даже повеселел.

— Ну что друзья, пошли что ли. Посмотрите, какую славную девчущку я выбрал себе в дочери . — Скомандовал Сергей, и мы трое ходко двинулись по аллее к главной площади парка, где у фонтана и были назначены смотрины.

Вокруг фонтан кругом теснились зеленые под цвет окружавшей листвы деревянные скамейки, плотным кольцом опоясывая пространство, внутри которого веселой гурьбой носились возбужденные ребятишки. На лавочках, подставив лица ласковым солнечным лучам, сидели с книжками молодые мамы и нянечки, сосредоточенно вязали бабушки и, небрежно развалившись, читали газеты невозмутимые папаши. Мы заняли скамейку немного в отдалении ото всей этой суеты в тенистой аллее справа от фонтана.

— Ну, где твоя девочка? — Нетерпеливо дернула за рукав Сергея я. — Показывай скорее, какая она?

— Кажется, ее еще нет у фонтана, — внимательно всматриваясь в веселящихся детей, пробормотал он.

— Да вон твоя красавица! — Жорж показал на аллею противоположную той, по которой пришли мы. Я с удивлением посмотрела на него. Вот хитрец, говорил, что ни разу до этого не видел сиротку, а сам узнал ее раньше, чем взволнованный будущий папаша.

Мы дружно обернулись и уставились на очаровательную маленькую леди, одетую в нарядное явно дорогое платье, независимо вышагивающую по аллее с огромной куклой в руках. Сзади , едва успевая за воспитанницей, прихрамывала высокая худощавая и прямая как палка пожилая женщина в очках. Я заметила, что няня несколько раз попыталась направить свою воспитанницу в гуцу ребят у фонтана, но та упрямо шагала в одной ей понятном направлении. Достигнув небольшой лужайки вдали от ребят и лавочек, малышка опустила на траву куклу и начала что то говорить няне , хмуря лобик и размахивая ручонками.

— Вот уж бы никогда не подумала , что дети в российских детских домах живут настолько шикарно. Одеваются в такие платья и гулять ходят в парк в сопровождении индивидуальной воспитательницы. — Меня, всю жизнь больше всего на свете боявшуюся приютов и детских домов, это открытие, и правда, порядком поразило. — Пожалуй, не в каждой даже состоятельной семье могут позволить себе такое...

— Конечно. — Принужденно хохотнул Сергей. — Малышку и нарядили и привели сюда специально, чтобы в грязь лицом перед будущим родителем не ударить... А вообще ведь это не совсем обычный приют, как ты себе это представляешь. Этот дом совсем особенный. В него попадают далеко не обычные подкидыши с улицы. И взять оттуда ребенка, ох как не просто...Это так называемый платный детский дом.

— Платный? ! — Еще больше поразила я. — Совсем ты меня запутал, Сергей. Ну кто, скажи на милость, может платить за несчастных сирот? Ты что не понимаешь, они и называются сиротами именно потому, что у них никого, абсолютно никого нет на всем белом свете. — Я слегка погрустнела, вспомнив свое собственное несчастье. — Если даже вдруг у малышей находятся родственники, да еще такие, что могут платить за шикарное содержание и игрушки, то не проще ли взять ребенка себе...

— Не смейся. — Отозвался, напряженно молчавший до этого, Жора. — Конечно, платить, особенно если бабок навалом, намного проще, чем брать практически постороннего,

неизвестно откуда взявшегося подкидыша и взваливать на свои плечи пожизненные заботы о нем... Но тут дело совсем не в этом. За этих сирот никто не платит, вернее платит, но один человек — хозяин приюта.

— Он что такой добрый и отзывчивый человек, что не может пройти мимо несчастных, обиженных судьбой деток? — Никак не могла понять, что имеет ввиду такой странный и нервный сегодня Жорж.

— Ты что, совсем что ли еще глупая, Эль? — С удивлением посмотрел на меня Сергей, на секунду оторвав взгляд от происходившего на полянке. — Где это интересно ты видела таких дурачков да еще и с карманами полными бабок? Этот парень просто нашел стабильный и прибыльный бизнес и хорошо выполняет свое дело. Он вкладывает в ребенка определенную сумму, а получает потом приблизительно в два, а то и три-четыре раза больше. Теперь поняла?

— Так в этом приюте что, детьми торгуют что ли?! — Ахнула я и испуганно прикрыла ладошкой рот. — Но это же самое настоящее преступление, насколько я знаю...

— Не надо таких громких слов, — слегка поморщился, как от зубной боли, Ковалев. — Все бумаги у них в порядке, и действует дом на вполне законных основаниях. Здоровых и развитых брошенных детишек специально выискивают по всем приютам, больницам и родильным домам города и области. Самых перспективных ставят на довольствие. В этом заведении работают профессиональные и квалифицированные няни, психологи, врачи и воспитатели, и из несчастных подкидышей вырастают не дети, а настоящие конфетки. За ними на несколько лет вперед очередь потенциальных родителей выстроилась из всех развитых стран Европы и мира. Работают почти всегда под заказ, новые родители получают малыша определенного пола, возраста, цвета глаз и кожи. Естественно, директор предпочитает иметь дело с иностранцами, но и нашим изредка счастье перепадает. Вот нам с Аней, к примеру, повезло. Какая то пара из Голландии внезапно отказалась от контракта, то ли заболел кто, то ли обстоятельства личные изменились... я не в курсе особо то, но я подсуетился и быстренько написал договор на себя. За свои деньги я получаю ребенка и весь пакет гарантий на будущее. Родословную, всякие справки от любых мыслимых врачей, заключение психолога, ну и документы, конечно. Так что все законно, не тушуйся Эгле.

— А откуда у тебя взялись такие деньги? — Я с сомнением посмотрела на Ковалева. — Насколько я понимаю, если в этом заведении все обстоит именно так, как ты говоришь, девочка должна обойтись тебе совсем не дешево... Почему просто не взять ребенка в нормальном приюте... Бесплатно...

— Еще бы! — Нервно отозвался Серж. — Денег в это мероприятие вбито уже полно, и еще надо вкладывать и вкладывать. Я тут одно дельце провернул на днях, еще вон Жорж помочь обещал... В общем это забота не твоя. Я уж как-нибудь разберусь, как решить эту проблему. К тому же скидку приличную хозяин приюта делает из-за этой истории с голландцами. А бесплатный сыр, девочка моя, только вмышелове, давно пора бы понять, не маленькая уже. В обычном приюте тебе такую крошку подсунут, что не обрадуешься потом... Если уж брать себе в дом ребенка, так хоть уверенным хочется быть, что он не даун и не псих потомственный...

— Между прочим, и не дадут тебе в государственном доме ребенка на воспитание, — подал голос, хмуро молчавший до этого Георгий. — Ты в их глазах бывший зэк. Личность ненадежная и аморальная...И вообще, хватит болтать, мы сюда не за этим вообще то пришли. Давай, ты обещала, что сможешь ненавязчиво подкатить к девчонке, познакомиться...

— Так пойдемте вместе, чего вы боитесь? Ведь это не я. а ты девочке собираешься стать

родным отцом. Все равно нужно когда то знакомиться...

— Только не сейчас. — Испуганно замахал руками Сергей. — Я еще подожду маленечко...

— И то правильно. — Поддержал друга Георгий. — Ты иди пока одна, Эль, узнай там, какой у малышки характер, что ей нравится... ну ты понимаешь... И еще: няньке пока не стоит знать, что Серега тут по близости находится. Не надо обнадеживать не ребенка, не руководство дома, вдруг девочка с папашей ни в какую сходиться не будут, а денежки то за услуги все равно платить придется. Так что, предлагаю для начала бесплатно обстановку разведать. Если что не понравится, просто тихо слиняем и все, а так за выезд и услуги няньки придется сотню баксов отстегнуть...

— Вот именно. — Согласно кивнул Ковалев. — Я деньги не рисую, между прочим, чтобы за каждую безделицу по три тысячи отваливать...

— Ну ладно, мне в принципе не трудно, я люблю с детьми заниматься. — Я пожала плечами и непринужденно зашагала по теплому асфальту тротуара к тому месту, где расположились девочка и ее престарелая няня. Что то во всей этой истории с усыновлением мне не нравилось. Не слышала я раньше о таких детских домах, вернее слышать то слышала, но как то в основном в сводках криминальных новостей... Конечно, от того, что я познакомлюсь с девочкой, хуже никому не станет, поговорю с ней, осмотрюсь, а там видно будет...

* * *

— Валь, ну Валя же — еще издали услышала я капризный плачущий голос девочки. — Ну садись вот сюда со мной на травку. — Малышка присела на корточки и требовательно похлопала ладошкой по мягкой траве около себя. — Давай веночек сплетем, я хочу из цветочков на голову вено-о-к.... — Девочка уже почти рыдала.

— Аришенька, милая я не умею венки плести, меня не учили этому в школе для нянечек...

— У-У-ууу — продолжала плакать девочка. — Ты ничего не умеешь... Ты плохая, Валя, плохая... плохая... — Арина затопала по траве ножками обутыми к симпатичные кожаные сандалетки. — Я прикажу, чтобы тебя уволили, раз ты такая не хорошая и злая. Быстро садись со мной рядом, будешь одевать мою куклу...

— Я не могу рядом, Ариночка. — Со страданием в голосе пыталась образумить ребенка няня. — Ты же знаешь, у меня ножка с самого утра болит. Мне даже стоять плохо, девочка. Давай пойдем вон туда, к лавочкам, ты с ребятами поиграешь, а я ведь старенькая...

— Я не хочу чтобы старенькая... — С новой силой зарыдала Арина. — Я хочу, чтобы играть... Я хочу веночек... — Из глаз малышки текли самые настоящие крупные как бусины слезы.

«А девочка то настоящая капризница. — Невольно подумалось мне. — Намучается с ней Аня, ох как намучается...»

— А какой бы ты веночек хотела? — Спросила я, остановившись напротив горько рыдающей девочки. — Какие цветочки тебе больше нравятся, белые, желтые, а может быть красненькие?

— Я вон как у той девочки хочу. — Хмуро отозвалась Арина. — А эта Валя глупая ничего не умеет делать... — Малышка свирепо посмотрела на няню.

— Ну зачем же ты так обижаешь свою няню? — С улыбкой поинтересовалась я. — Она ведь

умеет много других более важных и полезных вещей...

— Ну и пусть, мне все равно. — Упрямо насупилась девочка. Пусть умеет. Все равно прикажу, чтобы ее прямо сегодня уволили. Она играть со мной совсем не хочет. А мне скучно...

— Ну, если дело только в венке, то я с удовольствием помогу тебе сплести его еще более красивым, чем у той девочки у фонтана. Идет?

— А ты что правда умеешь веночки делать? — Недоверчиво посмотрела на меня практически высохшими глазами Арина. — Правда-правда?

— Девушка, милая, — взмолилась няня, — не могли бы вы с девочкой поиграть с полчаса? Сколько лет работаю, ни разу мне еще такой капризный ребенок не попадался, хоть и правда увольняйся ей богу. Просто дни считаю до того, как заберут ее. Обещали увезти со дня на день... А сегодня с утра еще ревматизм прихватил, так вообще никакого спасу от ее упрямства нет. Мне бы на лавочку сесть, чтобы колено успокоилось, я и так не спала из-за него всю ночь, а тут еще капризы, как на зло...

— Вы идите посидите, конечно, о чем речь... — Искренне отозвалась я. — Не волнуйтесь, мы с Аришей прекрасно поладим, я ведь тоже иногда няней подрабатываю...

— Вот спасибо, девушка, я даже денег могу вам немного за помощь заплатить...

— Когда мы играть то будем? — Снова заканючила девочка, дергая за рукав теперь уже не няню, а меня. — Я сейчас опять плакать буду...

— Не надо плакать, милая, — я опустила перед девочкой на корточки. — Значит, ты хочешь веночек из одуванчиков, как у той девочки? Давай тогда соберем для начала немного цветочков. А знаешь, почему эти желтые красавчики называются одуванчиками? — Девочка, с искренним удовольствием срывающая крупные желтые цветы, с интересом посмотрела на меня. — А просто, когда они долго-долго поживут и станут старенькими...

— Как Валя? — Деловито поинтересовалась она.

— Ну приблизительно. — Кивнула я, — то вот эти вот шикарные желтые волосики становятся беленькими и прозрачными...

— Ну точно, как у Вали! — Удовлетворенно сказала Арина.

— И разлетаются в стороны от малейшего дуновения ветерка. — Продолжила я, видя, что девочка слушает с искренним любопытством.

— И он становится лысеньким? — Искренне расхохоталась девочка, посмотрев на яркий желтый цветок, зажатый в ее руке. — Значит, и Валя тоже станет скоро лысенькая?

— Нет, Валя, наверное, не станет... — немного растерялась от такой железной логики я.

Вдвоем мы с удовольствием сплели венки не только мне и Арине, но и даже кукле достался маленький симпатичный веночек. Достав из кармана предусмотрительно прихваченный с собой шарик с мыльными пузырями, я показала девочке, как запускать в небо пеструю армаду хрупких переливающихся на солнце всеми цветами радуги шаров и, пока она с интересом дула в трубку, я задумчиво посмотрела на дремлющую на лавочке раскидистого дерева Валию, потом посмотрела в тот конец аллеи, где, по прежнему не решаясь подойти, сидели мои старшие

товарищи. Веселая и непосредственная девчушка нравилась мне все больше, да и настроение у нее, похоже, сделалось преотличное. Именно в этот момент у меня в голове и родилась «Блестящая идея». Мне очень хотелось, чтобы эта история с удочерением Ариши удалась, и Аня, наконец то, стала по настоящему счастлива. Она будет просто сумасшедшей матерью, я уверена в этом. А вот, Сергей... Отношение Ковалева к будущему отцовству мне не нравилось. Само собой он хотел доставить удовольствие и радость своей жене, но совершенно очевидно и то, что сам он вовсе не горел желанием привести в дом маленького ребенка. Да еще оказывается, эта затея обойдется ему в кучу денег... Я снова посмотрела на Сергея и Жору и поняла, если я сейчас не предприму каких то решительных шагов, Ковалев запросто может отказаться и спокойно уйти из парка, забыв о своих обещаниях.

— А скажи ка мне Ариша, как интересно зовут твою нарядную куколку? Она выглядит как самая настоящая королева...

— Она не королева. Он принцесса. — Не отрываясь от пузырей, важно ответила девочка. — Ей и платье Валя сшила совсем как в том мультфильме про льва... Ты смотрела про льва?

— Конечно! — Храбро солгала я, — очень интересный мультфильм. Ну а имя то у нее есть?

— Не знаю... — Растерянно посмотрела на меня девочка. — Наверное, ее Арина зовут... Я же Арина.

— Ну правильно, а раз вы обе Арины, значит, ты тоже принцесса, так?

— Так... — не совсем решительно, но все же кивнула она.

— А скажи ка мне Арина, а у вас сесть своя собственная свита, которая выполняет все ваши приказания и желания... У всех принцесс ведь должна быть свита.

— Да... кажется в мультфильме была свита... — Расстроилась малышка. — А у меня нет... И Валя тоже ничего выполнять не хочет... Может, ты нашей свитой будешь, а? — Позабыв о пузырях, Ариша с надеждой уставилась на меня.

— У меня есть идея получше. — Заговорщическим тоном прошептала я. — Вон там вон на лавочке сидят два моих хороших друга, думаю, они с удовольствием немного побудут вашей свитой.

— Правда? А они согласятся?

— Конечно! — Весело кивнула я. — Кто же откажется хоть немного побыть свитой таких прелестных принцесс как вы? — И я, еще раз посмотрев на спящую няню, взяла девочку за руку и повела в тот конец аллеи, где меня нетерпеливо ожидали друзья.

Увидев перед собой нас с Ариной, Жорж чуть не поперхнулся от неожиданности.

— Какого черта ты притащила ее сюда? — Возмущенно зашипел он, весь покрывшись красными пятнами. — Что нам с ней делать, скажи на милость?

— Я не к Вам ее привела, я хочу, чтобы Сергей поближе познакомился с Аришей, увидел, какая она славная и милая...

— Дядя что не хочет быть моей свитой? — Немного испуганно спросила девочка и прижалась ко мне. — Он тоже старенький, как Валя да? Тогда пойдем обратно на лужайку... мне здесь не

нравится... — Арина потянула меня за руку по направлению к тому месту, где мирно дремала ее няня.

Я укоризненно посмотрела на Георгия.

— Конечно, дядя хочет быть твоей свитой, прекрасная королева, — наконец то нашелся, тоже по началу впавший в какой то не понятный ступор Сергей. — Только он не умеет...

— Принцессой. — Хмуро поправила девочка и посмотрела на аниного мужа с некоторым интересом. — А ты умеешь?

— Конечно! — Обворожительно улыбнулся он. — Я прекрасно разбираюсь в том, как прислуживать маленьким очаровательным куколкам вроде тебя, радость моя. И дядя тоже сейчас быстренько начнет улыбаться...

Под пронзительным взглядом Сергея Жора смог выдавить на своем испуганном лице какое то подобие слабой улыбки. Вообще их суматошное и нервное состояние меня поражало. Ну ладно Сергей. В самом деле не каждый день мужчина вот так вот внезапно становится отцом... Хотя, что так ужасно волнует всегда невозмутимого и хладнокровного Ковалева, что у него даже мелкие капельки пота выступили на лбу, я никак не могла взять в толк. А уж трясущиеся руки Жоры с то и гляди вываливающейся из пальцев сигаретой, заставили мое сердце сжаться от нехорошего предчувствия.

— Мы, пожалуй и правда вернемся к Вале. — Я решительно потянула девочку за руку и в тот же момент почувствовала на локте стальные пальцы Сергея.

— Куда ты, Эгле? — Почти ласковым голосом спросил он. Мне стало по настоящему страшно, от этих тихих размеренных слов — Для начала я предлагаю моим очаровательным принцессам проследовать в карету, которую свита специально привезла сюда для вас. — Натянуто улыбаясь, он сунул мне в руку ключи от Жориного потрепанного «Мицубиси». Идите к машине, Жора, проводи... Что вы встали столбом? — Едва не сорвался на крик он, видя нашу с Георгием растерянность. — Шевелитесь живее!

— Ты что хочешь забрать Арину прямо сейчас? Вот так вот неожиданно, никого не предупредив, не оформив никаких документов... — Обалдела я. У меня внутри все похолодело.

— Я же сказал, что предупрежу нянюку. — Раздраженно отозвался Сергей. — Да она и так в курсе. А документы тоже все уже практически готовы. Нечего время то тянуть, нужно использовать момент, пока она не передумала и не начала орать на всю улицу. Жорж, мать твою! Да встряхнись же ты, наконец. Ты что не понимаешь, что я тебе говорю? Или сейчас или никогда!

— Я никуда не пойду, — твердо заявила я. — Я отведу девочку туда, откуда забрала. Няня мне доверила этого ребенка, и я не могу ее так подвести...

— Тогда и иди, сама объясняйся со старой гримзой. — Грубо отозвался Сергей, подхватил ребенка на руки и размашисто зашагал в сторону главного выхода. Я стояла, растерянно хлопая глазами и не зная на что мне решиться. В том, что перед моими глазами только что разыгралась какая то совершенно не красивая ситуация я поняла сразу, что никакого ребенка усыновлять Сергей вовсе не собирается, а дело то тут совершенно в другом... Я боялась даже в мыслях озвучить свои подозрения, ведь к моему ужасу и стыду я сама стала участником и чуть ли не инициатором похищения маленького ребенка.... Что девочку попросту выкрали, я уже практически не сомневалась. Еще раз посмотрев вслед быстро удаляющейся парочке с

ребенком на руках, я, глотая слезы, побежала следом.

Догнав их, я краем уха услышала, как Сергей настойчиво втолковывает ошалевшему Георгию.

— Да пойми ты, кретин, такая удачная ситуация может больше и не возникнуть ни разу... Ну соберись же ты, что трясешься, как самый последний трус...

— Но мы же еще ничего не подготовили, не спланировали, как положено... — Слабо сопротивлялся тот. — Вдруг что то не удастся.

— Да раскрой же ты глаза, тюфяк. Все уже удалось, девочка то у нас. И привела ее Эгле. Одна! — От этих слов у меня засосало под ложечкой и перед глазами поплыли круги. Мой мозг усиленно пытался придумать, как выйти из сложившейся ситуации, вернуть девочку няне так, чтобы меня никто не заподозрил в попытке похищения. Можно, конечно, закричать на всю улицу, привлечь внимание людей. Но что тогда будет с нами? И меня, и Сергея, и Жору сразу же арестуют... Что будет тогда с Нюсей? Она с ума сойдет, узнав, что ее обожаемый Сережа опять в тюрьме... А я? Ведь Ковалев прав, я сама, по собственной инициативе увела с лужайки девочку... А вдруг мне не поверят в милиции? Вдруг решат, что я сама все это задумала? Уж Серж и Жора постараются всех в этом убедить.

— А вот и наша карета. — весело сказал Ковалев, как только мы вышли из ворот и оказались на стоянке.

— У-у-уу... — Разочарованно протянула девочка и покрепче прижала к себе куклу. — А почему она такая не красивая? И грязная? У Саши машина большая и блестящая, а эта плохая. — Арина явно не желала садиться в машину — Аришенька, милая, ну как же ты не понимаешь, это же карета, а не машина. Она приехала за нами из самого дальнего предального тридевятого королевства, конечно, она немного запылилась в дороге. Но знаешь что, — Голос Сергея звучал умильно и приторно слащаво. — гномики, приславшие ее сюда, положили внутри очень даже интересные и красивые подарки.

— Для меня? — Обрадовалась девочка. Расчет Ковалева оказался верным. Не родился еще тот ребенок, который сможет отказаться от красивых новых игрушек.

Ну конечно! Конечно, они собрали самые лучшие подарки для своей маленькой принцессы. — Он показал девочке сваленные на заднем сиденье «Мицубиси» игрушки. После этих слов малышка сама потянула меня в прохладную внутренность машины и сразу же закопалась в ярких упаковках, а я обречено полезла следом. Жора, даже не успев перевести дух и ни разу не глянув в сторону заднего сиденья, где Ариша сосредоточенно пыталась разорвать очередную упаковку, скрывающую от нее вожделенную игрушку, плюхнулся за руль и вставил ключ в зажигание. Сергей, усевшись на переднее сиденье, достал из бардачка лист бумаги и ручку.

— Давай, Эгле, бери ка в руки ручку и пиши записку для няньки. А то она сейчас проснется и обнаружит пропажу. Ее инфаркт еще чего доброго хватит. — Он нервно хохотнул и глянул на Жоржа. — Ты чего на меня уставилась, как на приведенье? У меня прическа сбилась?

— Верни немедленно девочку няне. — Тихо но очень решительно сказала я. — Похищение детей, очень серьезное преступление. Сейчас еще есть время повернуть все назад... Скажу, что прогулялась с Аришей по парку... придумаю что-нибудь... Умоляю, Сергей, не связывайся ты с этим! Не надо! О Нюсе подумай, что с ней будет, если все откроется...

— Замолчи, придурочная! Много ты понимаешь! — Неожиданно зло сорвался Сергей. — Я об

Ане как раз и думаю, чтобы ты знала! Да у меня сердце кровью обливается, когда я вижу, как она бедняжка выбивается из сил, чтобы прокормить таких здоровых и бесполезных нахлебников, как мы с тобой! А я хочу сделать ее королевой! Она ни в чем не будет нуждаться! Ни в чем! Ясно тебе? Она будет ходить в самых дорогих мехах, есть в самых дорогих ресторанах, ездить на шикарных машинах... — Глаза Сержа мрачно блеснули. — И имей в виду, я любого, кто осмелится мне помешать и встанет на моем пути в порошок сотру... Уничтожу не задумываясь. Поняла? — Я со страхом забила в самый угол сиденья. — Хочешь в этом убедиться? — Я отрицательно замотала головой. — Тогда бери ручку в руки и пиши. Господин Кронберг! Девочку мы забрали с собой... написала? — о деньгах договоримся позднее. Я позвоню, как только определюсь с местом и суммой. — Сергей торопливо вытащил из моих пальцев лист, сложил его в четверо и вышел из машины. — Вы поезжайте, не ждите меня, — сказал он напряженно восседавшему на водительском месте Жоре. Мне через весь парк обратно идти не в кайф. Подъедешь к той дыре в заборе... ну ты знаешь... — Георгий с готовностью кивнул и запустил двигатель.

* * *

Через десять от силы пятнадцать минут мы уже неслись по направлению той самой деревни, название которой начисто выветрилось у меня из головы, той самой, где находился дом, доставшийся Жоржу по наследству от какого дальнего, но очень щедрого родственника. Сергей выглядел все еще возбужденно и взволнованно, но капельки пота уже бесследно исчезли с его лба и глаза повеселели.

— Сейчас в деревню приедем, девочку выгрузим и будем ждать результата. Считаю сделано дело! И как чисто, комар носа не подточит! — Совершенно успокоившись, хохотнул он и довольно внушительно ткнул вцепившегося в руль Георгия.

— Не вижу пока повода для особого веселья. — По прежнему хмуро отозвался тот. — Зря мы так поторопились с этой девочкой... Вот попомни мои слова, Серж, дела, которые проворачиваются тям-ляп без тщательной подготовки и просчитывания всех возможных нюансов и накладок, никогда ни к чему путному не приведут...

— А по моему все как раз наоборот. — Легкомысленно отмахнулся от друга Сергей. — Любишь ты поворчать, приятель, и настроение испортить... Дело то вон как закрутилось, буквально с пол оборота, стоило только чуток толкнуть и машина сама пришла в движение. Ну скажи, разве это не счастливый знак и не признак буквально нечеловеческого везенья, что все так удачно совпало в первый же день, А? Ну скажи-скажи...

— Чего уж теперь говорить, — не отрывая глаз от лобового стекла, пробурчал Жорж. — Теперь говори, не говори все равно назад не отмотаешь...

— Охолопись, Жора! — Каким то чужим, холодным и очень властным голосом сказал Ковалев. — Расклеился как баба.

Я затаилась на заднем сиденье со спящей малышкой на руках и снова начала мучительно искать выход из сложившейся ситуации. Господи, как я могла быть такой наивной и глупой! Да что там говорить, душой я была самой настоящей беспросветной и кретинкой. Судя по истерическим выкрикам Георгия, эти двое и не помышляли сегодня вот так вот легко заполучить добычу в свои сети. Так просто шли, на разведку как говорится, к местности прицениться, разведать обстановку, а я как самая полная идиотка полезла со своей дурацкой инициативой и попросту увела ребенка из под носа доверчивой старой больной женщины. Не удивлюсь, если бедную няню Валю и правда хватил удар, когда она раскрыла глаза и увидела,

что Арина пропала вместе с неизвестной подозрительно услужливой девушкой и куклой впридачу. Что происходит сейчас с родителями малютки, я даже подумать боялась. Ах, если бы у меня в кармане был хотя бы самый маленький и самый дешевенький сотовый телефон, я бы уж точно нашла способ спрятаться и дать знать о том, что происходит, хотя бы Нюсе, а уж она то смогла бы вызволить нас с Аришей из рук этих лицемерных разбойников. Хотя нет... даже в Анне, своей самой родной и самой любимой старшей сестренке я теперь не могла быть до конца уверена. Кого она выберет, чью сторону займет в этой понятной мне и вероятно довольно сложной и запутанной со стороны не причастного человека истории, захочет ли спасти меня и девочку, ведь тем самым ей поневоле придется топить своего обожаемого Сережу... А уж этот хлыщ с его красноречием сможет внушить что угодно и кому угодно, а уж наивной Аннушке и подавно...

Что делать в этой ситуации дальше я додумать не смогла. От резкого клаксона какой то промелькнувшей за окном встречной машины Арина внезапно проснулась и немедленно начала плакать. Как ни старалась я ее успокоить, девочка не умолкала ни на минуту, а рыдала все громче и громче.

— А-а-aaa! — кричала она. — Где моя Валя? Я к Вале хочу... Мама где?! Я хочу на ручки к моей любимой мамочке! — Все мои усилия успокоить или хотя бы на время отвлечь ребенка рассыпались в прах.

Сначала еще Сергей пытался держать себя в руках. Он отвернулся, стиснул зубы и прибавил погромче музыку, до этого приглушенного им же радиоприемника.

Когда совсем уже охрипшая от крика девочка сменила свою песню и начала требовать сначала кушать, потом пить и писать, Георгий не выдержал и заорал во всю глотку:

— Если ты немедленно не заткнешься маленькая привереда, я выкину тебя из машины прямо в окно, поняла? Или придушу попросту... Ясно?

Девочка испуганно захлопала глазами, и на сиденье под ней стало немедленно расплзаться большое мокрое пятно.

— Этого еще не хватало! — Совсем озверел Жорж, услышав, что малышка испортила обивку его сиденья.

— Нужно было остановиться и дать ребенку спокойно сходить в туалет. — Дрожащим голосом попыталась защититься Ариша я. — Лучше всего это сделать в каком-нибудь придорожном кафе, там можно будет ее еще и покормить...

— Чего теперь останавливаться то, она все сделала. — Злобно отозвался Жора.

Как будто в ответ на его слова девочка снова зашлась в рыданиях — Меня тошнит... какать хочу...дайте пить...

— Послушай, Жорж, лучше, и правда, остановиться хотя бы не надолго, иначе, боюсь, скоро в твоей машине будет попросту не продохнуть. Давай, причаливай вон к той деревянной домушке, вроде там продают какую то пищу. Я и сам жрать хочу, как из пушки, от нервов наверное ...

— Да меня тоже пробило на жрачку по полной программе, — отозвался Георгий, останавливаясь на противоположной стороне трассы напротив не слишком уважаемой на вид кафешки. — Только опасаясь я, что запомнит нас официантка местная, потом хлопот с ней

не оберешься, если что... Да эта еще истеричка никак не может закрыть свой дурацкий рот. Такая, и не захочешь, в память так врежется — ластиком не сотрешь...

— Можно их с собой в кафе вообще не брать... Посидят немного в машине. — Я замерла, не в силах поверить в свою удачу. Если эти двое уйдут в кафе, мы с девочкой запросто сможем от них сбежать... Рядом оживленная трасса, по которой то и дело со свистом проносятся машины. Уж кто-нибудь из водителей сжалится и поможет бедной девушке с малышкой на руках добраться до города. Но дальнейшие слова Сергея ввергли меня в еще большее уныние. — Ты быстренько закажешь все, что там есть приличного, мы немного отъедем от этой халупы и спокойно пообедаем прямо тут в машине... Да заткнешься ты наконец, маленькая ведьма!? — Не выдержав все усиливающихся криков ребенка, заорал он.

Жора, поморщившись, торопливо выскочил из машины и чуть не бегом пустился к дверям с надписью «Кафе» над входом. Девочка уже не кричала, она только тихонько всхлипывала и даже начала икать. Потом, покосившись на сидящего со свирепым лицом Сергея, наклонилась к самому моему уху и прошептала — Тетя... меня тошнит... правда.

— Что она говорит? — С тревогой спросил у меня Ковалев.

— Ее сейчас стошнит. — Не глядя на него, ответила я. — Думаю, это правда, посмотри, как она побледнела и осунулась...

— Ну и чего ты ждешь? Открывай скорее дверку и выводи эту поганку на улицу. Мало того, что теперь всю дорогу придется нюхать запах мочи, но еще и блевотину я просто не выдержу. — Он брезгливо сморщил нос и потянулся в карман за очередной сигаретой.

Отойдя шагов на десять от «Мицубиси», я поставила девочку на землю и ласково спросила :

— Ну, как ты, тебе лучше?

Девочка кивнула и доверчиво прижалась к моей ноге.

— В этой карете страшно и пахнет плохо... Папа никогда не разрешает Саше курить в машине. Давай не будем больше туда возвращаться. А? — Она просительно заглянула мне в лицо своими блестящими от слез глазками. — Давай?

— Знаешь, Ариша, возможно нам придется опять поехать в машине с этими дядями. Мы ведь с тобой не можем оставаться здесь, по середине дороги без денежек и еды. Правда? Но как только мы доедем до места, уж я постараюсь и найду способ сообщить твоим родителям о том, где ты находишься, договорились?

— А ты просто папе моему позвони, и он сразу же пришлет за нами Сашу. Валя всегда так делает... — С видом превосходства Ариша подняла на меня свои огромные наивные глазищи и улыбнулась.

— Легко сказать... — пробормотала себе под нос я.

— Ты что такая большая тетя, а телефоном пользоваться все еще не научилась? — Удивленно посмотрела на меня девочка.

— У меня просто нет с собой телефона. Вот и все. — Удрученно вздохнула я.

— У меня есть. — Неожиданно сообщила девочка.

— У тебя?! — Изумилась я. — Откуда? И где он сейчас?

— Он там в сумке у принцессы. — Девочка махнула ручкой в сторону «Мицубиси», откуда за нами настороженно наблюдал Сергей. — Я у Вали взяла... и спрятала... — Арина смутилась и опустила глаза.

— Зачем? — Я принялась лихорадочно обдумывать, как мне получше использовать это новое и очень удачное обстоятельство.

— Я взяла у нее в машине, когда она как всегда заснула на сиденье. У нее так смешно рот открылся... Вот так... — Малышка старательно надула щеки и резко выдохнула — Фу-у-ух... А телефон вывалился из кармана я и взяла, а то она все время сама решает, когда нам гулять заканчивать, достанет трубку, позвонит, и за нами сразу Саша приезжает, а так я сама смогу сколько хочешь быть в парке...

— Ясно. Знаешь что, Ариш, пообещай мне, пожалуйста, что никому больше не скажешь про то, что у тебя есть телефон. Хорошо? А то эти злые дяди отнимут его и мы с тобой не сможем позвонить папе... Мы потом тихонько спрячемся и скажем, где мы... Ладно?

— Ладно. — Серьезно кивнула девочка. — Мой папа приедет и побьет этого лохматого, который меня напугал... Только и ты пообещай, что не расскажешь никому, как я описалась от страха.

— Идет! — С легким сердцем пообещала я.

— Долго вы там еще прохлаждаться собрались? — не вылезая из машины, недовольно крикнул Сергей. — Что-то я не заметил, чтобы ее тошнило...

В этот момент на микроскопическую стоянку рядом с кафе ловко зарулил огромный блестящий джип. Из него, не спеша, вылезли три амбалистого вида парня. Мгновенно оценив расстояние до них, я резко подхватила малышку и ринулась через трассу напрямик к разинувшим рот от удивления парням.

— Помогите! Ради бога, помогите! — Во весь голос кричала я. — Этот человек в машине нас похитил.

— Что ты делаешь, дура! — На моем пути вдруг совершенно внезапно возник обвешанный пакетами Георгий. — Ты что, совсем что ли от своей наркоты рехнулась, идиотка? Дай сюда девочку. — Он резво побросал на землю пакеты и выхватил Арину у меня из рук. Девочка испуганно затихла. Сзади уже подбегал взбешенный Сергей.

— Извините, ребята. — Он укоризненно посмотрел на Жоржа. — Ты уже как-нибудь разберись со своей полоумной женой, дружище, а то прямо от людей стыдно... — Он снова повернулся к заинтересованно прислушивающимся к бездарному спектаклю амбалам. — Сами понимаете, всяко в семейной жизни бывает. Я сто раз говорил этому простаку, — он мотнул головой в сторону растрепанного Жоржа, — чтобы не тащил в жены эту девку подзаборную, а он повелся на молодость, да ножки длинные, прости господи... Да еще и дочку родить умудрились. Теперь вот и мается. И выгнать не может из-за ребенка и терпеть уже порой сил нет. А эта шалава только и знает, что издеваться, да за парнями бегать, как угорелая. Видно ее машина ваша сильно впечатлила, вот и понеслась со всех ног, почуяв состоятельных людей...

— Ребята, неужели вы не видите, что эти двое все врут? — Замирая от страха, с тоской обратилась к амбалам я. — Разве похожа я на наркоманку, а? Они правда похитили эту маленькую девочку, она совсем не моя дочь...

Парни с сомнением переводили глаза с меня на сверкающего глазами от бессильной злобы Сергея и снова на меня...

И в этот момент совершенно не к стати снова расплакалась Арина. Протянув ко мне руки, она во весь голос завопила — Отпусти меня сейчас же, я к маме хочу! — и снова стала тянуть ручонки в мою сторону.

— Нам не верите, так хоть ребенку поверьте! — Сразу же нашелся Георгий, — малышка то уж врать не станет.

— Всыпал бы ты хорошенько своей супружнице, — сплюнув на землю, искренне посоветовал один из парней и неторопливо вразвалочку пошел к кафе. Остальные потянулись за ним. — Развесили уши как ослы, стоим головами киваем... стыдоба... — донеслось до меня.

Сергей, подобрав разбросанные в суете пакеты, грубо подталкивая в спину, потащил нас к машине, я, с тоской еще раз оглянувшись на скрывшихся за дверями кафе парней, покорно опустила на сиденье рядом с притихшей на время Аришей и теплыми пакетами с едой.

* * *

Через пол часа мы уже оказались перед уединенным, окруженным небольшим садом домом Жоржа. Первое, что мы услышали, выйдя из машины, был злобный и оглушительный лай Полкана. Он сидел в огороженном сеткой загоне, и мне отчего то стало его мучительно жаль. Хотя я и знала, что его каждый день приходит кормить и поить соседка из дома напротив, она же забирает почту и следит за домом в отсутствии хозяев, но все равно у меня просто сжималось сердце, когда я смотрела в печальные глаза несчастного пса. Если бы меня вот так же посадили в клетку и оставляли постоянно в одиночестве наедине со своими печальными мыслями, я бы, наверное, уже через неделю сошла с ума. Я хотела сразу же познакомить Аришу с Полканом, но девочка, уставшая от нервозности и слез, попив молока и с яростью оттолкнув от себя тарелку с теплым пловом, так резко, что обед веером разлетелся по всему салону автомобиля, оставив большие жирные пятна не только на обивке салона, но и на щегольских брюках Сергея и на светлой рубашке Жоры, еще в дороге снова крепко уснула. Так, спящую, ее и вытащил из салона Сергей и со всеми мыслимыми предосторожностями, дабы не дай бог не разбудить, понес в спальню на втором этаже. Я, крепко прижимая к груди огромную куклу с заветным телефоном в сумочке, обречено поплелась следом за ним. Дело чуть не испортил Полкан, который зашелся в новом яростном приступе лая, как только увидел вылезавшего из машины Георгия. Я еще в прошлый наш приезд сюда подумала, что это довольно странно, что пес, пусть даже и сторожевой, настолько сильно и остро ненавидит своего собственного хозяина. Зачем тогда вообще держать подобное животное? Ведь даже дом, запертым в клетку, он охранять не может. Но подумала как-то вскользь, не потрудившись даже остановиться на этой в принципе здравой мысли, настолько весело было нам троим, и так много новых приятных ощущений переполняли меня тогда.

— Заткни немедленно этого пса... — Свирепо прошептал Ковалев, обращаясь к своему другу. — Иначе он всю округу на ноги поднимет, а еще и того хуже разбудит эту маленькую ведьму и она опять начнет рыдать и бросаться едой.

— Как, интересно, ты предлагаешь мне это сделать? — Ядовито поинтересовался Жорж, запирая машину. — Да стоит мне только подойти к нему поближе, как он так и норовит вцепиться мне в горло. Я в прошлый раз пытался пнуть его ногой, так он мне ботинок своими клыками порвал, зараза! Хорошо хоть загон крепко запирается, а то эта зверюга, чего доброго, в один прекрасный день вырвется на свободу, сожрет всех нас с потрохами и не подавится.

Его слова меня удивили, еще в прошлый раз я, присев перед клеткой на корточки, довольно спокойно протянула руку и погладила Полкана по мохнатой голове. Пес замер от удовольствия и даже попытки не сделал схватить меня за пальцы или того больше вцепиться в горло... Он даже не рычал, только слегка гудел добродушно, как паровоз, отправляющийся в путь. Видимо, и это мое предположение оправдалось, этот дом и этот пес не имеют к Георгию никакого отношения. Вероятно, он снял это жилье на какое то время у настоящего хозяина, чтобы получше замести следы и спрятать похищенного ребенка от глаз милиции, а может, этот дом служил и еще для каких то махинаций, проворачиваемых ловкими пройдохами. А Полкан, как и всякая собака, интуитивно чувствует дрянных людей и остро их ненавидит, к тому же он сам признался, что пытался пнуть пса ногой. Сергея Полкан тоже как-то не особенно жалуется, насколько я успела заметить.

К счастью, несчастный измученный слезами и дорогой ребенок не проснулся даже от неистового собачьего лая, и Сергей смог благополучно донести ее до кровати, потом он спустился в большую сыроватую комнату, которую в прошлый раз между собой друзья называли гостиной. Поднимаясь наверх с малышкой на руках, он приказал мне ждать его именно там, вскоре к нам присоединился и Жора. Он за это время успел крепко запереть ворота на улицу и включить в подвале радиаторы электрического отопления, и в доме прямо на глазах начало теплеть.

— Ну что, подруга, пришло время поговорить нам всем троиm откровенно. — Опускаясь в кресло и закидывая ногу на ногу, со своей всегдашней усмешкой произнес Сергей.

Да о чем можно с ней говорить, Серж! — Недовольно пробурчал Георгий, доставая из серванта бутылку коньяка и два фужера. — Она чуть все дело нам не испоганила, там на дороге. Еще чуть-чуть и эти придурки с бицепсами за милую душу утащили бы нас в милицию со всеми потрохами. Коньяк будешь? — Он протянул Сергею фужер, наполненный темной искрящейся жидкостью. Тот отрицательно покачал головой.

— Нет. Я скоро поеду обратно в город... Ты не забыл, что вечером у нас назначено одно важное свиданье...

— А я? — Хмуро поинтересовался Георгий, резким движением опрокинув коньяк в рот.

— Ты напишешь мне доверенность и спокойно будешь ждать меня здесь, а заодно и присматривать за нашими суетливыми крошками...

— Какого черта я должен сидеть здесь и валандаться с этими истеричками? — Хмуро поинтересовался Жорж и налил себе еще коньяка в фужер. — Мы вроде бы собирались ехать вместе.

— Так бы и было, милый мой... — Излишне любезно пропел Ковалев, — если бы один не слишком молодой истерик своими причитаниями не испортил нам всю раскладку. Эля бы могла до сих пор прибывать в счастливой уверенности, что все идет по плану — Что я, ни какой то ужасный и гнусный похититель маленьких детей, а радостный будущий папаша, ведьмочка там на верху — моя обожаемая малышка. Но ты ведь никак не мог совладать со своими эмоциями, дружище, вот и расхлебывай теперь, сиди и карауль уже не одну, а двух капризных девчонок...

— Они и так никуда не сбегут, на всех окнах крепкие решетки, дверь массивная и запирается на четыре оборота, куда они денутся? А мы бы могли, получив деньги сразу, пока менты не очухались и не начали прочесывать все вокзалы и дороги, махнуть сначала из города, а потом

и из страны. С такими бабками нам абсолютно нет никакой надобности сидеть и разгребать дерьмо здесь, в России... А уже оттуда позвонили бы и сообщили адрес этого дома, пусть забирают свою маленькую капризницу, мне грех на душу брать совсем не охота... Только вот эта... — Он почти с ненавистью глянул в мою сторону. — Она ведь все про нас знает и точно сразу побежит стучать в милицию...

— Не делай поспешных выводов, дружище. — Глубоко затаился Сергей и после небольшого молчания продолжил. — Я лично совсем не думаю, что наша миленькая тихоня Эля будет такой дурой и сразу же побежит стучать на нас милиционерам... Ведь этим самым она в первую очередь подставит под удар себя ... Множество людей видело, как она заговаривала зубы няньке, а потом взяла за руку и увела малышку из парка с собой, а если нет, то у меня на всякий случай припасено вот это, — он достал из нагрудного кармана пачку полароидных фото и дал один из них мне. На кадре четко было видно, как я одной рукой веду по аллее Арину, а второй прижимаю к себе огромную нарядную куклу. — Дальше еще интереснее, ведь и записку господину Кромбергу, отцу маленькой негодницы, тоже писал не кто-то, а именно наша скромница Элечка, своей собственной ручкой. И как ты думаешь, милый Жора, кто поверит в сказку юной девочки, буквально в одиночку, без чьей либо помощи провернувшей все это дело, что она здесь совершенно и абсолютно не при чем, особенно, если мы уже получим денежки и улизнем от правосудия? И даже, если предположить невозможное и представить, что добрые дяди милиционеры войдут в положение и не упекут нашу красотку за решетку, то остается еще один весьма существенный момент... Ты помнишь, с каким трудом тебе на пару с моей женушкой удалось выхлопотать для тебя разрешение жить в России на более менее законном основании? Нам с Аней даже пришлось для этого временно прописать тебя в нашу квартиру...напомни-ка мне , сколько тебе положили испытательного срока?... — Он, покачивая ногой , обутой в элегантный замшевый ботинок, «доброжелательно» посмотрел в мою сторону.

— Пять лет... — С трудом выдавила из себя я.

— А прошло из них два месяца... или чуть больше... Так вот, милочка, стоит ментам прознать про твое участие в этой небольшой заварушке с похищением ребенка, и российского гражданства тебе не видать никогда, как своих ушей. Я прав? Ведь тебе разрешение дали только с условием, что ты за все время испытательного срока не совершишь не только серьезного уголовного преступления, но даже и простого правонарушения или, к примеру, хулиганского поступка. Так? Ну и как по твоему сюда вписывается кинднеппинг?

— Я что то не понял, Серж. — Перебил его изрядно захмелевший Георгий, — к чему ты клонишь? Ведь когда милиция и любящие родители обнаружат их обоих здесь, скрыть ее участие в этом деле вряд ли удастся. Ее все равно заставят говорить, и ей терять будет уже нечего...

— Вот об этом я тебе и толкую, — слегка раздраженно пояснил Сергей. — Ты сейчас останешься здесь и будешь караулить девчонок, потом я с денежками и Анютой возвращаюсь сюда, мы делим деньги, не большую для нас , но весьма внушительную сумму я передаю Эгле , на нее она сможет спокойно прожить несколько месяцев, подыскать себе нормальную работу, у нее теперь ведь есть вполне законные основания для проживания в любой части российской федерации, и выбросить из головы все, что произошло сегодня здесь, в этом доме... И не смей спорить Жорж, что мы не люди что ли? Да и потом надо отдать должное нашей изобретательной подружке, без ее помощи мы, как не крути, вряд ли смогли так быстро и ловко увести малышку из-под носа няньки, даже не подняв паники. Так что часть денег по праву принадлежит Эле...Потом мы втроем испаряемся, а родители забирают любимую капризницу в свои нежные объятия. Придется правда ей часик другой посидеть взаперти, но ей это не повредит, а скорее даже пойдет на пользу.

— В принципе, такой расклад мне нравится... — задумчиво протянул Георгий. — Но все равно как-то тревожно на душе. Уж больно гладко все идет сегодня с самого утра... Чувствую, быть к вечеру крупным неприятностям, попомни мои слова.

— Хватит тебе каркать, ворон! — Недовольно махнул рукой с зажатой в ней сигаретой Сергей. — Кстати говоря, если я вдруг попадусь при передаче денег, ты, сидя здесь, ничем не рискуешь, я как ты понимаешь, друга закладывать не стану, и девчонка останется у тебя. Ты сможешь еще с ее помощью поторговаться за мое освобождение вместе с деньгами...

— Ладно. — Хмуро глядя в свой снова опустевший фужер, кивнул Георгий. — Положим, ты меня убедил, я готов сидеть здесь и терпеливо ждать у моря погоды, но мне бы хотелось услышать, что думает обо все этом наша тихоня. — Он с трудом сфокусировал на мне опьяневший взгляд. — Что то уж больно тихо она сидит в уголочке, а в тихом омуте, как известно, черти водятся... Ну, говори, что ты решила?

— А что я могу решить, когда вы все уже и так за меня решили? — Осторожно начала я, посмотрев исподлобья на аниного мужа. — У меня есть разве какой то другой выход, кроме того, который обрисовал сейчас здесь Сергей? Я честно хочу вам сказать, вы подонки, и я ненавижу вас всем своим сердцем за то, что так нагло и беспринципно вы поломали всю мою жизнь, у меня только-только начало все налаживаться, а тут вы со своими махинациями...

— Да что ты говоришь!? — Глаза Сергея мгновенно потемнели и стали холодными и злыми. — Значит, мы подонки? Я подонок!? Я!? Который кормил тебя, поил, деньги на карманные расходы каждое утро выдавал... Я подонок?! Я, который ни единого раза ничего не потребовал с тебя, чтобы хоть как то оправдать неудобства и расходы на такое никчемное и инфантильное существо, как ты!

— Я расплачусь... Я все тебе верну! — Мне было страшно и хотелось провалиться на месте.

— Расплатишься? — мрачно усмехнулся он. — Чем интересно ты можешь мне заплатить, если не секрет? — Сергей посмотрел на меня таким взглядом, что у меня похолодело и что то мелко затряслось внутри. — Что у тебя есть, Эгле?

Он подошел ко мне и неожиданно сильно обхватил руками. Потом я почувствовала, как его горячие шершавые ладони нырнули под майку и начали нахально шарить по всему телу. Я вырвалась и отскочила в сторону. Ковалев очень быстро настиг меня и повалил на диван. Не обращая внимание на мое дикое сопротивление, он, чуть не вырвав с мясом пуговицу и молнию, стянул с меня джинсы и отбросил в сторону.

— Хочешь узнать, что такое подонок, крошка? Хочешь!? Я вижу, ты хочешь! — Я с ужасом смотрела в его совершенно озверевшие глаза и изо всех сил старалась оттолкнуть от себя его тяжелое разгоряченное тело, с отчаянием понимая, что совладать с этой неуправляемой животной силой мои руки просто не в состоянии. — А ну ка поддержи эту чертову девку, Жорж! — Обернувшись к приятелю, крикнул он. — Пусть она почувствует, насколько опасно хамить и пререкаться тем, кого сама же называет подлецом и подонком. Я научу тебя держать язык за зубами и подчиняться!...Я давно уже хотел тебя трахнуть. Еще там, на кухне прямо на твоём раздолбаном кресле... Или на обеденном столе, среди плошек и чашек... — Я изловчилась и укусила его за руку, которой он прижимал мое тело к дивану. — Ах ты гадина! — Он наотмашь ударил меня второй рукой по лицу. — Жорж! Ты что не слышал? Иди! Держи ее за ноги. Раздвигай пошире, сейчас она у меня по другому запоет! Потом сама еще будет просить повторения!

— А , может, не стоит сейчас заниматься всякими глупостями? — Довольно вяло отозвался со своего места захмелевший Жора. — Я думаю, дело надо сначала проверить, а уж потом девок тискать по углам...

— Заткнись, Жора! — Угрожающе заорал возбужденный Сергей. — Иди и поддержи девку. Потом и тебе достанется, не волнуйся!

— Очень надо! — Жорж подошел и, брезгливо сморщившись, обхватил своими толстыми пальцами мои лодыжки. — Я не садист. Что за удовольствие трахать визжащее и извивающееся существо, которое и женщиной то в этот момент нельзя назвать? — Он прижал мое тело коленом к дивану и отвернулся.

Я в бессильной ярости смотрела на то, как торопливо Сергей сдирает с себя брюки и рубашку. Внутри все заледенело от ужаса и брезгливости. Почувствовав, что Жора отвлекся и ослабил хватку, я, собрав в кулак последние силы, оттолкнула его от себя и скатилась на пол. Потом вскочила, воспользовавшись тем, что Ковалев чуть не упал, запутавшись в спущенных штанах, и схватила со стола огромный тесак, которым Жорж только что открывал бутылку.

— Только рискни подойти! — С ненавистью глядя на Аниного мужа, зашипела я. — Только рискни! Имей ввиду, мне терять нечего, я если убить не смогу, то покалечить постараюсь, будь уверен! Понял, ублюдок?

Ковалев натянул на себя, спущенные штаны и, не глядя в мою сторону, процедил:

— Повезло тебе, дура! Вывернулась... Скажи спасибо, некогда мне с тобой валандаться , а то бы ты поняла, как нужно разговаривать с настоящими мужиками. Да не сверкай ты глазами на меня... Не зыркай. — Он наклонился и поднял с пола свою рубашку. — Хватит голыми ногами то светить по комнате. Штаны надень лучше, красotka.

Не выпуская из рук ножа, я кое-как натянула на себя джинсы и прислонилась к стене.

— Говорил я тебе, не связывайся сейчас с этим. — Жора снова потянулся к бутылке. — Мало у нас других забот что ли? А ты успокойся, Эгле. — Он вполне доброжелательно посмотрел в мою сторону. — Перегорел он, не полезет больше. И в голову особенно не бери, с мужиками такое случается время от времени. Привыкай.

— Я вас ненавижу. — Задыхаясь от обиды , почти про себя прошептала я. — Вы нелюди...

— Так я не понял, что ты решила , Эгле? — Спокойно и даже с насмешкой поинтересовался Ковалев , застегнув последнюю пуговицу.

— Я буду молчать. — Хмуро выдавила из себя я. — Только обещайте мне, что действительно вернете девочку родителям.

— Конечно, вернем. — Хохотнул довольный Жора. — С удовольствием...

— Скажи, а Аня в курсе того, какое дело вы... мы тут сегодня провернули? — Этот вопрос был для меня сейчас очень важен.

— Нюся? — Сергей посмотрел на меня удивленно. — В такого рода дела женщин с их охами, ахами и сопливыми сантиментами можно впутывать только по самой крайней необходимости. Но насчет Нюси ты не волнуйся, с ней проблем не возникнет, как послушная жена она пойдет за мной куда угодно и когда угодно, стоит только свистнуть, и спрашивать не о чем, в отличии

от некоторых, не станет.

— Ты для нее практически как царь. — пьяно хохотнул Жорж и снова отхлебнул из фужера. Настроение у них заметно улучшилось. Поразительно, но эти двое снова вели себя так, будто ничего особенного между нами только что не произошло.

— Бери выше! — Самодовольно хмыкнул Ковалев, — я для нее не только царь, но еще и бог...

— И черт! — Расхохотался Георгий.

— Слушай, Жор, ты уже и так порядком набрался, — озабоченно посмотрел на приятеля Сергей. — Завязывай с этим, а то, когда придет время действовать, ты не сможешь нормально держаться на ногах.

— Ты прав, старина, ты прав... — печально покачал головой Жорж. — Больше пить не стоит. — Ты заberi бутылку от греха подальше, а я с этого момента начинаю трезветь.

— Отлично. — Серьезно кивнул Сергей. — Теперь тащи сюда доверенность, мне пора уже ехать...

— Слышь, Серж, я как то немного того, не в форме... Напиши все, что тебе надо сам. Лады? Документы в бардачке. Держи ключи.

— Давай. — Ковалев сунул ключи в карман и подошел ко мне. Он вытащил из моих онемевших пальцев нож и бросил на стол.

— Никогда не угрожай по напрасну. — Хмуро посоветовал он. — А уж если взялась за нож, так бей. — Бросив на меня еще один презрительный взгляд, он направился к двери и поманил Георгия за собой. Как только они вышли, я на цыпочках, стараясь не дай бог не скрипнуть разошедшей половицей, понеслась к окну и прижалась ухом к слегка отошедшей от проема оконной раме. От того, что я услышала, у меня на голове просто зашевелились волосы.

— Пить больше не смей. — Холодным стальным тоном приказал другу Ковалев, — и глаз с девки не спускай, не дай бог опять орать начнет, или на помощь соседней звать. Если вдруг случится самое плохое, и меня повяжут менты, учти — я буду надеяться только на тебя. Само собой я ничего им про твое участие в деле не стукну, буду все валить на Эгле. Мол она все задумала, осуществила и т.д. и т.п. А меня, как мужа подружки, попросила просто забрать сумку, забытую ей в том самом месте... Подставила, как говорится, за здорово живешь... Но и ты должен будешь подсуетиться, тогда возможно мы сможем выйти сухими из воды. Останемся без бабок но хоть на воле...

— Что я должен делать? — Хрипло спросил Георгий.

— Сущую мелочь. — Хмуро отозвался Ковалев. — Ты сделаешь так, чтобы обе девки бесследно исчезли...

— В смысле? — Оторопел Жорж. — Ты что обалдел что ли совсем? Я на мокруху не подписывался. Да я просто не смогу...

— Сможешь. — Не терпящим возражения тоном сказал Сергей. — И сделаешь! Иначе мне придется все валить на тебя, ведь это ты у нас папашу строил из себя. А Эгле и Анна подтвердят каждое мое слово, будь уверен... Так что выбирай или они, или ты...

— Но как я смогу... — голос Георгия стал растерянным. — Я готов, но я не знаю...

— Запрещь их обоих в кладовке. — Деловито начал Ковалев, — потом через вентиляцию пустишь газ из кухонного баллона. И все. Ни крови, ни шума... Они быстренько сначала уснут, потом дышать перестанут. Жаль, конечно, что попользоваться не успели такой красотей... Да хрен с ней. С деньгами мы и не таких милашек сможем отоваривать, хоть по дюжине в день... На чем я остановился? Ты погуляешь на улице минуток тридцать-сорок, потом все окна откроешь, чтобы проветрилось, этих в лес оттащишь или на худой конец в саду закопаешь, машину то я забираю... Потом все вещи из дома наши тщательно собираешь и гонишь в город, запираешься в своей квартире и носа не высываешь. Про этот дом можешь смело забыть, я снимал его на имя одного малознакомого бомжа, который за бутылку любезно предоставил в мое распоряжение свой паспорт. Когда к тебе придут менты, ты с честным и трезвым лицом сообщишь им, что мы весь сегодняшний день провели с тобой вместе, играли в карты, а часов в пять мне позвонила приемная дочь Эгле и попросила приехать, ты дал мне ключи от машины, а сам остался дома. Все. Точка. И от этих показаний чтобы ни на шаг в сторону. Ясно?

— Да, в принципе, все понятно... — Не слишком уверенно проблеял Жора. — А если все будет нормально?

— Ну тогда, как только пересечем границу, мы с тобой напьемся на радостях, как последние свиньи...

— Тогда мне не надо будет убивать твою Эгле? — С тревогой спросил Жорж.

— Там посмотрим, — равнодушно отозвался Ковалев. — Вообще то опасно такой хвост оставлять за собой, и роль свою она уже по полной программе отыграла, лучше некуда. Да и менты от нее еще долго не отстанут, искать будут везде, где не попадая, не дай бог попадется... А с другой стороны я тоже не люблю руки то в мокром пачкать, да и мы к тому времени будем уже далеко... Ладно, что об этом сейчас толковать? Посмотрим, как вечером карты лягут, так и играть будем. Ну, с богом, Жорик!

— С богом. — Глухо отозвался тот и принялся открывать тяжелые металлические створки ворот.

* * *

Я опустила на край табурета и провела языком по мгновенно пересохшим от страха губам. Ну что, дорогая, так тебе и надо тупице, за глупость беспросветную и слепоту! Ведь знала же, что нельзя доверяться этим людям, их льстивым словам и обещаниям, но все равно, как дура, брала их деньги, слушала, раскрыв рот, их насквозь пропитанные бравадой и ложью рассказы о жизни, а потом и вовсе вляпалась в полное дерьмо. Да еще и ребенка невинного собственной рукой притащила на край могилы... Нет, так сидеть и ждать у моря погоды нельзя, надо что то делать, причем немедленно, если я успею связаться с Кронбергами до того, как Сергей получит с них выкуп за малышку, я еще смогу как то выпутаться из этой ужасной ситуации.

Я торопливо сунула руку в игрушечную сумку, привязанную чьей то заботливой рукой к поясу Ариной куклы, и с радостью почувствовала, что девочка меня не обманула. У меня в ладони оказался маленький блестящий сотовый телефон. Рассмотреть его получше я не успела, а быстро спрятала в карман пиджака, так как половицы в сенях заскрипели и в гостиную ввалился пьяный Жорж. Он виновато посмотрел на меня и быстренько отвел глаза.

— Налей чаю что ли, раз коньяка больше нельзя, — попросил он и плюхнулся на табурет так, что тот буквально застонал под его внушительным весом. — Да покрепче давай, а то развезло

меня что то порядком...

Я послушно наполнила чаем большой синий бокал и придвинула к нему. Руки у меня дрожали.

— Ты не бери в голову, — заметив это, сказал Жора, — не трясись. Не больно красиво, конечно, все получилось, но по большому счету ничего особенного. Дело житейское, как говорится. Я и то удивляюсь, сколько Серж терпел. В одной квартире с такой красоткой не каждый мужик в джентльменские рамки сумеет себя впихнуть. А сегодня нервы у всех на пределе, вот и сорвался... К тому же ничего ведь не получилось... — Он хмыкнул и откинулся на спинку дивана.

— Как думаешь, Сергей вернется? — Осторожно поинтересовалась я, отхлебывая из чашки крепкий ароматный напиток.

— А черт его знает. — Честно признался Жорж, пожав плечами. — Серж он такой... — Георгий на пару секунд замолчал, старательно ища подходящее слово. — Короче нецензурный... — наконец выдал он.

— Это как понимать...

— Да просто слов цензурных, чтобы его описать, я не нашел... вот и нецензурный...

— Но вы же вроде друзья. — Напомнила я.

— Ага, друзья! — Пьяно ухмыльнулся Жора. — Задушевные... — он с трудом выговорил это слово и с размаху поставил на стол чашку, едва не выплеснув себе на брюки все содержимое. — Я вот, к примеру, ни грамма не удивлюсь, если этот мой скользкий дружок, если все хорошо пройдет, просто-напросто ф-фьють и свалит один со всеми нашими денежками за бугор... А меня друга своего дорогого кинет...

— Тогда почему же ты его отпустил? — удивилась я, — если настолько не доверяешь?

— А что мне надо было делать? Самому в пасть волчью лезть за этими деньгами, будь они прокляты? Или уцепиться за брючину Сержа и не пускать?

— Но он же, и правда, может прикарманить все деньги себе...

— А может, и нет... — Рассудительно возразил он. — Мы с ним, поверь уж на слово, не одно подобное дельце провернули, и он вроде всегда делился... правда не всегда честно, любит твой Сергуня мухлевать, Эгле... — Жорик прищурился и шутливо погрозил мне пальцем. — Ох любит, но все же я никогда в накладе не оставался... Хотя, конечно, о таких деньгах и о таком риске раньше у нас даже и речи то не заходило... Да... За похищение, особенно детишек, чтобы ты знала, почти как за убийство срок рисуют... Это одним из самых серьезных преступлений во всем мире считается...

— Вы меня пугаете, Георгий. — Поежилась я.

— Я и сам от страха дрожу, как заячий хвост, — мрачно ухмыльнулся Он. — а хочешь, скажу по секрету, чего я боюсь больше, чем того, что Серж меня кинет и свалит с деньгами? Хочешь? — Я молча кивнула, внутри у меня все сжалось. — Я боюсь, что он не просто слиняет, а, чтобы запутать следы и отвести все подозрения от себя, переведет все стрелки на нас с тобой и сделает во всем виноватыми. И окажусь я без огромных денег и по уши в самом настоящем гнусном дерьме...

— Ну, а если и он тоже не сможет взять эти деньги, вдруг он попадетсЯ? — С дрожью в голосе спросила я.

— — Сможет. — Уверенно хохотнул Жора. — Этот все сможет, у него все продумано и расписано, как в аптеке... Ну, а уж если не судьба... — Он посмотрел на меня потемневшим взглядом, — тогда молись. — Коротко закончил он. Я похолодела, поняв, что он имеет ввиду.

— Знаете, Георгий, пожалуй, пока девочка спит, я тоже пойду, прилягу не надолго, а то потом, боюсь, она вряд ли даст мне отдохнуть. — Безразличным тоном сказала я, поднимаясь с табурета. Спокойствие давалось мне совсем не легко, так хотелось поскорее остаться наедине с телефоном и сообщить родителям девочки, где мы находимся, что сердце от напряжения буквально едва не выскакивало из груди.

— Нет, постой. — Ворчливо остановил меня он. — Успеешь еще выспаться. Давай лучше поиграем в карты... Я хочу дождаться вестей от Сержа, а играть один я как-то еще не научился...

— Но я вообще то не умею ... Как то немножко пробовала с Нюсей в дурачка подкидного...

— Знаю я твое немножко... Ты и про машину говорила «немножко», а сама, как села за руль, так и не вылезала до самого города... И кстати, вполне прилично проехала... Так что садись, давай, не ломайся, будем играть и ждать звонка от нашего дорогого друга. — Это «дорогого друга» в устах Жоржа прозвучало почти как ругательство.

— А во сколько у него назначена эта... встреча?

— Много будешь знать, скоро состаришься. — Отмахнулся от важного для меня вопроса Георгий и принялся тасовать карты. — В дурака мы играть сегодня не станем, это скучно... пожалуй, я научу тебя играть в очко... Правила совсем не сложные, а ты девка смышленная...

— А все-таки, Жорж, долго нам ждать известий от Сергея. — Упорно продолжала настаивать я. — Вы же понимаете, я тоже волнуюсь.

— Правильно делаешь, не отрываясь от карт кивнул он. — Только никому от наших с тобой волнений ни холодно . ни жарко... Все равно все будет так , как должно и никак иначе... поняла?

— Так когда все таки назначена передача денег? — Отчаянно спросила я, уже вполне отчетливо понимая, что ответа на этот важнейший для меня вопрос будет добиться совсем не легко.

— Ну, что ты пристала, как попугай «когда-когда»... — внезапно разозлившись, с досадой отозвался собеседник. — Сказано же — вечером, что тебе еще то от меня надо?

Я посмотрела на его сердитое лицо и внезапно подумала, что вероятно Георгий и сам толком не знает, где и когда именно назначена передача выкупа за девочку, скорее всего Сергей даже не посчитал нужным поставить друга в известность о том, как он собирается проверить это сомнительное мероприятие.

Жора часа полтора не меньше мучил меня игрой сначала в очко, потом в свару, потом великодушно согласился пару раз перекинуться в дурачка и , наконец, я заметила, что глаза его самым натуральным образом слипаются . Он грузно откинулся на спинку дивана и, поручив мне мешать карты, прикрыл глаза. Я медленно тасовала колоду, настороженно поглядывая на

впадающего в спячку мужчину. К моей радости он отключился почти сразу. Уже через несколько минут его рот приоткрылся и из него слышались сначала довольно тихие свистящие звуки, а потом и самый настоящий храп. Я положила карты на стол и осторожно встала на ноги. Так же тихо, почти на цыпочках я поднялась наверх, в комнату, где, спокойно подложив под щеку грязную ладошку, спала Арина. За окнами уже начало смеркаться, но включать свет я не рискнула, пока все было нормально видно и так. Торопливо достав из кармана телефонный аппарат няни Вали, я начала внимательно его рассматривать и ткнула в одну из кнопок. Маленький экранчик мгновенно загорелся ровным голубым светом. «Пожалуйста, введите пароль» прочитала я, сердце мое так и оборвалось. Что же это за невезение такое, господи! Была у нас с Ариной всего лишь надежда на спасение, а теперь вот, похоже, нет и ее... Но все таки вот такую надежду вырваться из цепких лап гнусных преступников у меня оставалась. Снова осторожно спустившись по ступенькам, я подошла к входной двери и попробовала ее приоткрыть. Как я и ожидала, озабоченный и расстроенный разговором с Ковалевым, ввалившись в гостиную, Георгий забыл запереть дверь. Мало того в углу на тумбочке я увидела небрежно брошенную тем же Жоржем связку ключей, на которой особенно выделялся огромный, чуть ли не в пол руки ключ от ворот, ведущих на улицу. Я, с радостью засунув в карман ключи, поспешила на второй этаж за малышкой. Ничего! Утешала себя я, ничего страшного, что мне не удалось позвонить и заранее предупредить родителей девочки. Я сейчас поеду и сдам Арину в первое же попавшееся на пути отделение милиции или ГАИ на худой конец. Главное, нам нужно торопиться, чтобы по возможности успеть до того часа, который Сергей наметил для передачи денег. Тогда я вполне смогла бы как то объяснить свою не причастность... вернее невинность в том, что произошло. А вот если я прибуду в милицию позднее... Об этом мне думать пока не хотелось. Я искренне надеялась, что вполне успею сдать малышку милиции, ведь вечер только начинался, а преступные дела, как правило, принято творить в кромешной тьме.

Я тихонько разбудила девочку, она открыла глаза, осмотрелась по сторонам и немедленно сморщила носик, по всей видимости собираясь по привычке зарыдать.

— Послушай, принцесса! — Прошептала, наклонившись к самому ее ушку, я. — Хочешь, я познакомлю тебя с самым умным, самым красивым и самым-самым лохматым псом на свете?

— А как его зовут? — Отложив не на долго слезы, с любопытством поинтересовалась она.

— Полкан. — Ответила я, обрадовавшись, что мне так относительно легко удалось развеселить девочку. — Только у меня к тебе, Ариша, одна просьба. Там внизу спит тот злой дядя, который кричал на тебя утром и топал ногами, давай, мы тихонько спустимся и на цыпочках пройдем мимо него на улицу.

— А то он проснется и не пустит нас к Полкану? — Догадалась сообразительная девочка.

— Точно. — Кивнула я. — Ты умеешь ходить на цыпочках?

— Попробую. — Солидно сказала малышка и, спрыгнув с постели, резво потопала к лестнице.

— Давай ка, я возьму тебя на руки. — С улыбкой предложила я. — А то такими цыпочками ты, милая, весь дом перебудуешь.

Мы с Ариной довольно быстро и благополучно миновали гостиную, где громко храпел Георгий, заглушая тем самым наши тихие и довольно робкие шаги, и попали на улицу. Я с облегчением вздохнула и бросилась к воротам. Торопливо вставила в скважину гигантский ключ и отперла замок. И в этот самый момент, когда до свободы оставался буквально один шаг, на весь двор

зазвенел счастливый голос Арины.

— У-У-ууу! Какая собачка! Так это тебя зовут Полкан? — И она со всех ног ринулась в сторону от ворот, где в огороженном сеткой вольере сидел пес. При виде ребенка собака радостно залаяла и заскулила словно маленький беспомощный щенок. Я замерла, когда подлетев к вольеру, Арина, не задумываясь, буквально вцепилась в шерсть страшного сторожевого пса. Она обняла его сквозь прутья, как родного, и прижалась теплой щекой к его широкому массивному лбу. Полкан сначала на секунду замер от удивления, а потом благодарно лизнул в нос.

— Он меня поцеловал, Эля! — Еще громче и радостнее закричала девочка. — Честное слово поцеловал!

— Тише, Арина, тише... — в отчаянии прошептала я, увидев, как резко распахнулась дверь, и на порог дома вылетел разъяренный растрепанный, как Бармалей, Жорж.

— А ну-ка стой, поганка! — Заорал на весь двор он. — Смотри, чего удумала, сбежать решила и девчонку с собой прихватила, гадюка! — Он в два прыжка подскочил ко мне, больно вцепился пальцами в плечо и потащил обратно к дому. Полкан в своем загоне угрожающе зарычал, девочка, испугавшись, заплакала. И тут меня осенило! Мысль была, конечно, рискованная, но особо рассуждать в этой ситуации было просто некогда. Отчаянно сопротивляясь, я громко закричала малышке.

— Ариночка, милая, выпускай скорее собачку из клетки... Просто отодвинь засов и открой дверку... Быстрее, милая! — Девочка перестала плакать и нерешительно уставилась на меня, потом оглянулась на Полкана. Он неистово бросался на сетку и угрожающей рычал, оскалив страшного размера клыки.

— Ты что дура что ли совсем?! — Взревел в ответ на это Георгий, — ты хоть думаешь, что говоришь, идиотка!? Да эта псина в первую очередь сожрет твою маленькую подружку и сразу же перекинется на тебя... Она же бешеная, ее давно пора пристрелить...

— Не правда, Полкан хороший! Он меня поцеловал! — Топнула ногой Арина. — Это тебя надо пристрелить... или съесть... Ты злой и противный. — С этими словами девочка совершенно спокойно отодвинула засов и выпустила пса на свободу. Не обратив никакого внимания на малышку, Полкан огромными скачками понесся к нам с Жоржем. Выглядел он при этом настолько устрашающе, что я невольно зажмурилась, а потом закричала:

— Беги, Ариночка! Беги на улицу...

В эту секунду я почувствовала какой то мощный толчок, пальцы Георгия разжались, и я с размаху хлопнулась на землю. Рядом послышался ужасный крик, из штанины Жоржа чуть ли не фонтаном хлестала кровь, а разъяренный Полкан, пригнувшись, снова готовился к очередной атаке на своего заклятого врага, который, с ужасом оглядываясь и приволакивая прокушенную ногу, максимально быстро перемещался по направлению к крыльцу.

— Полкан! — закричала я, отвлекая внимание пса от его окровавленной жертвы. — Фу, Полкан, фу! Сидеть!

Видимо довольно хорошо приученная собака, разочарованно оглянувшись на меня, покорно опустила на траву. Я подошла и благодарно провела по густой упругой шерсти.

— Спасибо, Полкан, — снова погладила пса я. — Ты, может быть, сейчас спас нам с малышкой

жизнь.

Потом, устало взяв девочку за руку, я не торопливо направилась к воротам.

— Вернись! — донесся до меня из-за двери голос Георгия.

Я усмехнулась и, повернувшись к собаке, приказала:

— Полкан! Охранять. — Умный пес понял меня совершенно правильно, он поднялся на ступеньки и, угрожающе рыча, улегся прямо напротив двери.

— Давай возьмем с собой Полкана. — Просительно заглянула мне в глаза Арина.

— Мы не можем, — мягко сказала я. — Он же ведь не просто так живет здесь, он на работе, дом охраняет...

— Как папа, когда в кабинете сидит да? Он тоже говорит — это работа.

— Ну, приблизительно. — Не останавливаясь, ответила я и потащила девочку дальше от этого проклятого страшного дома. Даже если бы и захотела, я не смогла бы взять Полкана с собой, с такой огромной свирепой собакой для нас не остановилась на трассе ни одна машина, я была в этом уверена. Напрямик через деревню мы побежали к трассе, но оказалось, до того места, где проходило оживленное движение и буквально каждую секунду проносились машины было достаточно далеко, а с уже успевшей устать от ходьбы малышкой на руках, я бы наверное добиралась до нее часа полтора не меньше. Увидев не вдалеке красочную надпись «Магазин» в конце улицы я с радостью бросилась туда. Слава богу, уж где где, а в магазине должны быть хоть какие то люди, а то деревня, по которой мы бежали с Ариной выглядела настолько хмурой и необитаемой, что буквально мурашки пробежали по спине при взгляде на темные окна. Странного в этом в принципе ничего не было, еще в тот раз Сергей объяснил мне, что это поселение находится довольно далеко и как то так сложилось, что почти все ее молодые жители постепенно перебирались в город, потом забирали к себе одряхлевших стариков, а добротные дома, оставляли за собой в качестве дачи, для отдыха летом и в выходные. Так что сегодня, посреди рабочей недели в тишине и безлюдье вокруг ничего странного не было.

Добежав до магазина я с огромным разочарованием обнаружила, что на его дверях висит огромный ржавый замок. Подергав для порядка покрашенную, местами уже успевшую облупиться массивную створку, я подняв на руки девочку поплелась обратно и тут наконец то случилось чудо. Кажется, господь решил сжалиться над нами и послал помощь в виде небольшой красной машины медленно двигающейся по улице. Она остановилась у ворот маленького уютного домика совсем чуть-чуть не доезжая до нас с Ариной. Из водительской двери не вылез, а буквально выкатился маленький пузатый человечек и суетливо посеменял открывать ворота.

— Здравствуйте! — Громко сказала я, оказавшись у него за спиной. Он вздрогнул всем телом и испуганно обернулся. — Извините, пожалуйста, вы не могли бы помочь нам с малышкой...

— Иди отсюда! — Довольно нелюбезно отозвался толстячок, продолжая пыхтя возиться с воротами. — Бог подаст! Надо же, думал, хоть до этого глухого уголка не добралась цивилизация, а оказывается попрошайки всюду дорогу найдут...

— Вы не поняли, — торопливо начала оправдываться я, отчего то покраснев, — мы с Ариной ничего такого у вас не просим. Нам не надо ни денег, ни еды...

— Чего тогда пристаешь? — Все так же не добро посмотрел в нашу сторону мужчина. — Говори, чего надо и отваливай отсюда...

— Вы не могли бы довезти нас до города... Или хотя бы до трассы... — Убитым голосом выдавила из себя я, хотя уже прекрасно понимала, какой сейчас получу ответ. Конечно этот злобный толстяк не мог бы!

— А деньги у тебя есть? — Саркастически поинтересовался он.

— Есть! — Храбро солгала я. Пусть он только вывезет нас к людям, а там будь, что будет. Да в конце концов я уверена, что родители девочки никаких денег не пожалеют, чтобы отблагодарить этого противного толстяка, привезшему им их любимую дочурку.

— Покажи! — Снова гаденько усмехнулся мужчина и насмешливо посмотрел на меня.

— Понимаете, девочке срочно нужна помощь... — Я никак не могла решить, стоит рассказывать о похищении и ли нет, интуитивно я почувствовала, что услышав такое, толстяк просто-напросто в страхе захлопнет ворота перед нашим носом только и всего. — Вы не думайте, деньги у нас есть, только они там, куда мы едем, как только прибудем на место, я сразу вынесу вам столько, сколько потребуете...

— Я уже сказал, вали отсюда, чертова попрошайка! — Грубо и на этот раз уже с угрожающими нотками процедил мужчина. — Здесь тебе ничего не обрыбится, не на того напала...

— Ну дайте хотя бы телефон, чтобы я смогла позвонить и вызвать кого-нибудь себе на помощь. — С отчаянием посмотрела на него я. — Ну будьте же человеком, в конце то концов! Вам что жалко трех или максимум пяти рублей, больше то я не наговорю, вот возьмите — я протянула ему десятку, завалившуюся в кармане. — И убежать я не смогу, если хотите возьмите пока за руку малышку...

— Нет у меня телефона, — пробурчал мужчина, снова поворачиваясь ко мне спиной. Я с ненавистью посмотрела на его покрытую противными жирными складками шею и сухо процедила — Спасибо.

— Вали-вали... — не оборачиваясь отозвался толстяк вытаскивая из ушек огромный ржавый замок.

— Сам напросился, гад! — сквозь зубы пробурчала я, усаживаясь за руль его автомобиля. Я еще раньше заметила, что мужчина выскочив и машины, беспечно оставил ключи болтаться в замке зажигания. Бросив малышку на соседнее сиденье, я торопливо захлопнула дверцу и завела мотор.

— Ты что делаешь, воровка!? — Взвизгнул от неожиданности толстяк, мгновенно развернувшись в нашу сторону.

— Вы не оставили мне выбора. — Крикнула в открытое окно я, довольно быстро набирая скорость, — машину в ГАИ найдешь, жмот...

Я вцепившись в руль, сосредоточенно вглядывалась в лобовое стекло машины, с ужасом представляя, что будет, когда мы с Ариной доберемся до трассы. Здесь на пустынной проселочной дороге я чувствовала себя вполне уверенно, но двигаться по оживленному шоссе, имея так мало навыков вождения, как у меня не только страшно, но и ужасно опасно для жизни. В прошлый раз эта поездка далась мне довольно легко, но тогда рядом были Сергей с

Георгием, в любую минуту готовые подсказать что то, что я не заметила или упустила, или даже схватить и выровнять в нужном направлении руль.... Наверное, самым правильным будет оставить машину на обочине и попытаться поймать попутку до города. Я так и сделала. Едва вывернув на широкую асфальтированную дорогу, я остановилась и выключила мотор.

Именно в этот момент у меня в кармане зазвонил маленький сотовый телефон. Я сначала испугалась, а потом здорово обрадовалась, услышав не слишком громкие трели звонка. Я выхватила из кармана трубку:

— Нажми на зеленую кнопочку. — Важно подсказала девочка с любопытством глядя на телефон. — А кто это звонит? Дай мне!

— Нет, Аришенька, я сама... — Твердо сказала я. На горящем голубоватым светом экранчике появились буквы. «Алиса Кронберг». Я, как советовал видимо более опытный в общении с сотовым телефоном трехлетний ребенок, ткнула пальцем в продолговатую зеленую кнопку на передней панели телефона рядом с экраном.

— Алло! Алло! — Из динамика мне в ухо немедленно понеслись взволнованные крики смертельно напуганной женщины, потом я услышала низкий мужской голос — Алло, с кем я говорю? — Взволнованно спросил он.

— Это Эгле... — Я замолчала на секунду, стараясь подобрать правильные слова, для того, чтобы объяснить, как все произошло с похищением Арины, мужчина, видимо понял мое молчание совсем иначе.

— Послушайте, Эгле... Это отец похищенной вами малышки. Скажите, что вы хотите за возвращение моей дочери?

— Я не похищала, я просто ошиблась... — Торопливо начала объяснять я.

— Пусть так. — Так же поспешно отозвался господин Кронберг. — Я верю, что вы ничего плохого не хотели, — по его голосу я четко уловила, что он думает как раз иначе. — Скажите, наконец, что вы хотите за возвращение моей дочери? Ваш друг попался и все нам рассказал... Поймите, у вас нет никакой возможности скрыться с ребенком...

— Сергей арестован? — Похолодев от ужаса, простонала я и обессилено добавила:

— Значит я опоздала, все кончено...

— Что вы ничего не кончено... — Всполошился мужчина на том конце трубки. — Ничего... мы вполне еще можем договориться с вами лично... Вам нужны деньги, так я готов вам дать столько, сколько потребуете...

— Мне не нужны деньги. — Тусклым голосом отозвалась я.

— Но что же тогда... Или вы хотите сказать, что не собираетесь возвращать девочку? — Чуть не сорвался на крик отец Ариши, но усилием воли быстренько взял себя в руки. — Зачем она вам, Эгле? Вы хоть представляете сколько хлопот с маленьким ребенком?

— Представляю. — Мрачно усмехнулась я. — Вполне представляю. Не волнуйтесь ваша дочка мне не нужна... Мы с ней правда почти подружились, но не на столько, чтобы оставлять ее себе на всю жизнь... Я верну ее вам.

— Когда? — Немедленно ухватился за мои слова несчастный отец.

— Скоро. — Вздохнув, ответила я. — Вот довезу ее сейчас до города и сдам в первое попавшееся отделение милиции.

— Где вы сейчас? С Ариной все в порядке? — Немного успокоившись, забросал меня вопросами Кронберг.

— Если вы сейчас рядом с милиционерами, то наверное и сами уже вычислили где мы. В машине на трассе, довольно далеко от города... Я честно не знаю, как называется это место, только направление — северное. А с девочкой все хорошо, если хотите, можете с ней поговорить, я отдала трубку с любопытством прислушивающейся к разговору малышке и, задумчиво повернув ключ зажигания, медленно тронулась вдоль обочины по направлению к городу.

— Ой, папочка! — весело трещала сбоку от меня Арина. — Тут такая собачка! Огромная и лохматая! Она дядьке ногу покусала и вся морда у нее в крови была, а меня даже не тронула... Даже поцеловала в нос, честно-честно... Ой! Я что то нажала случайно... — Она протянула мне трубку. — Набери опять папу, а то я не все еще ему рассказала.

— Дома расскажешь, — вздохнула я.

— Ну набери, чего ты вредничаешь... — Заканючила девочка. — А то плакать начну...

— Плачь. — Безразлично отозвалась я. — Мне и так плохо настолько, что хуже вряд ли станет от твоих слез.

— А что с тобой? — Участливо спросила девочка, сразу позабыв о своих капризах. — Животик болит? — Она крепко прижалась горячей щекой к моему плечу.

— Душа. — Со вздохом ответила я.

— Душа? — смешно наморщила лобик Арина. — А это где?

— Внутри... Представляешь, твой папа считает, что я тебя похитила... — Конечно, малышка не могла понять того, о чем я пыталась ей рассказать, но я должна была в эту минуту хоть с кем то поговорить. — Он хочет посадить меня за это в тюрьму... за решетку...

— Как Полкана? — Удивилась Арина. — И что ты там будешь делать, там же кровати нет... и телевизора... А зимой там наверное холодно...

— Наверное... — Едва сдерживая слезы, кивнула я.

— Не плачь, — девочка еще крепче прижалась ко мне. — Я скажу папе, что ты не похищала... Мы просто с тобой гуляли... — Если хочешь, я прямо сейчас ему скажу, ты телефон набери... — Малышка хитро заглянула мне в лицо.

— Вряд ли он нам с тобой поверит, — пробормотала я и обняла Аришу одной рукой. — А телефон я бы набрала, что мне жалко? Только не могу, твоя няня там пароль какой то поставила, а какой я не знаю... В общем, как я поняла нам остается одно — ждать, когда твои родители сами позвонят, или, когда мы встретим на дороге милицию... Тогда ты поедешь домой, а мне придется остаться с ними...

— А ты потом ко мне в гости приедешь? Мы венки с тобой плести опять будем, я тебе мультик про льва покажу...

— Вряд ли... — Честно ответила я, — я постараюсь конечно, я отчаянно буду биться за правду, милая... Надеюсь, Аня мне поможет, к тому же я смогу показать где находится дом. Думаю, Жорж вряд ли сможет выбраться оттуда до утра, Полкан здорово потрепал его ногу... Может, мне и удастся как то выкрутиться, а? — Я с надеждой посмотрела на Арину, хотя от нее, конечно, сейчас ничегошеньки не зависело. Ее путанные и непосредственные детские слова скорее могли мне навредить, чем помочь.

В салоне снова слышались трели звонка.

— Возьми. — Не отрываясь от дороги, сказала девочке я. — На кнопку нажать ты сможешь? Это твой папа наверное опять звонит.

Девочка радостно схватила трубку и послушав несколько секунд разочарованно надула губу и протянула телефон мне... Это не папа... это тебя...

Я резко затормозила и схватила аппарат.

— Эгле... — услышала я тихий и ужасно несчастный голос Нюси. — Это ты Эгле? Что же ты наделала, девочка моя?

— Слава богу, это ты Анечка, Ты все знаешь да? — Слезы горячими ручьями хлынули у меня из глаз.

— Конечно. — Устало вздохнула она. — Мы все здесь рядом, в милиции... Как только Сергея задержали, так сразу же приехали за мной. — Меня попросила мама девочки с тобой поговорить. Ведь ты вернешь им малышку, да? Я уверила Алису, что ты просто не в состоянии причинить вред ребенку...

— Конечно, Нюся, конечно! Я уже везу Арину в город, скоро мы будем там... Как хорошо, что ты оказалась рядом Аня, ты объясни, пожалуйста этим людям, что я ведь совсем не при чем в этом похищении, это Жора и твой муж обманули меня, запутали... Я не виновата, Аня! — Сквозь слезы кричала я. — Они мне сказали, что это Жорина дочка...

— Как тебе не стыдно, Эгле! — От голоса Анны внезапно повеяло холодом. — Я говорила с Сережей и он все мне рассказал... Как ты можешь платить такой черной неблагодарностью людям, которые кормили, поили и одевали тебя столько лет... Ты обо мне подумала, девочка? Каково мне будет жить, если я буду знать, что из-за меня Сережа снова попал за решетку, ведь это именно я притащила тебя в наш дом... Послушай, Эгле, не дури, верни ребенка и расскажи честно все, как было, хотя бы из благодарности за все, что я для тебя сделала. Я найму тебе лучших адвокатов, я думаю, судьи смогут понять ...

— Какие судьи? Какой адвокат, Аня?! — Ошарашено прошептала я. — Тебя что, Сергей попросил сказать мне все это, чтобы как то попытаться выкрутиться?... Но ведь если я все это скажу, то тогда посадят в камеру меня...

— Тебя и так посадят. — Упрямо и по прежнему холодно ответила Анна. — Вопрос на сколько, но тюрьмы тебе все равно не избежать. Если ты и правда влюблена в моего мужа, как рассказал мне Сергей, то стоит ли так мстить ему за то, что он не смог предать меня и завязать интрижку с тобой?

— Что? Что за дурь ты несешь, Аня? Это он тебе такую ересь внушил? Ну и ловкач! — Задыхнулась от возмущения я. — Так вот для чего все эти комплименты, духи, сладости... Чтобы настроить тебя против меня! Теперь я поняла, он уже давно все продумал и распланировал!

— Прекрати, Эгле! — устало перебила меня Аня. — Приезжай сюда и будем разбираться на месте... И пока едешь подумай еще об одном... Я не успела тебе сказать вчера, тебе постоянно некогда было, ты о чем то шушукалась с Сережей и Жорой... В общем, Эгле, я жду ребенка... Мы с Сережей ждем... — Поправилась она и замолчала, потом тихо добавила. — Ведь ты сирота, Эгле, так зачем ты хочешь сделать сиротой и моего ребенка тоже? — Потом она отключилась.

Я тупо уставилась на маленькую серебристую трубку, не в силах переварить услышанное. Значит, Аня сознательно шла на то, чтобы пожертвовать мной ради своего еще не родившегося ребенка? И при чем тут сирота, скажите на милость? У ее малыша ведь останется любящая мама, и я ... Я изо всех сил стану помогать подруге, и мы вместе вырастим отличного здорового карапуза. Я теперь вполне могу подыскать хорошую работу... А такой отец как Сергей... Ну чему он может научить, скажите на милость? Или еще того больше, помочь? Да останься он на свободе, у Ани будет висеть на шее тяжеленная неприподъемная ноша — ее тунеядец Сергей... Аня должна понять это ... Должна! Я торопливо нажала на газ и бесстрашно прибавив скорость понеслась напрямик к городу.

Меня остановили почти в самом конце дороги, у поста ГАИ. Я даже обрадовалась этому, настолько устала и издергалась. Кажется, мой путь окончен, дальше меня милиционеры повезут уже сами. Взяв девочку за руку, я пошла к инспектору.

— Здравствуйте. — С любопытством поглядывая на мое усталое лицо, козырнул парень в форме. — Инспектор ГАИ Зимин. Тут такое дело, девушка, машина с вашими номерами с полчаса назад объявлена в розыск...

— Значит, у толстяка все же был телефон? — Мрачно усмехнулась я.

— Так вы в курсе дела? — насторожился парень. — Документики предъявите, пожалуйста!

— Сейчас. — Я оставила девочку около инспектора и снова побрела к машине, где лежала моя сумка. В этот момент перед моими глазами промелькнула почти вся моя жизнь... Шершавая ладонь отца, добрые глаза Ани... Я вдруг отчетливо поняла, что глядя в эти печальные глаза я не смогу свидетельствовать против Сергея, ее любимого мужа и отца еще не родившегося ребенка. Открыв дверку, я еще мгновение колебалась, потом быстро села за руль и, крикнув обалдевшему инспектору :

— Свяжитесь с милицией, эту девочку зовут Арина Кронберг, ее похитили и разыскивают по всему городу. Верните ее родителям. Вы поняли: Арина Кронберг! — Я резко тронулась с места, сзади послышался свист и истошные крики высыпавших из будки ГАИшников, но я не обращала на погоню никакого внимания, гнала вперед, сама толком не понимая, куда я несусь и зачем...

Часть 2. Не бойся...

Оглянувшись по сторонам, я с отчаянием поняла, что оказалась в каком то темном и абсолютно безлюдном тупике. Высокие практически гладкие стены бетонного забора оставляли очень мало надежды на то, что удастся спрятаться от милиционеров, бесследно

растворившись в этой спасительной на первый взгляд темноте. Я с тоской посмотрела назад, где кипела напряженная жизнь, и оживленный проспект переливался яркими огнями реклам. Похоже, я серьезно ошиблась, сворачивая в этот бездонный темный колодец. Но исправлять положение было уже слишком поздно. Звук милицейской сирены неотвратимо приближался, еще минута, от силы две, и все пространство вокруг будет залито светом фар. Я ни за что не успею добежать до проспекта и раствориться в оживленной толпе спешащих по своим многочисленным делам горожан. Мне не осталось ничего другого, кроме как обречено ждать прибытия милиции. Обессилено привалившись к стене, я вдруг неожиданно почувствовала, что поверхность позади меня дрогнула и слегка подалась назад. Ощущая себя чуть ли не героиней старинного рыцарского романа, я дрожащей рукой ощупала стену и поняла, что случайно прислонилась именно к тому месту, где находилась не большая, малоприметная ниша, оказавшаяся самой настоящей дверью да к тому же, на мое счастье, почему то не запертой. Я торопливо открыла створку и осторожно заглянула внутрь. Передо мной простирался длинный, ужасно узкий и слабоосвещенный коридор, изгибы которого терялись где-то далеко в полумраке. Времени на размышления почти не было, звук милицейской сирены уже практически заполнил собой пространство темного тупика. Я торопливо юркнула в дверь и тщательно прикрыла ее за собой. Стоять на месте и ждать, пока меня обнаружат, я считала бессмысленным и, помедлив еще буквально несколько секунд, решительно двинулась вперед.

Загадочный коридор был хоть и действительно узким, но совсем не таким длинным, как мне с перепугу показалось вначале. Свернув за первый поворот, я услышала слабый отзвук музыки, доносящейся откуда то издали, а уже за вторым коридор значительно расширился и посветлел. С обеих сторон появились двери, за которыми совершенно ясно слышались голоса и даже время от времени доносился беззаботный смех. Наткнувшись взглядом на табличку ближайшей двери, я удивилась. «Гримерная № 8» значилось на ней. Похоже, я попала в театр или за кулисы какого-то концертного зала, где артисты переодеваются и приводят себя в порядок перед выступлением. С одной стороны это в моей ситуации несомненно явная удача и везение, где как не в гримерной можно кардинально и быстро до неузнаваемости изменить свою внешность и одежду? Я уверена, что мне удалось бы это сделать без особого труда, милиционеры не смогли толком рассмотреть мое лицо, у них на это просто не было достаточно времени, а запомнившиеся им яркие детали, прическу, одежду, сумочку я бы заменила без особого труда и сожаления. Тогда бы у меня появился вполне реальный шанс благополучно скрыться от погони. Но с другой стороны я совсем не представляю, куда на самом деле занесла меня дурацкая глупость, какие люди скрываются за плотно закрытыми дверями, и что за порядки царят в этом на первый взгляд вполне мирном заведении. Судьба столько раз за последнее время поступала со мной на удивление подло и не справедливо, что я как-то совершенно перестала верить в удачу, везение и тому подобные неожиданно сваливающиеся на голову простые человеческие радости. Неожиданно дверь с табличкой «Гримерная № 8» резко распахнулась, и оттуда не вышла, а буквально вывалилась высокая полуобнаженная девушка в жутком, я бы даже сказала устрашающем, макияже с сигаретой в одной руке и блестящим париком в другой. Не обращая на меня абсолютно никакого внимания, она, покачиваясь, пошла прямо на меня. Прижавшись к стене, чтобы девушка не сбила меня с ног, я недоуменно провожала ее глазами до тех пор, пока та не скрылась за поворотом, потом перевела взгляд на так и оставшуюся распахнутой дверь. Я с радостью увидела, что помещение за ней совершенно не обитаемо. Я быстренько юркнула в гримерку и захлопнула дверь. Наконец то, я почувствовала, что у меня появилось время хотя бы на короткую передышку и отдых. Присев на узенький диванчик, я вытянула уставшие ноги и огляделась. Возвращения хозяйки я совершенно не опасалась. Там в коридоре у нее был такой отсутствующий стеклянный взгляд, что скорее всего она не только не возмутится неожиданному визиту незваной гостьи, а попросту не заметит моего присутствия в ее апартаментах. Но все же не смотря на это довольно удачное обстоятельство я решила не рисковать, особенно время не

тянуть и, не откладывая больше не минуты, приступила к процессу перевоплощения. К счастью, в гримерной № 8 чьей то заботливой рукой для этого были созданы самые благоприятные условия. Два огромных трюмо с полочками просто заваленными красками, тенями, помадами и многочисленными коробками театрального грима, обширный гардероб, целая коллекция париков и шляпок превращали процесс изменения образа практически в детскую забаву.

Парик я подобрала быстро, особенно не мудрствуя, я взяла один из самых светлых оттенков и нацепила на голову. Глянув в зеркало, я осталась вполне довольна, золотистая челка наполовину прикрыла лицо, глаза в сочетании со светлыми волосами стали выглядеть значительно темнее. С макияжем проблем тоже не возникло, я довольно быстро изобразила на лице не слишком яркий румянец, зрительно увеличивающий скулы, слегка изменила карандашом и тенями форму глаз. То, что я увидела после всех этих манипуляций в зеркале, мне даже понравилось.

С одеждой же неожиданно возникли непредвиденные трудности. Ни одно из платьев, которое я поочередно брала в руки ни в коем случае не подходило для того, чтобы, переодевшись в него, благополучно смешаться с празднующимися по проспекту гражданами. Наряды были до того яркими и вызывающими, что появившись в них на люди, я бы без сомнения привлекла всеобщее пристальное внимание прохожих, ну и милиционеров в том числе, естественно... Я растерянно оглянулась по сторонам. Неужели среди такого вороха всевозможного барахла я не смогу найти для себя ничего более менее приличного и нейтрального? Еще раз тщательно перебрав все тряпки, я с расстройством убедилась в том, что кажется мне снова не слишком то повезло... Вот разве что миленькая школьная форма, висящая на плечиках слева от трюмо, выглядела вполне невинно и скромно. Если отбросить накрахмаленный белоснежный фартук и красный пионерский галстук, то само коричневое платье с коротенькой гофрированной юбочкой вполне мне подходило. Выглядело слегка старомодно, но, честное слово, меня это волновало меньше всего.

Быстро переодевшись, я бросила прощальный взгляд в зеркало, аккуратно пригладила слегка растрепавшуюся золотистую челку и, набрав в легкие побольше воздуха, осторожно выглянула в коридор. Я успела всего лишь на пару сантиметров высунуть нос в щелку двери, как пришлось тут же отпрянуть назад. По узкому коридору неторопливой размашистой походкой вышагивал здоровенный парень в черном строгом костюме и ослепительно белой рубашке с галстуком. Больше я ничего рассмотреть не успела. Наверное, от неожиданности или с перепугу, но в тот момент он показался мне настоящим гигантом в узком слабо освещенном извилистом коридорчике. Я, стараясь унять бешено забившееся в груди сердце, прижалась спиной к двери и пару раз глубоко вздохнула. «Ничего страшного не случилось» твердо сказала себе я. Конечно, это же не какой-нибудь необитаемый остров, естественно что время от времени по коридору здания проходят люди. Мужчины, женщины... а может быть даже и дети. Вероятность того, что парень направляется именно к двери с табличкой «Гримерная №8», где ни жива ни мертва притаилась я, ничтожно мала. К тому же, ребята, которые преследовали меня были одеты совершенно иначе, вряд ли они сочли нужным в процессе погони менять привычную милицейскую форму на строгий вечерний костюм... Свои же собственные доводы показались мне вполне здравыми и убедительными. Я практически успокоилась, когда услышала за спиной резкий и внушительный стук. Потом дверь распахнулась, едва не сбив меня с ног.

— Та-а-к! — Протянул мужчина в черном костюме, с подозрением обводя гримерку взглядом. — Значит, это правда? — Он так сурово посмотрел на меня, что мои колени задрожали. Я не понимала, что имеет в виду этот огромный мужчина со свирепыми глазами, и от этого становилось еще страшнее. — Где Воронина?

— А-а.... А Воронина вышла. — Не сразу нашлась, что ответить я, и нервно поправив золотистую челку, храбро добавила. — В туалет наверное, скоро вернется. Вы скажите, что передать, и я...

— Хватит пургу то гнать. — Бесцеремонно перебил меня парень. — Каждый раз одно и то же! Хорошо, хоть замену себе в этот раз удосужилась подыскать... шалава! Но ты все равно передай своей подружке, что просто так ей это больше с рук ни разу не сойдет. Я ее сто раз уже предупреждал, если еще раз эти ее загулы повторятся, придется выметаться на улицу! На фига мне каждый день зависеть от ее дурацких наркоманских вывертов? Да мне как сказали сегодня, что Татьяна опять то ли нанюхалась то ли накурилась какой то дряни и на ногах практически не стоит, я чуть дар речи не потерял, ей богу. — Парень грузно опустился на маленький кожаный диванчик. — Ольга ногу подвернула, Тамара с Зинаидой на гастролях... со вчерашнего выступления прямо махнули... Вся надежда на Воронину была, а она нате вам... не сдержалась! — Он сделал презрительное лицо. — Шалава!

— Ну зачем вы так... — Я сказала эти слова просто так, лишь бы заполнить внезапно повисшую в комнате тягостную тишину. То, что парень пришел не по мою душу, а в поисках той самой длинноногой красотки со странным взглядом, наткнувшуюся на меня в коридоре, довольно быстро вернуло мне самообладание. Если он считает, что эта самая Татьяна Воронина, хозяйка гримерки №8 моя подруга, пусть продолжает пребывать в этом спасительном для меня заблуждении.

— Как? — Парень удивленно поднял на меня глаза. — Ты считаешь, я говорю что то не то?

— Наркомания, это болезнь... Таня... Она просто не может себя контролировать. Вы что же думаете, она нарочно это сделала, чтобы вас подвести? Только наивные люди могут подумать, что наркотики доставляют удовольствие тем, кто их принимает...

— А разве нет? — Мужчина насмешливо хмыкнул и достал из кармана помятую пачку сигарет. — Тогда какого же черта они это делают?

— Я же говорю, все спонтанно происходит...

— Ага! Спонтанно! Так я тебе и поверил! То то я смотрю, она и замену себе подыскать успела, и смотаться, чтобы мне под горячую руку не попасться... Не могла что ли подождать со своим кайфом? После выступления пусть бы хоть всю гадость в мире себе в нос запихала...

— Да как вы не понимаете! Это не зависит от Татьяны! Болезнь это! Вы, как заботливый руководитель, вместо того чтобы скандалить понапрасну, лучше бы на лечение ее направили. Сейчас полно центров всяких...

— Точно! — хмыкнул парень. — Как «руководитель» я это вполне могу... Короче трепаться хватит, дорогуша, у тебя времени почти в обрез осталось, а подружке передай, чтобы носа сюда больше своего наркоманского не совала, посидит месяцок другой без денег, глядишь и лечение не понадобится, само как говорится отвалится, тогда милости просим обратно, если место конечно еще вакантным останется, а это как ты понимаешь вряд ли... Ты чего застыла? Одевайся давай, на сцену пора выходить...

— На сцену? ... — Растерялась я и беспомощно оглянулась по сторонам.

— Естественно! — Снисходительно посмотрел на меня собеседник. — А ты для чего интересно сюда заявлялась, если не выступить?

— Да нет... Я готова... Только... — Я лихорадочно соображала, как выпутаться из положения.

— Ясно! — Вздохнул парень. — Видно эта шалава и правда спонтанно в отключку ушла. Она тебе даже объяснить толком не успела ничего что ли?

— Ну да...

— А ты хоть выступала раньше в приличных то местах, крошка? — Он с подозрением посмотрел на меня. Я молча но очень активно закивала головой. — Ладно... Поверю на слово. Деваться все равно некуда. Хотя впрочем наука тут не больно сложная. Мордашка у тебя ничего... приятная, фигурка тоже приличная, пухловата правда слегка... ну да это даже прикольнее... Остальное природа в вашу сестру от рождения закладывает... Так! — Он глянул на часы и его голос мгновенно стал деловым. Он посмотрел на мой слегка устаревший наряд и почесал подбородок. — То что ты играешь девочку-школьницу она, судя по всему, тебе сказать все таки успела? — Я осторожно кивнула. — Так чего ты время тянешь? Фартук надевай, галстук завязывай, портфель в руки и дуй на сцену... Ты что не видела в кино, как раньше советские девочки в школу ходили? Какого черта ты эти туфли высоченные на ноги нацепила? Вон там в углу видишь сандалики с ремешками стоят и гольфики белые приготовлены с помпошками... Белье то нашла подходящее? А то у Таньки размер поменьше твоего будет на целый размер я думаю, а то и поболее... — Он оценивающе посмотрел на мою грудь.

— У меня свое... — Покраснела я. — Может, вы выйдете, пока я переодеваюсь? Покурите, а я потом позову, когда готова буду... — Маленькая надежда на то, что парень уйдет курить, и я смогу как-нибудь ненавязчиво слинять из гостеприимного заведения, быстренько рассыпалась в прах под откровенно насмешливым взглядом собеседника.

— Ч-что? — Чуть не расхохотался он. — Уж ты не стесняешься ли меня, милая? Или гонор свой показать решила в качестве визитной карточки? Так имей ввиду, у нас такие финты не проходят. Хочешь получать деньги, делай то, что тебе говорят, не хочешь — скатертью дорога. Ясно?

— Ясно. — Коротко кивнула я и принялась натягивать гольфы.

— То то! — Хмыкнул парень и вполне внушительно хлопнул меня пониже спины. Я вздрогнула, но промолчала. Не убудет же от меня в конце то концов от одного пусть и не самого добропрядочного шлепка. — Ты попроворней пальцами то перебирай, красotka. — Мой собеседник неожиданно пришел в довольно благодушное расположение. — Времени почти не осталось. — Потом помолчал и любопытством спросил. — А ты всегда так прикольно краснеешь, или в роль уже начала вживаться заранее?

— Начала... — Пробурчала я, застегивая туфли.

— А ты видать талант... Если нормально выступишь, я пожалуй к хозяйке тебя потом отведу, может возьмет тебя на Танькино место. Оно ведь теперь вакантное, как ты понимаешь...

Закончив одеваться, я одернула платье, поправила белый накрахмаленный фартук и вопросительно посмотрела на парня.

— Так нормально?

Он критически осмотрел мой наряд и поморщился.

— Вроде все в норме, а вид все равно не того... подзаборный.

— Уж какой есть. — Обиделась я. — Не нравится, можете сами парик и форму натягивать и...

— Точно! — Хлопнул себя по лбу он. — Парик! И макияж. Нет, ну покрашена ты нормально, ярко, вызывающе... — Торопливо добавил он, заметив мою обиду. — Но надо же понимать, ты школьницу играть будешь... Существо невинное так сказать... Ну это ладно, перекрашиваться некогда, в принципе и так сойдет, из зала не больно все эти мелкие нюансы глаз режут, а вот парик совсем не катит. Ты где ученицу с такими патлами крашеными да к тому же распущенными по плечам видела? Да моя бы училка такую красотку не только в класс, на порог школы бы не пустила. — Собеседник на секунду замолчал, видно воспоминание о детстве доставило ему искреннее удовольствие.

— Можно без парика... — Без особого энтузиазма предложила я. Выходить на сцену без мощного грима я опасалась, а вдруг милиционеры все еще рыскают по округе в поисках моей скромной персоны.

— Зачем? Вон Танька приготовила все что нужно, ты глазами то смотри вообще... — Он протянул мне парик с двумя шикарными длинными белокурыми косами. — Ну... сама то глянь, он повернул меня к зеркалу. Другое дело. Давай ка я тебе галстук еще завяжу, как положено... Сама то не умеешь что ли? Хотя откуда тебе... — Он здоровенными неловкими пальцами принялся аккуратно расправлять красный пионерский галстук. — Ты наверное и октябренок то побывать не успела, не то что пионеркой. Тебе лет сколько?

— Девятнадцать... — Тихо прошептала я, боясь пошевелиться. В непосредственной близости от этого непонятного гиганта я чувствовала себя неловко и скованно.

— Тогда точно не успела... А я и маршировал под знаменем, и речевки громче всех в отряде кричал... Кто шагает дружно в ряд — пионерский наш отряд, кто шагает дружно в ногу? Пионерам дай дорогу... Ну вот, теперь вроде все нормально. — Он отодвинул меня, еще раз придирчиво осмотрел со всех сторон и подтолкнул к выходу. — Давай двигай, а то уж люди заждались. Музыка твоя, слышишь, началась? — Из распахнутой двери послышались удивительно знакомые аккорды какой то милой детской песенки. — Портфель возьми, бестолочь, и очки на нос повесить не забудь. — Парень сунул мне в одну руку круглые роговые очки без стекол, а в другую портфель, и, вцепившись в локоть, потащил куда то в дальний конец коридора, откуда неслась веселая музыка и слышался гул голосов.

Я послушно двигалась в заданном направлении, торопливо перебирая одетыми в детские сандалеты ногами. Потом почувствовала внизу три не слишком высокие ступеньки, внушительный толчок в спину и даже не успев перевести дух, вдруг оказалась на краю не очень большой но ярко освещенной сцены. При моем появлении из за кулисы с противоположной стороны плавно и почти бесшумно выплыла школьная парта. Обычная парта, за которой восседал симпатичный молодой человек в костюме и с указкой в руках. Музыка звучала не слишком навязчиво и мне на секунду показалось, что мое сердце звучит настолько громко, что перекрывает даже эти веселые жизнерадостные аккорды. Я растерялась, не зная, что я должна делать дальше, чтобы как то заполнить паузу я торопливо нацепила на нос очки и крепче прижала к груди потрепанный портфель. Потоптавшись на месте еще секунды три, я беспомощно оглянулась назад, за кулису, где по моим подсчетам все еще должен был находиться парень в черном костюме. Видимо, он и правда не спешил покидать наблюдательный пост, так как внезапно я услышала его яростный шепот.

— Что застыла, как памятник, бестолочь? Двигай давай к учителю, да побыстрее шевелись, а то потом в музыку попасть будет сложно. Давай!

Я набрала в легкие как можно больше воздуха и бесстрашно двинулась в сторону парты с молодым человеком, который, оказывается, изображал на этой сцене моего учителя. Медленно, постоянно оглядываясь и крепко прижимая к груди портфель, я вышла в самый центр освещенного пятна по середине сцены и замерла... Мои худшие подозрения насчет всего, что происходило вокруг меня, внезапно подтвердились. Мама дорогая! я оказалась в самом настоящем стрип клубе и не где-нибудь а прямо на том месте, где бесстыжие развязные стриптизерши снимают с себя последнюю одежду в угоду озабоченным, захмелевшим от вина и зрелищ мужчин. Вот, похоже, и тот самый шест, у которого они исполняют свои непристойные танцы... Переведя глаза в сторону темного зрительного зала, я почувствовала где то в низу у самых своих ног горящие возбуждением взоры, которые буквально заглядывали мне под коротенькую гофрированную юбочку. В памяти возникли беспощадные звериные глаза Сергея. На мгновение мне показалось, что все эти мужчины, там внизу, так же как и он сейчас набросятся на меня, начнут больно хватать жадными нетерпеливыми руками... Инстинктивным движением я сдвинула колени и одной рукой прижала подол к ногам. Внезапно в ответ на мои совершенно не уместные на этой сцене действия из темного зала донеслись сначала редкие хлопки, в течении пары секунд переросшие в оглушительный шквал аплодисментов. Музыка постепенно сделалась более чувственной и томной, она звучала все громче и громче, а я все никак не могла решиться на что то определенное.

Мужчина, изображающий учителя, плавным движением поднялся из за стола и, старательно хмуря брови, направился ко мне в середину переливающегося светом пятна. Он остановился шагах в пяти от меня и требовательно поманил пальцем. Я нерешительно сделала пару шагов и застыла перед ним, испуганно глядя в глаза. Он отступил на шаг и, скрестив руки и широко расставив ноги, внимательно уставился на меня не мигающим взглядом. Потом ловко при помощи указки выдернул из моих рук портфель и отбросил куда то в сторону. Я стояла ни жива ни мертва, не зная куда деть осиротевшие после потери портфеля руки и нервно перебирала пальцами кончик косы. Мужчина вздохнул, усталым движением ослабил на шее узел великолепного яркого галстука и неожиданно приподнял указкой краешек моей и без того коротенькой гофрированной юбки, я вздрогнула, душа замерла от испуга, изумления и чего то еще совсем уж непонятного, а он плавным танцевальным движением уже оказался позади меня, и я ощутила под платьем уже совсем не указку, а его горячую и шершавую руку. Зал сдавленно охнул и заволновался. Я окончательно растерялась и вспыхнула, как рак, мужчина между тем, пару раз развернул меня вокруг собственной оси и обхватив сзади крепко прижал к блестящему металлическому шесту. Его руки теперь бесстыдно шарили по моей груди, слава богу хоть сверху накрахмаленного белого передника, наклонившись к моей шее и изображая страстный и жадный поцелуй, мужчина раздраженно прошипел:

— Слышь ты, актриса, я уже утомился делать все за тебя... мне между прочим вовсе не за танцы деньги платят, чтобы ты знала. Давай ка быстро начинай раздеваться, сейчас начнется твоя часть... Ну, с богом... — Он резко оттолкнул меня, потом отошел в сторону, уселся верхом на парту поставил указку между ног и требовательно уставился на меня. Я обомлела. Даже услышав, что мне придется выходить на сцену я и предположить не могла, что там мне придется раздеваться... Я представить себя не могла в роли стриптизерши, выставляющей свои прелести на показ под жадными взглядами ошалевших от выпитого мужчин... Осознав, что сейчас должно произойти на сцене, я обомлела. Мало того, что я чудовищно стеснялась, так еще на мне под бутафорской школьной формой было надето самое обычное, почти детское белье. Скромные белые трикотажные трусики, украшенные с одного бока большой ромашкой с ползущей по ней огромной ярко-красной бабкой коробкой и коротенькая маечка с точно таким же узором на груди. Имея вполне приличный размер груди я бюстгалтерами пользовалась редко, не испытывая в них особой потребности, поэтому и сейчас тоже под майкой ничего не имела...

Внезапно музыка снова сменилась, она неслась ко мне со всех сторон, кружила голову, она , казалось звучала уже не вокруг, а где то внутри меня, к тому же вдруг откуда то сверху на сцену посыпались разноцветные световые снежинки и вместе с музыкой закружились у меня под ногами. Глянув в зал, в свете вспыхнувшей на мгновение зажигалки мне почудилась зловещая страшная тень в форменной фуражке на голове.... И я наконец решилась...

Бесстрашно шагнув к шесту, я отбросила в сторону все сомнения и полностью отдалась во власть музыки и танца... Я заставляла свое тело выделять такие томные и замысловатые движения, какие только могла придумать, при этом я не торопливо и на удивление довольно легко избавлялась от очередной детали своего гардероба. Сначала на пол полетел красный пионерский галстук, потом та же участь постигла фартук... когда я плавным и, как мне показалось, весьма эротичным движением скинула с себя коричневое форменное платье, на свет появились злосчастные божьи коровки. Зал не просто взвыл, он прямо задохнулся от восторга. Коротенькую маечку я снимала, уже почти не думая об окружающих, и практически не слыша ничего и никого, когда повернувшись к публике задом и извиваясь всем телом я наконец то избавилась от последнего предмета моего незамысловатого туалета в зале стоял сплошной восторженный гул . Мужчина изображающий учителя снял галстук и начал делать вид, что расстегивает рубашку при этом он требовательным движением показал, что я должна развернуться и подойти к нему. Повернуться к публике лицом, в таком совершенно бесстыжем виде я заставить себя не смогла. Изящно прогнувшись, я подцепила пальцами галстук и, слегка прикрывшись его красной материей, не торопливо выполнила требование «учителя». Он поднялся, протянул руку, снял с меня очки и аккуратно положил их на стол, не отрывая от жадно горящего взора , после этого отбросил в сторону галстук и резким рывком крепко прижал меня к своей почти обнаженной в расстегнутой рубашке груди. В этот момент в зале погас свет, вместо музыки в зал понеслись надрывные и пронзительные вздохи и стоны. Мужчина сразу же отпустил меня и буркнул чуть не в самое ухо:

— Кати за кулисы, актриса. И не пугай больше так людей...

Я торопливо нащупала рукой платье и трусики, плюнув на все остальное, бросилась туда, где по моим ощущениям должен бы был быть выход. Не успела я приблизиться к кулисе, как ощутила на плече чьи то пальцы. Они потянули меня в сторону, и я через пару секунд оказалась в том самом слабоосвещенном коридоре, откуда и началось мое бесславное восхождение на сцену. За плечо меня держал тот самый парень в черном костюме, который совсем недавно вытолкнул меня на позор и унижение. Сейчас он смотрел на меня с не скрываемой насмешкой и качал головой.

— Ну и дала ты жару нашим посетителям, крошка. Теперь у них надолго есть чем занять свои шаловливые ручонки...

— При чем тут это? — Я сердито вырвалась из цепких пальцев парня и начала натягивать свои белые трусики с ромашкой. А поняв с некоторым опозданием какое именно мужское занятие имел ввиду насмешливый молодой человек, мучительно покраснела и чуть не разрыдалась от стыда и отчаяния.

В это время в коридоре появился тот самый строгий «учитель» с которым мы только что зажигали на сцене. В отличии от первого он на мои прелести даже не взглянул.

— Сигаретки не будет? — Обратился он к моему собеседнику. Тот покачал головой и сказал:

— Не стоит у сцены дым пускать, кури у себя в комнате...

— Ладно, — проворчал «учитель» — потерплю до гримерки. Но ты знаешь, Кирилл, ты все-таки как-то предупреждай в следующий раз, когда в пару мне будешь всяких придурочных лохушек ставить. Я чуть от злости не лопнул, когда она начала ломаться на сцене и строить из себя целку-невидимку с портфелем... — Он презрительно глянул в мою сторону. — Все таки меру надо знать и не перегибать палку то, здесь клуб, а не малый драматический театр, чтоб вы знали...Пришлось даже как дурачку ей подыгрывать...

— Да ладно тебе Егор, прикольно ведь получилось... Ты послушай, в зале сплошной рев стоит от восторга. Давно у нас такого оглушительного успеха не было... И ты стариной тряхнул и девочке помог с робостью справиться...

— А ты молодец вообще то. — Неожиданно улыбнулся мне Егор. — Я ведь сразу понял, что ты первый раз у шеста сегодня оказалась... Сначала, конечно, был полный аут, а потом мне даже понравилось. Не вешай нос, — Заметив слезы в моих глазах, он снова улыбнулся. — У всех это когда-то бывает в первый раз. А ты классно двигаешься, хоть техники и в помине нет, а раскрепощено и очень даже... как бы это назвать... возбуждительно. Короче, не дрейфь — смелость города берет. Мы ведь с тобой и правда имели успех у публики, букашка! — Последние слова донеслись до меня, когда Егор уже скрылся за поворотом коридора.

— Точно что букашка! Застегивайся быстрее и избавь меня от обозрения этой твоей дизайнерской находки. — Внезапно появившаяся не известно откуда у меня за спиной женщина выглядела очень раздраженной. Она презрительно посмотрела на мою бабку коробку, на дрожащие пальцы никак не желающие нормально и быстро застегнуть обычные пуговицы на коричневом форменном платье и недовольно повернулась к Кириллу. — Что за отсебятина? С каких это пор принято выходить к шесту без лифчика и в трусах украшенных букашками? Может, кто то из вас потрудится объяснить мне, что происходит в моем собственном клубе, причем не только без моего разрешения, но и даже без моего ведома!

— Кать, давай перенесем разбирательства в гримерку... Не стоит всем знать о наших внутренних заморочках, а? — Спокойно сказал парень и ровным размашистым шагом, не оглядываясь, двинулся по коридору в сторону двери с надписью, «гримерная № 8». Я торопливо посеменила за ним, на ходу застегивая пуговицы. Женщине не оставалось ничего иного, как следовать по коридору за нами.

Я пару раз на ходу оглянулась на нее и вздохнула. Не смотря на злое и раздраженное выражение лица, выглядела она настоящей красавицей. Русые волосы, уложенные в замысловатую прическу, ужасно элегантный костюм сиреневого цвета, умопомрачительной красоты туфли... В каждом ее движении и повороте головы сквозила какая то неуловимая грация. Наверное, мужчины просто глаз не могут отвести от такой красоты. Интересно, как людям удается быть такими элегантными и утонченными? Наверное чтобы так держаться нужно прямо вот таким вот и родиться. Вряд ли можно научиться так выглядеть в самых непредсказуемых ситуациях, к примеру в такой, как мы оказались сейчас. Буквально втолкнув меня в по прежнему пустую гримерку Тани Ворониной, женщина захлопнула за моей спиной дверь и чуть ли не с кулаками набросилась на Кирилла.

— Я не поняла, что это еще за фокусы такие, скажите на милость? У меня приличное заведение, а не какой-нибудь дешевый турецкий бордель, куда тащат каждую нуждающуюся в деньгах шлюшку...

— Кать! Ну не шуми ты так... — Подал голос из своего угла парень в черном костюме. — Все же нормально прошло, прикольно даже.... Оригинально. Слышишь, публика до сих пор в себя прийти не может, хлопают, свистят. Хоть по второму разу эту малышку выпускай...

— Я никуда не пойду! — Я испуганно вжалась в мягкую кожу кресла.

— Заткнись и не встревай! — Женщина даже не посмотрела в мою сторону. — Я сейчас не с тобой, а с Кириллом разговариваю, твоя очередь еще придет, актриса! — В это «актриса» она вложила столько презрения и насмешки, что я невольно покраснела и пониже натянула на колени коротенькую юбочку форменного платья.

— Я что то не понял, а я то во все этом спектакле с какого такого бока? — Без особых эмоций лениво поинтересовался Кирилл, с интересом глянув на мои голые коленки.

— А кто, скажи на милость, всю эту кашу заварил? — Свирепо посмотрела на него Катерина. — Я что ли сюда эту звезду больших и малых академических театров притащила? Я на сцену ее выпихнула, даже не удостоверившись, что она умеет и какие трусы на ней надеты, в конце то концов!? Я сто раз тебя просила, не таскать в мой клуб своих шлюшек недоразвитых, нравятся тебе такие ... — Она на мгновение замолчала, снова смерив меня с ног до головы презрительным взглядом. — ...такие простушки юные, пользуйся, я, кажется, плачу тебе вполне приличные деньги, чтобы ты мог обеспечивать их, не прибегая к подобного рода уловкам...

— Катерина! — Голос Кирила стал, кажется, на целых два тона ниже. — Ты не забыла, с кем ты разговариваешь? Какого черта ты поднимаешь на меня голос?

— А какого черта ты провоцируешь меня? — Все так же громко, но уже значительно менее агрессивно отозвалась она и потянулась к брошенной Кирилом на стол сигаретной пачке. — Я же просила тебя...

— Я слышал. — Коротко и не слишком почтительно перебил ее парень. — Слышал. — Он хмуро посмотрел на начальницу, но больше ничего ни говорить, ни объяснить не стал. Просто замолчал и свирепо уставился на кончик своей сигареты.

— И это все, что ты мне можешь ответить? — От возмущения Катерина покраснела. — Ты даже не считаешь нужным затруднять себя объяснениями? Вот так вот по наглomu меня подставляешь...

— Представление удалось. — Спокойно, но хмуро напомнил Кирилл. — Зрители еще долго его не забудут, уж ты мне поверь, и друзьям расскажут. Вот увидишь, эту малышку у тебя еще долго требовать будут на индивидуальные «гастроли» разные озабоченные товарищи при деньгах... А что до объяснений... Оправдываться, как ты понимаешь, я не стану, а до остального ты сама прекрасно дошла. Своим умом, как говорится, и интуицией.

Я с удивлением посмотрела в сторону странного молодого человека в черном костюме. Зачем он все это говорит? Меня защитить хочет что ли? Так не с чего ему вроде бы портить отношения с начальством... Нет, скорее всего у него какие то другие цели, для меня и вовсе не понятные. Вообще отношения между этими двоими показались мне не то что бы странными, а какими то не совсем обычными для начальницы и подчиненного... Сначала она горячилась так, будто у нее не сбой в работе произошел, а неожиданная и глубоко личная трагедия, потом этот начал нести какую то охиною... Хотя мое дело, в принципе, маленькое, пусть говорят все что хотят, для меня главное, чтобы эти двое, закончив выяснять собственные не простые отношения, не переключили резко внимание на меня и не начали выяснять, кто же я все таки такая и как попала в эту злосчастную гримерную №8.

— Вот значит как... — зловеще прошептала разъяренная Катерина. — Ладно, дружок, ты горько пожалеешь о том, что посмел разговаривать со своей начальницей в таком

пренебрежительном тоне... Мужлан!

— А я не с начальницей. — Хладнокровно парировал парень. — Я с тобой. А начальница на меня бы так орать не стала из-за одного, кстати говоря, вполне успешного эксперимента. Она бы мне, может, даже премиальные выписала за то, что вся программа нафиг не сорвалась. Воронина то, между прочим, в полной отключке. Ее девчонки в туалете нашли. Спит, как младенец, засунув пальчик в рот, и нежно прижавшись щекой к прохладному фаянсу унитаза...

— Ты разговор то в сторону не уводи. — Катерина поправила рукой выбившуюся из прически прядь волос. — С Ворониной я поговорю, когда эта идиотка в себя придет и сможет хотя бы на ногах держаться. Сейчас речь о тебе и этой красотке ... с букашками.

Вспомнив все, что произошло на сцене, я резко вспыхнула и едва сдержала подступившие к глазам слезы. Кирилл между тем снова пришел в нормальное расположение духа и, сделав вид, что не услышал последних слов начальницы, беспечно заметил:

— Да о чем с ней разговаривать то? Столько слов уже сказано, что языку отвалиться впору, а с нее все как с гуся вода. Плачет, клянется, что больше ни-ни, а потом снова нажирается, как свинья, прости господи. И, между прочим, заметь, в последнее время происходит это с завидным постоянством — чаще и чаще... Гнать ее надо в три шеи подальше от нашего клуба. Одни неприятности от нее будут, попомни мои слова. Наркотики это не шутки, особенно в таком бизнесе, как наш... И без них неприятности выскакивают одна за другой, как черти из табакерки.

— Да она племянница одной моей знакомой... Мы как-то вместе летели в Израиль, да и тут время от времени пересекаемся на разных тусовках... — В глазах Катерины мелькнула неуверенность.

— Знакомство близкое, ничего не скажешь. — Насмешливо посмотрел на хозяйку Кирилл. — Почти дружба. Кстати, тогда тем более тебе стоит поскорее от этой Танечки Ворониной избавляться всеми правдами и не правдами. Не ровен час, откинется она в нашем сортире от передоза, как ты тогда подружке своей задушевной в глаза посмотришь?

Ответить Катерина не успела, раздался не слишком уверенный стук в дверь, после чего в примерку просунулась кудрявая головка миленькой и совсем еще юной девочки.

— Катерина Аркадьевна, у нас небольшие неприятности...

— Что еще? — Недовольно поджала губы женщина. — С Ворониной что ли опять плохо стало? Так дайте ей там чего-нибудь что ли... Ну, у Вадима спроси, он знает...

— Нет. — Робко перебила Катерину девушка. — Таня еще в себя не приходила, ее охранники в медпункте на кушетку положили...

— Так что тогда!? Ты можешь выражать свою мысль внятно и как то побыстрее слегка? — Катерина уже просто не могла сдерживать переполняющее ее крайнее раздражение всем происходящим вокруг. — Ты что не видишь, тут люди делом занимаются, между прочим!?

— Там милиция. — Быстро выпалила девушка. — Они по зданию ходят и ищут какую то сбежавшую из под ареста преступницу. Документы у всех проверяют. Скоро сюда придут. — После этого голова исчезла так же внезапно, как и появилась.

— Та-а-ак! — Протянула Катерина и подозрительно уставилась на мое испуганное лицо. — Что-

то мне это все больше и больше не нравится. Говоришь, неприятности выскакивают, как черти из табакерки? — Она перевела взгляд в тот угол, где, привалившись к стене, безучастно покуривал Кирилл. — Ты видно решил своими фокусами в могилу меня свести, голубчик. — Голос хозяйки стал почти ласковым, глаза же при этом превратились в два сверкающих бешенством уголька. — Быстро говори, что за девка прячется у меня в клубе?

— Понятия не имею. — Спокойно отозвался парень. — Мне доложили, конечно, что во время представления по залу шныряли какие то подозрительные личности, и корочки показывали охране при входе, но они там что то о распространителях наркоты пели, а у нас с этим полный ажур, так что я позволил им войти, только предупредил, чтобы клиентам глаза особо не мозолили... — Он говорил все это Катерине, а смотрел почему то на меня.

— Так иди и разберись, что там за ерунда творится. — Катя ядовито посмотрела на Кирилла и, не удержавшись, добавила:

— Вообще то начальник охраны должен бы узнавать о таких вещах чуточку пораньше хозяйки.

— А мне знать нечего, у меня работа налажена так, что мышь не проскочит незамеченной. На входе всех посетителей камера слежения фиксирует, при малейшем подозрении с клиентами охрана беседует...

— Так иди и объясни все это милиционерам. — Раздраженно посоветовала хозяйка. — Пусть не утруждаются и время поберегут свое и наше.

— У них время казенное. — Отозвался Кирилл, скрываясь за дверью, ведущей в коридор. — Не подеритесь тут, девочки, я мигом.

— Совсем обнаглел. — Вздохнула Катерина, посмотрев на захлопнувшуюся дверь. — Мужлан.

После этого, достав из пачки очередную сигарету, женщина опустила на подлокотник дивана и задумчиво посмотрела на меня.

— Больше ты у меня выступать не будешь, и не надейся. — Вполне мирно сказала минуты через полторы она. Вообще я заметила, что как только начальник охраны скрылся из виду, Катя сразу как то подобрела что ли... Взгляд стал мягче и светлее. — Один раз эта самопальщина сельская прокатила, конечно. От неожиданности, вероятно... Клиенты все это приняли за удачную режиссерскую находку и недюжинный талант исполнительницы ... Но народ все замечает, милая. Уже при следующем просмотре они наверняка поймут, что к чему. Людей не обманешь. Мы то с тобой знаем, что никакая ты не артистка, девочка, а просто глупая лохушка, попавшая в сети этого наглого Кирилла, будь он не ладен. Он хоть как тебя на сцену то выйти заставил, бестолочь? Обманул что ли? Или деньги посулил большие? Я же видела твои глаза, когда ты шест увидала и жадные мужские глаза, сверкающие в каждом углу зала. Да еще букашки эти...

— Бабки коробки. — Покраснев, поправила я.

— Какая разница. — Вздохнула Катерина. — Где ты их только раздобыть то умудрилась?

— В детском мире. — Честно призналась я.

— Где? — Изумленно раскрыла глаза Катя.

— В детском мире. — Повторила я. — А что странного? Размер подходящий... Красиво и

дешево.

— Ясно. Значит, Кира деньгами тебя сюда заманил... Стыда у него нету, вот что я тебе скажу, девочка. Не мог тебе просто так что ли помочь, если ты так остро нуждаешься, что трусы в детском мире покупать приходится. Так нет! Ему для чего-то захотелось выставить тебя на всеобщее обозрение. На посмешище самое настоящее... Хотя, честно говоря, не пойму, зачем ему все это надо было. Меня что ли позлить так сильно захотелось?

— Почему позлить? — Мне было неудобно, что Катерина думает о Кирилле настолько плохо по моей вине. Ведь на самом то деле он ничего плохого и в мыслях не имел, я сама обманула его доверие. Он же как лучше хотел, у вас некому было выступить, эта самая Воронина чуть не сорвала все выступление...

— Вот я и говорю — подлец. — Сделала безапелляционный вывод Катерина. — Прислушайся к моему совету, пошли Киру к черту. Ты девка ничего — видная. Найди себе какое-нибудь занятие пристойное. Танцевать, к примеру, поучись профессионально. Двигаешься ты вполне прилично, пластика органичная... Тебе совсем немного технику подработать и даже я готова рассмотреть твою кандидатуру в качестве танцовщицы. Не на ведущие партии, конечно, но кусок хлеба с маслом ты себе обеспечишь довольно легко. А на мужиков полностью полагаться не советую, даже при такой выигрышной фактуре, как у тебя. В жизни все может случиться...

— Вы не совсем правы, Катя... Ваш друг меня не обманывал, все было совсем не так, как вам показалось... — Нерешительно начала я, но закончить не успела, в дверном проеме, полностью его заслонив неожиданно появилась мощная фигура Кирилла. Сзади него, где-то на уровне широких плеч маячили два околышка форменных милицейских фуражек.

— Татьяна! — Бодро обратился он, глядя прямо мне в глаза. — Документы показывай!... Воронина, ты что, не слышишь, я к тебе обращаюсь. Давай, не задерживай, у людей времени в обрез, они на службе, между прочим.

Я растерянно хлопнула пару раз глазами и нерешительно направилась к трюмо. Выдвинув поочередно четыре маленьких ящичка, забитых заколками и кремами, я беспомощно оглянулась на Кирилла. Он же в свою очередь что то активно начал изображать глазами, повернувшись к своей начальнице.

— В плаще возьми. — Через пару секунд не слишком любезно буркнула она и кивнула в сторону вешалки за дверью. — Я туда переложила твой паспорт... А то бросаешь бумаги где попало, а сама на сцену... У Голубевой, между прочим, в среду вот так же кошелек украли. Ревела потом как белуга на весь клуб...

Я торопливо сунула руку в карман Татьянинного плаща и достала паспорт в коричневой кожаной обложке. Кирилл выдернул его у меня из рук и повернулся к стражам порядка.

— Вот. Я же говорю, никого чужого у нас в подсобных помещениях быть просто не может. А вход со стороны двора, мы постоянно держим запертым. Им никто не пользуется, просто по правилам пожарной безопасности положено иметь запасный выход, а мы законы чтим ...

— Посмотреть бы на эту вашу Воронину... — Донесся до нас нерешительный голос из-за плеча Кирилла. — Может, там еще кто сидит...

— Мужики, да вы что, не понимаете что ли, это же гримерка, тут девушки перед выступлением переодеваются и после него. Таня только что на сцене была, вы видели ее прекрасно...

— Это вы говорите... Нам бы удостовериться лично, что там никого больше нет...

— Ладно, — махнул рукой Кирилл и оглянулся. — Татьяна, прикройся чем-нибудь что ли, не вводи парней в смущение. — Я мгновенно накинула на себя покрывало торопливо протянутое Катериной, натянув его буквально до кончика носа. — Входите и убедитесь, что больше тут спрятаться негде. Вот в шкаф загляните, чтобы не думалось...

— А это кто? — Милиционер не обратил на меня почти никакого внимания, видно торчащие из-под покрывала косички убедили стража порядка, что девица, только что скакавшая на сцене, и я — одно и то же лицо. Зато он подозрительно уставился на застывшую на подлокотнике Катерину.

— Ну, уж это точно не ваша беглянка. — Жизнерадостно рассмеялся Кирилл. — Катерина Аркадьевна Каменкова, хозяйка этого клуба и еще кучи подобных заведений нашего города. Вы, когда осмотр закончите, подходите к ее кабинету, охранник вам покажет куда идти, там вы сможете и ее документы проверить тоже.

— Обязательно подойдем. — Серьезно кивнул мужчина в форме. — Больно уж она под наше описание подходит. И рост, и комплекция... одежда конечно другая, но в принципе вполне может оказаться, что она именно та, кого мы ищем.

— Я!? — Искренне изумилась Катерина. — Это с какой же стати я могла вам так срочно понадобиться?! Я что-то нарушила? Может, машину не правильно припарковала?

— Преступница ее вообще не парковала. — Любезно сообщил милиционер. — Она бросила ее около сорока минут назад в тупике за вашим клубом и пропала в неизвестном направлении.

— А, ну вы просто груз с моей души сняли. — Вклинился в разговор Кирилл. — Тогда это никак не могла быть Катерина Аркадьевна. Сорок минут назад она сидела за стойком в зале с нашими гостями из Токио и пила специально приготовленный для них по оригинальному рецепту кофе. Причем с самого начала вечера она, насколько я помню, ни наряда, ни прически не меняла...

— Мы все-таки в кабинет зайдем. — Настойчиво повторил милиционер. — Для порядка. И с японцами вашими тоже бы переговорить надо...

— Они не японцы. — Недовольно поправила Катя. — Да будет вам известно, не все, кто живет в Токио — японцы.

— Мне по фигу. — Любезно отозвался мужчина. — Главное, чтобы переводчик был.

— Они по-русски говорят не хуже нас с вами.

— Вот и отлично, значит, проблем не будет, особенно если у них документики с собой. Хотя у иностранцев то с этим проблем не бывает. Я прав?

— Абсолютно. — Заверил милиционера Кирилл, аккуратно прикрывая за ним дверь.

* * *

— Я тебя убью! — Свирепо прошипела Катерина, как только начальник охраны повернулся к нам лицом. — Ты с ума что ли сошел, прикрывать задницу этой девки с букашками, да еще и за мой счет! Имей ввиду, если у меня будут из-за всего этого хоть вот такусенькие проблемы —

женщина буквально сунула под нос Кирилла кончик своего ярко наманикюренного ногтя. — Не Воронина, а ты отправишься искать новую работу. Ясно тебе?!

— Да я хоть сейчас. — Хладнокровно парировал парень и посмотрел в сторону кресла, где сжавшись от страха в комочек притаилась я. — Может, объяснишь доброму дяде, прикрывшему, как Катерина Аркадьевна удачно выразилась, твою задницу от милиционеров, чем ты их настолько обидела, что ребята целый час уже убили на твои поиски? Должен же я знать по крайней мере, за что меня с работы выгоняют. — Он бросил на хозяйку выразительный взгляд и усмехнулся.

— Я машину угнала. — Робко пискнула я и снова замолчала, решив как можно дольше тянуть время, пока милиция не закончит осмотр клуба и не уберется восвояси.

— Ту, которую бросила во дворе? — Я кивнула, упорно продолжая делать наивное и крайне несчастное лицо.

— Понятно. Значит, эта шалава Воронина выходила во двор курить свою отраву, чтобы я запах не учуял, а потом опять забыла запереть дверь. А ты ее оплошностью воспользовалась на всю катушку. А как, интересно, тебе удалось в доверие к ней втереться? — Начальник охраны снова внимательно уставился на мои голые колени. Только теперь в его глазах не мелькнуло и капли прежней игривости и теплоты.

— Я не втиралась. — Тихо прошептала я. — Она вообще меня не заметила, вышла из этой двери и чуть не упала. Я посторонилась... вот и все наше знакомство... А потом, я вошла в гримерку... Дверь то распахнута была, а мне больше деваться некуда было совершенно...

— Ты врешь. — Холодно перебил мой жалкий лепет Кирилл. — Ты наверняка говорила с Татьяной. Когда я вошел, ты уже практически готова была к выступлению, надела костюм, парик... Да ты же сама мне сказала, что Воронина попросила тебя заменить ее на вечернем шоу. Вспомни!

— Я не говорила... Это вы меня спросили, а я только головой кивала... А что мне еще было делать? Я вообще ничего не знала про ваше заведение... Даже представить не могла, чем вы тут занимаетесь...

— Но костюм... — Меня даже позабавило, каким растерянным сделалось лицо Кирилла после этих слов. — Ты же надела на себя именно то, что требовалось... — Парень беспомощно оглянулся на Катерину. — Или я чего-то не понимаю, или эта девчонка во всю дурит мне мозги...

— Было бы чего дурить... — Устало вздохнула та. — С платьем то все и так понятно, ты оглянись, Кир, прикинь, что в этой гримерке можно еще надеть? Особенно, если поставить себе целью спрятаться, испариться в толпе. Парик, скромненькое коричневое платьице, макияж — и ни одна собака тебя не сможет узнать... Я права? — Катерина вопросительно посмотрела на меня, а потом снова перевела взгляд на начальника охраны. — Меня интересует совсем не это... Уж больно тщательно тебя милиция ищет, голуба. Народу понагнали кучу целую, столько сил тратят на поимку какой то паршивой угонщицы... Насколько я понимаю, машину ты в целостности и сохранности бросила в тупике... — Она снова бросила на меня задумчивый взгляд. — Не разбила, надеюсь?

— Нет, просто случайно в ваш тупик завернула, а выезжать обратно не было времени, да и бензин уже практически на нуле был, так что надежды скрыться на этой машине все равно не было...

— Так, а вот это уже ближе к цели. Так машину ты угнала просто для того, чтобы скрыться от стражей порядка? — Катя вскочила на ноги и подошла ко мне. — Или ты немедленно говоришь, что там у вас с милиционерами на самом деле произошло, либо я немедленно сдаю тебя со всеми потрохами...

— Не надо с потрохами. — Больше всего сейчас мне хотелось провалиться сквозь землю, вернее сквозь обшарпанный пол гримерки. — Я ничего плохого не сделала, меня просто обманули... Аня... Вернее она то не при чем, это все ее муж Сергей, это он... — Я запнулась, стараясь подобрать как можно более верные слова для того, чтобы объяснить этим двоим, от которых сейчас полностью зависело мое настоящее и будущее, как меня угораздило вляпаться в такую не красивую и крайне дурацкую историю. Слова никак не хотели находиться, зато из глаз внезапно брызнули предательские слезы.

— Ой, вот только не надо всех этих сантиментов. — Досадливо поморщилась Катерина. — Не надейся, что с помощью такой не хитрой уловки тебе удастся отвертеться от моих вполне законных вопросов. Ты, милочка на моей территории, и я, честно говоря, не очень понимаю, какого черта мы суем свои глупые головы буквально в петлю из-за какой то вшивой...букашки. Ты собираешься говорить что то дельное или так и будешь тут Ниагарский водопад из себя изображать...

— Погоди, Катя. — Начальник охраны аккуратно подвинул свою начальницу обратно к дивану и опустил передо мной на корточки. — Боюсь, грубостью мы от нее ничего добиться не сможем...

— Я не понимаю тебя, Кир! — Раздраженно сказала Катерина. — Ты всегда такой осторожный и рассудительный, так какого же лешего сейчас ты рискуешь черт знает из-за чего. Мы ведь даже не в курсе, что эта букашка натворила. Может, поезд взорвала или того хуже на президента покушалась.

— Так мы вот как раз сейчас и пытаемся выяснить, что здесь к чему и зачем. — Мягко заметил Кирилл и, пригнувшись, попытался заглянуть в мои опущенные долу заплаканные глаза. — Я думаю, девочка нам все честно расскажет, а мы с умной тетей подумаем, как и чем мы сможем бедной девочке помочь. Для начала предлагаю хотя бы познакомиться. Меня Кириллом зовут, ты это знаешь, вот это Катерина Аркадьевна, хозяйка нашего веселого заведения. Ну а теперь не плохо бы и твое имя узнать.

— Меня Эгле зовут. По вашему можно Эля. — Слегка успокоившись, выдавила из себя я. — Вэнскайтэ.

— Ясненько, чудная какая то фамилия... Из Литвы что ли приехала, или местная? Родственники есть? С документами все в порядке? — Вопросы высказывали из Кирилла со скоростью пулеметной очереди.

— Не совсем... Документы у меня есть... не вполне настоящие... — Я вздохнула, вспомнив, что разрешение на жительство, которого мы так долго добивались, теперь, вероятно уже никакой юридической силы не имеет. И родственников тоже у меня нет. Совсем.

— Этого еще не хватало! — Вне себя от возмущения выпалила Катя. — Беглая преступница, да еще и с поддельными документами! Ты совсем рехнулся, дружок. Неужели пухлая попка и изящные ножки настолько замутили твой и без того не слишком то светлый разум? Или вы оба сейчас разыгрываете передо мной спектакль для одного зрителя? И в действительности вы знакомы давным давно... Хотя наплевать, с чего бы мне копать во всей этой ерунде... Все! С

меня хватит, Я немедленно пойду и приглашу сюда работников милиции. Уж они то, думаю, не станут ломаться и хотя бы из благодарности расскажут, чем отличилась эта твоя красotka.

— Не надо, пожалуйста. — Мои глаза снова катастрофически быстро начали наполняться слезами. — Не надо их приглашать, умоляю....

— Катя, перестань злиться. Ты ведь на самом деле совсем не такая. Ты добрая и отзывчивая женщина. — Проникновенно произнес Кирилл, внимательно посмотрев в глаза начальницы. — Ты любишь помогать людям. Я прав? — Катя промолчала, но взгляд ее из свирепого постепенно становился все более и более растерянным. — Ты же прекрасно знаешь, что стоит помочь кому то попавшему в беду, и это тебе непременно воздастся в самом ближайшем будущем. Это вроде бы даже в библии написано. Ты помнишь твою очень близкую подругу, которой мы с тобой вместе пытаемся помочь выкрутиться из щекотливого положения? Ну? Помнишь?

Это «помнишь» прозвучало так резко, что не только я, а даже Катя невольно вздрогнула и поежилась под выразительным взглядом начальника охраны.

— Я не совсем понимаю... Если ты имеешь ввиду... Но какое это имеет отношение?.. — Похоже, Катерина совсем запуталась в своих собственных мыслях и вопросительно уставилась на Кирилла.

— Ты очень не внимательна, дорогая. — Одними уголками губ усмехнулся он. — А ведь тот милиционер вполне четко обрисовал, как мы сможем помочь этой несчастной девочке, а она в свою очередь сможет быть ОЧЕНЬ полезной твоей подруге.

— Ты считаешь? — С сомнением посмотрела на меня Катя, похоже, она в отличии от меня начала понимать, что за загадочную подругу имеет ввиду ее подчиненный. — Лично я глубоко сомневаюсь...

— Зря. — Торопливо перебил ее Кирилл. — Положись на мою интуицию, ты знаешь, как редко она меня подводит... — Потом парень снова повернулся ко мне. — Но все сможет получиться только при одном условии. Ну ка посмотри на меня! Мы с Катериной постараемся тебе помочь, но ты должна рассказать нам все. Абсолютно все, что с тобой произошло. И про родных, и про Анну и мужа ее... Короче говоря все, с самого пресамого начала. И ради бога, не нужно никакого вранья! Договорились?

Я скованно кивнула, лихорадочно соображая, стоит ли мне рискнуть и довериться этим странным и абсолютно непонятым людям или нужно быстренько постараться придумать какую то душещипательную историю взамен той, которая на самом деле со мной произошла. Очень быстро я убедилась, что прямо сейчас сочинить хоть что то более менее правдоподобное мне вряд ли удастся, настолько я была взволнована и издергана, да и трудно было не признать правоту Кирилла, они с Катериной — последняя моя надежда в сложившейся ситуации. Странно конечно, что они вот так вот просто согласились помочь совершенно незнакомой девчонке с улицы, но отталкивать их от себя враньем было бы глупо и совсем не умно... Да и потом, я ведь на самом деле ничего страшного не совершила, а если и ошиблась, то ведь сама же все и исправила. Ариша давно у своих родителей...

— Хорошо. — Наконец то решилась я. — Я расскажу как все было, а вы сами смотрите, будете мне помогать или нет... Надеюсь, вы в любом случае милиции меня не выдадите. В крайнем случае вы могли бы меня просто выпустить на улицу, когда милиция уедет...

— Давай уже, рассказывай, хватит торговаться. — Нетерпеливо поторопил меня начальник

охраны. — У нас ведь все таки терпение то не железное, да и милиция вот вот закончит осмотр здания и снова вернется по Катину голову.

Я глубоко вздохнула и начала подробно рассказывать обо всех тех событиях, которые произошли со мной за последнее время.

Катя и Кирилл слушали внимательно почти не перебивая и явно проявляли искреннюю заинтересованность. Их лица на протяжении всего рассказа выражали крайнее напряжение и сосредоточенность.

— Бред! — Как только я замолчала, фыркнула Катя и отвернулась. — Я ей не верю. Уж больно все жалостливо получается, как в сериале самом настоящем. Заманили бедного ребенка, заморочили, подставили, а она вся такая добрая и пушистая... Да и вообще вся эта история с похищением вызывает у меня ну о-о-чень большие сомнения. — Катерина поджала губы и бросила в сторону начальника охраны весьма выразительный взгляд.

— История то как раз вполне правдоподобная... — Задумчиво почесал подбородок Кирилл. — И весьма подходящая... Судя по намекам милиционеров, и по разговорам, которые я краем уха слышал сегодня у нас в VIP зале, у Кронбергов действительно какие то крупные неприятности с маленькой дочкой... Кажется, я что то такое днем даже по телевизору видел... Значит, насколько я понял на сегодняшний день твои дела обстоят приблизительно так : ты не имеешь практически никаких законных документов, удостоверяющих твою личность, соответственно жилья и нормальной работы тоже нет. — Подвел итог он. — Дальше: жить тебе не где, кормить, поить, одевать тоже не кому. История с похищением ребенка и угоном машины вообще не лезет ни в какие мыслимые рамки. Получается так, милая Эгле, что на текущий момент ты никто, и звать тебя никак. А это значит, что ничего хорошего тебя за воротами этого клуба ждать просто не может. Вот скажи, к примеру, если мы, как ты и просила десять минут назад, выпустим тебя на улицу, куда ты пойдешь? Что кушать станешь, где спать? К своей подруге вернешься? К этой, как ее... к Анне?

— К Аня нельзя... Там милиция меня в первую очередь искать будет, да и не примет она меня, а может сразу в отделение сдаст... — Прошептала я, мгновенно вспомнив последний разговор с подругой по телефону, и уставилась на парня самым несчастным взглядом, какой только смогла изобразить. — А ее муж, Сергей, сказал, что они с чистой душой будут валить все на меня. Няня девочки тоже заинтересована в том, чтобы откреститься от участия в этом деле, Жорж скажет все, что ему Сергей прикажет... Аня вообще не в курсе, как все было на самом деле, да даже если бы и в курсе была, то муж для нее все, единственный свет в окошке. Между мной и им, она наверняка выберет Сергея.

— Это понятно. — Нетерпеливо повторил свой вопрос Кирилл. — Как ты жить то дальше собираешься, где и на что? Ты хоть сама то об этом думала.

— Я боюсь об этом думать. — Честно призналась я. — А главное я ведь и так знаю, что ничего путного в моей ситуации придумать нельзя...

— А все таки бог на свете есть. — С искренним чувством сказал Кирилл и посмотрел на Катю. — Вот и не верь после этого в высшую справедливость. А Катя? Я же говорил тебе, сделай добро и оно к тебе очень скоро вернется в самом неожиданном обличьи... — Потом парень повернулся ко мне. — Ты понимаешь, что самым умным для тебя сейчас было бы выехать хотя бы на время за границу?

— За границу?! — Чуть не поперхнулась от неожиданности я. — Домой что ли в Литву? Так у

меня же документов то нет, кто меня выпустит. И денег на билет тоже...

— Деньги не проблема. — Решительно вступила в разговор Катерина. — Да и документы в принципе тоже. Пересечешь границу по чужим...

— По чужим? — Еще больше удивилась я. — А кто мне их даст, да и потом таможенники, они же не слепые...

— Организацию Кирилл возьмет на себя, — нетерпеливо отмахнулась Катя, чувствуется она всерьез загорелась идеей о моей переправке за границу. — Сейчас главное получить твое принципиальное согласие.

— На что? — Испуганно спросила я. События развивались так стремительно и не предсказуемо, что я не успевала даже понять толком, что хотят от меня эти странные люди. — На что я должна подписать согласие?

— Да не надо ничего подписывать Ты слишком спешишь, Катя. — Кирилл посмотрел на начальницу укоризненным взглядом. — Разве может Эля согласиться на то, что ты ей еще даже объяснить толком не попыталась, давай так сделаем, ты сейчас пойдешь к себе в кабинет и постарайся быстренько убедить уважаемых стражей порядка в том, что ты совсем не та, которая им нужна, и что ловить им в нашем клубе больше совершенно нечего... Справишься? Как только выпроводишь их за порог, возвращайся. А я пока спокойно, без суеты и нервотрепки объясню девушке, чем она может помочь нам и спасти себя саму... Идет?

Ничего не говоря, Катерина резко поднялась и направилась к двери, уже на пороге она обернулась и с сомнением покачала головой :

— Все это такая авантюра, Кир. Ну разве сможет она выполнить то, что ты планируешь ей поручить? Ты посмотри на нее...

— Иди Катя, мы тут с Элей сами во всем разберемся. — Мягко отозвался он. — Ты пойми, со стороны то виднее, что и как...

— Ну смотри. — Дверь за Катей бесшумно захлопнулась.

— Значит так... — Кирилл посмотрел на меня и почему то торопливо отвел глаза. — Может, кофейку выпьем, я сейчас чайник поставлю...

— Не надо. Давайте уж лучше сразу говорите, что я должна делать...

— Нет, я пожалуй все таки поставлю чайник. — Он поднялся и достал с верхней полки шкафа поднос, где лежала упаковка коричневых пластиковых чашек с ручкой, в таких подают чай на вокзалах и в аэропорту, большая прозрачная банка с сахаром, баночка поменьше с кофе и две вскрытые пачки печенья.

— Да не богато Татьяна живет. — С наигранно жизнерадостностью констатировал он, ставя поднос на диван, — ну да ладно, пока и этого хватит. Немного позднее я проведу тебя в зал, там можно будет вполне полноценно поужинать. Хотя ты сегодня скорее всего и не обедала тоже. — Я промолчала, так как прекрасно видела, мои ответы нужны парню, как рыбе зонтик, наливая воду и устанавливая на трюмо электрический чайник, он болтал просто так, почти сам с собой, стараясь, чтобы в комнате не дай бог не повисла напряженная тишина. По глазам я видела, что его губы двигаются практически сами собой, мысли же текут совершенно в другую сторону. Когда кофе был разлит по чашкам, Кирилл наконец то приступил к объяснениям.

— Короче говоря, я тут подумал, как все это преподнести посимпатичнее и пришел к выводу, что нечего нам с тобой ходить вокруг да около, пудрить мозги и устраивать реверансы... Дело обстоит так: твое положение в обществе на данном этапе твоей жизни нам обоим прекрасно известно, поэтому останавливаться на твоих ближайших перспективах в этом городе да и вообще в этой стране мы не станем... — Я напряженно кивнула и отхлебнула маленький глоточек крепкого ароматного напитка из пластиковой чашки. — Отлично. С этим ясно... Теперь с другой стороны. У Кати есть очень близкая подруга, почти сестра, если хочешь знать, которая попала в довольно трудное положение, не такое конечно безвыходное, как у тебя, но все же... Катерина страшно хочет помочь... В общем у этой дамочки есть весьма богатенький, перспективный далеко не первой свежести супруг, а еще у нее имеется друг... Ну само собой молодой, симпатичный, ласковый до безобразия и само собой совершенно бесперспективный в смысле денег и положения в обществе. Все понятно?

— Пока все. — Кивнула я. — Не ясно только, с какого бока тут я.

— До этого мы очень быстро дойдем, не волнуйся. Значит, приблизительный расклад ты поняла. С одной стороны богатый ревнивый муж, с другой стороны любовь, тоска и все такое прочее... Как говорится, и хочется дамочке и колется и поджилки трясутся от страха. В общем, сейчас Катина подружка собирается вылетать на отдых за границу.

— А при чем тут все-таки я? Я что должна развлекать в ее отсутствие старого богатого муженька? Или утешать молодого симпатичного любовника...

— Не спеши... Развлекать супруга вряд ли нужно, он и сам не дурак провести время с пользой... А к молодому тебя никто на пушечный выстрел не подпустит, с твоими то формами... От тебя требуется сущий пустяк, нужно полететь вместо дамочки за границу, по ее документам, все законно, честь по чести. Зарегистрироваться под ее именем в отеле, открыточки с заморскими видами посылать время от времени муженьку... И отдыхать при этом на полную катушку.

— А смысл?

— Элементарно. Пока ты там строишь из себя ее, муж ничего не подозревает, а наша мадам с комфортом проводит время в обществе милого голодранца-любовника, не опасаясь быть застуканной на месте преступления. Только и всего. Все довольны, все смеются, как говорится. — Он жизнерадостно хохотнул, но глаза при этом продолжали оставаться напряженным и крайне озабоченным. Да уж, путный артист из этого парня точно бы никогда не получился.

— Все настолько просто и привлекательно, что невольно вызывает серьезные подозрения. — С сомнением покачала головой я.

— Что именно тебе не нравится. — Серьезно поинтересовался Кирилл и поднес к губам уже практически остывший кофе. — Все действительно просто... а что усложнять то?

— Во первых, почему на эту роль вы выбрали именно меня? Такое ощущение, что если бы я сегодня случайно не залетела в ваш клуб, вся эта затея бы сорвалась. А между тем в вашем заведении полно девушек, которых бы весьма и весьма устроили предложенные условия. Мало кому удастся шикарно отдохнуть за границей, ни потратив при этом ни копейки из собственного кошелька. И второе. Никогда не думала, что летать на самолете с чужими документами в кармане — такое плевое занятие, как вы мне стараетесь внушить. Насколько я понимаю, за это могут привлечь к весьма серьезной ответственности вплоть до уголовной...

— Естественно, риск есть. — С легкой досадой признал начальник охраны. — Но для тебя он ничтожен...

— Это почему же? — С любопытством поинтересовалась я.

— А это уже ответ на твой первый вопрос. Мы не могли привлечь к операции девочек из клуба по одной простой причине, они совершенно не подходили по фактуре. У нас все артистки высоченные, тощие... короче манекенщицы бывшие... А Катина подруга ниже, аппетитнее и вообще... У вас с ней достаточно много общего, я это сразу заметил, как только первый раз в гримерку зашел. Правда она лет на десять старше, но у нас в штате есть профессиональные гримеры, стилист и все такое прочее. Имея такой удачный материал, мы в два счета слепим из тебя то, что нужно. С двух шагов не отличишь. Плюс ее одежда, машина, кошка... Ты даже не сомневайся, спокойно в самолет попадешь, без проблем. Я тоже на всякий случай переговорю кое с кем, чтобы тебе особенно не надоедали при досмотре. Да и потом, что значит этот риск в сравнении с тем, который ожидает тебя здесь, если ты не согласишься на наше с Катей предложение? Честно говоря, я на твоём месте не то что сомневаться, я бы и раздумывать не секунды не стал. Такая удача, просто нереальная. Захочешь специально все подстроить и то так четко не сработает, ей богу. Ты подумай, пока ты там будешь отдыхать и с максимальным комфортом жизнью наслаждаться, тут все страсти улягутся, история с этим дурацким похищением забудется, не вечно же тебя искать будут, правда? Милиция и без тебя делами по горло завалена. Да и девочка к тому же в полном порядке возвращена в любящие объятия мамочки с папочкой. Катя тут пока нажмет на разные нужные кнопки в прокуратуре, а связи у нее внушительные, как ты понимаешь, может, даже удастся твое имя полностью очистить от нелепых подозрений и документы выправить, а на все это нужно время И деньги, причем очень даже внушительные. Вот ты их и заработаешь, помогая Катини подруге устроить свое маленькое женское счастье. А может где-нибудь там на дорогом заокеанском курорте ты познакомишься с симпатичным богатеньким буратинкой и вообще не захочешь возвращаться в нашу не больно то ласковую к тебе Россию-матушку...

— А может, вы с Катериной Аркадьевной попросту задумали сдать меня в рабство в какой-нибудь заграничный дом терпимости? — Бесцветным голосом поинтересовалась я. — Как только узнали, что я в безвыходном положении и искать меня никому в голову не придет, так и родился у вас в головах план, как использовать ситуацию с пользой для себя.

— Дура! — Кирилл от неожиданности чуть не выплеснул себе на брюки остатки холодного кофе. — С чего ты взяла, что мы с Катей можем такими вещами заниматься?

— Стриптизом же занимаетесь. — Пожала плечами я.

— Ну если для тебя это одно и то же, тогда конечно... — Усмехнулся парень.

— Не вижу принципиальной разницы. И то и это основано на торговле женским телом...

— Логично... — Кирилл помолчал. — Ну что тебе сказать, девочка, решай сама. Можешь довериться нам, можешь на улицу отправляться, удерживать ей богу не стану. Такие дела удачно проворачиваются только с обоюдного согласия и доверия, при соблюдении особой секретности. Думай. Только не долго. Если согласишься, действовать нужно быстро, самолет вылетает меньше, чем через сутки... Ну, а если нет, значит не судьба соединиться влюбленным сердцам в длительном и безмятежном экстазе... И еще. Просто так к сведению. Как говорится для общего развития информация. Это только в кино злые дяденьки хватают наивных и добрых девочек, ничего не знающих о жизни, сексе и коварстве подлецов-мужчин в свои цепкие объятия и волокут в разные страшные места типа публичных домов и тому подобных притонов.

В жизни все гораздо более просто и прозаично. Вокруг столько профессионалок, готовых работать за сущие копейки, а уж за границей и подавно, что просто нет смысла рисковать и заниматься примитивной работоторговлей. Гораздо проще договориться с девчонкой и дешевле, чем платить бешеные деньги многочисленной охране и отмазываться от полиции, тоже не бескорыстной, между прочим... Это я тебе говорю, чтобы ты особенно то не заморачивалась на эту тему.

— Я согласна. — Решительно заявила я. — Я готова рискнуть и использовать этот единственный шанс, который выделила для меня судьба. Хуже то все равно не будет, что бы вы там не задумали. Хуже просто некуда. У меня выбора нет. С одной стороны тюрьма и голод. С другой — надежда. Пусть сомнительная и весьма призрачная, но все же... Я согласна. — Уже более спокойно повторила я. — Но уж и вы тогда не обессудьте, если я что не так сделаю. Имейте ввиду, я ни манерам, ни этикету не обучена, языков не знаю, за границу тоже само собой не ездила ни разу... Катерина Аркадьевна права была, когда сомневалась. Она как опытная женщина прекрасно понимает, что по таким мелочам меня в два счета разоблачат, даже прислуга в отеле поймет, что здесь не все чисто. Что никакая я не богачка, а лохушка рыночная. Тем более, что я окажусь там совершенно одна...

— Хочешь, я с тобой поеду? — Неожиданно предложил Кирилл. — Мне давно отпуск положен...

— Но как же муж той женщины... Что он подумает? — Никак не могла оправиться от удивления я. — Какой тогда смысл затевать все это, если его так называемая жена поедет на отдых с мужчиной...

— Я не мужчина. — Кирилл посмотрел на меня и вздохнул. — Я охранник. Олег меня прекрасно знает и будет только рад, если его жена отправится на курорт под моим присмотром. Он мне еще и денег наверняка приплатит, чтобы я хорошенько за «ней» приглядывал и не позволял разных шалостей и капризов. Так что соглашайся, и тебе польза, и я отдохну за чужой счет с комфортом. — Честное слово, после этих слов у меня словно камень с души свалился. Стало намного спокойнее и легче принять это заманчивое, но очень странное на первый взгляд предложение.

* * *

— Чуть отвязалась от этих болванов! — Катерина действительно выглядела усталой и измученной. — Ты только представь, Кир, эти придурки всерьез решили, что я и есть та самая похитительница маленьких детей...

— Значит, версия нашей малышки подтвердилась? — С интересом посмотрел на нее начальник охраны.

— Да подтвердилась-подтвердилась, — неохотно кивнула головой Катя. — Представляешь, они меня посмели сфотографировать и даже заставили оставить свои отпечатки пальцев на какой то отвратительной серой шершавой бумаге. Я руки потом чуть отскоблила средством для чистки раковин... Господи, Кир! Я боюсь...

— Боишься? — удивленно вскинул брови тот. — Тебе то чего бояться, скажи на милость?

— Чувствует мое сердце, влипнем мы с этой букашкой во что то очень-очень не хорошее... Давай плюнем на все наши задумки, а? Отпустим девчонку, пусть она идет себе, куда знает, а мы уж тут как-нибудь без нее сами разберемся со своими проблемами... — Голос ее стал почти просительным, на глаза навернулись самые настоящие слезы.

— Ну, положим, без Эли мы никак не сможем осуществить задуманное, — лицо Кирилла слегка потемнело. — Времени искать другую девушку у нас просто нет... Да и согласись, найти более подходящий вариант будет не просто трудно, а невозможно... Так что давай ка собери в кучу свои эмоции и начинай действовать. Кстати, я тебя еще не порадовал новостью — Эля готова помочь твоей самой близкой и дорогой подруге и полететь по ее документам в... а кстати, Катя куда мы с ней должны будем лететь, ты уже определилась?

— Мы!?! — Катерина от изумления, кажется, мгновенно позабыла о своих недавних страхах. — Что-то я не пойму, а с какой стати ты решил, что полетишь на курорт вместе с этой... букашкой!? А если ты понадобишься МНЕ здесь? — Я с огорчением заметила, что в только начавшие устанавливаться между нами хоть сколько то уравновешенные отношения снова вернулась ярость и злость. Со стороны Катерины, конечно, мы с Кириллом после недавнего разговора начали испытывать друг к другу даже какое то подобие легкой симпатии. — Вот, значит, что вы тут нарешали за моей спиной, голубки сизокрылые! А я вот что тебе скажу, дорогой. Никуда ты из клуба не денешься! Ясно? Если она даже и полетит куда то, то я и только я буду решать куда, когда и с кем она это сделает, ты понял?

— Вот интересно, а кто МНЕ может запретить поехать туда, куда Я хочу, и с тем, с кем Я хочу? — Преувеличенно спокойно поинтересовался Начальник охраны и холодно посмотрел на хозяйку клуба.

— Я могу тебе запретить! — Спокойный тон Кирилла окончательно вывел Катю из себя. — Я! Ты не забыл, надеюсь, мой милый друг, что хозяйка всего вот этого — Она торжествующе обвела гримерку рукой — Я! А ты здесь всего лишь служащий! Мой подчиненный и обязан не хамить, а благодарным быть за то, что я деньги тебе плачу и не маленькие, заметь. На них ты живешь в свое удовольствие, жрешь, пьешь и содержишь всех этих бездарных букашек-таракашек! А без меня ты никто! И звать тебя никак! Понял?! Просто обычный охранник без образования, ума и приличных перспектив на будущее...

— Это я давно уже понял. — Все так же спокойно отозвался Кирилл. — да если бы и не понял, ты так старательно каждый раз мне объясняешь, кто есть кто в этой жизни, что и самый последний дурак бы смог вникнуть в суть... Только ты слегка подзабыла Катерина Аркадьевна, я больше не твой служащий, как ты только что изволила выразится. Часа полтора назад или где то около того ты сама пригрозила меня уволить без выходного пособия... Так я согласен, где подпись поставить?

— Какую еще подпись? — Катя как-то очень быстро сникла и устало опустилась на свое уже привычное место — кожаный бортик узкого дивана. — О чем ты вообще говоришь? Никто тебя не увольнял, что за бред?

— Подпись под заявлением об уходе. — Кирилл посмотрел на начальницу и усмехнулся. — Раз никто не увольнял, так я и сам могу попросить...

— Слушай, Кир... Ну хватит тебе издеваться... Ты же прекрасно знаешь, как я к тебе отношусь и что ты значишь для меня... для нас... Ну неужели ты не можешь понять, как то войти в мое положение... — Катя говорила, старательно отводя глаза от насмешливого взгляда охранника.

— Ты опять в положении? — Преувеличенно жизнерадостно воскликнул он в ответ на не слишком внятные извинения Катерины. — Поздравляю! Олег уже в курсе или его ждет приятный сюрприз?

— Да хватит же чушь пороть! Хватит! — Катя вскочила и забежала по комнате. — Ты хоть

понимаешь, на что я сейчас должна решиться? Понимаешь? У меня может разрушиться все! Карьера, брак, да и сама жизнь тоже! А ты тут шуточки неуместные шутишь и обиды какие то нелепые корчишь! Перестань хоть на одну минуточку заботиться о себе и подумай обо мне! О нас подумай!

— По моему я постоянно только и делаю, что думаю о вас... А вот истерики твоей теперешней я честное слово никак понять не могу, как не пытаюсь. Все хорошо, Девушка согласна помочь, даже я готов лететь с ней, чтобы все прошло без сучка и задоринки прямо по разработанному плану... Только, боюсь, ты своими воплями можешь испортить то отношение и доверие, которое и так то едва затеплилось между нами. Посмотри на глазки нашей гостьи, да она сейчас в обморок упадет от испуга! — В его голосе опять появились насмешливые и даже веселые нотки. — Ты не пугайся, Эль, с этой истеричной дамочкой дело иметь конечно пострашнее, чем плясать на сцене у шеста, но надеюсь ты и с этим справишься, малышка.

— Ой как смешно! Поглядите на этого юмориста! — Катя нервно выдернула из пачки сигарету. — Подумаешь, испугалась букашка! А я между прочим только что за нее минут сорок не меньше перед ментами отдувалась...

— Не волнуйтесь, я постараюсь отплатить вам той же монетой. — Почти не нервничая, отозвалась я. — Вы только что спасли меня от милиции, я тоже спасу вас от мужа и его ревности...

— Что? — Ахнула женщина. — Так ты что же, кретин, все ей рассказал, как самый последний болтун?!

— А ты совсем не глупая девочка! — Улыбнулся мне Кирилл. — Смотри ка, сама догадалась, что наша Катюша вряд ли станет так прогибаться ради кого бы то ни было, кроме себя самое... Ну что же, теперь между нами совсем не осталось недоговоренностей? Насколько я понял, ты по прежнему согласна помочь несчастным влюбленным, не смотря на истерические выкрики этой мадам?

— Конечно... Я же сказала...

— Но тебя по-прежнему что то сильно смущает... — Продолжил за меня начальник охраны.

— Ну да... я честно готова сделать все, что от меня потребуется и изо всех сил постараюсь, чтобы никто ни о чем не догадался, но... Но Катерина Аркадьевна такая женщина...

— Какая такая? — Хмуро буркнула со своего подлокотника она. — Женщина, как женщина. Две руки, две ноги...

— Вы слишком красивы и элегантны, чтобы хоть кто-то в здравом уме и с нормальным зрением мог даже издалека принять меня за вас. Да я убей не смогу так пройти, так голову повернуть, как ни старайся...

— Не стоит преувеличивать. — Усмехнулась Катя, но видно было, что моя откровенная лесть была ей чертовски приятна. Она с легкой надменностью посмотрела на начальника охраны. — Я, если быть откровенной, тоже порядком сомневалась в правдоподобности такой замены, но Кирилл убедил меня, что ничего невозможного в твоём преображении нет... А со стороны, как говорится, виднее. К тому же мужской глаз в этих вопросах, как известно, острее женского. Так что я решила целиком положиться на его так называемую интуицию.

— Между прочим, ни один я так думаю. — Напомнил Кирилл. — Ты вспомни, как настойчиво

милиционер утверждал, что ты и сбежавшая от них девушка практически одно лицо, а он ведь судил именно по общему впечатлению. Как он мне объяснил, лица они рассмотреть не смогли, но твоя фигура, волосы, походка видимо очень сильно напомнили им беглянку. А ведь искали то они именно Оксану.

— Вообще то он прав. — задумчиво посмотрела на меня Катерина. — Свою одежду, обувь сумочки, шляпки, в которых меня особенно часто можно было увидеть на людях, я тебе естественно дам, надеюсь ты будешь относиться к вещам бережно и вернешь мне их все в целостности и сохранности. Светик сейчас быстро приведет твои руки и волосы слегка покрасит и подравнивает, с этим проблем не будет. А вот лицо... С лицом беда.

— В каком смысле? — Испугалась я и тревожно посмотрела на Кирилла. — Почему это с моим лицом беда? Вроде с утра все в порядке было...

— Твое лицо на мое совершенно не похоже. — С досадой пояснила Катя. — Есть конечно что то общее, цвет глаз например... но все равно сказать, что ты — это я может только настоящий слепец! И потом вы не забыли, что я на добрых десять лет старше этой букашки?

— Не называйте меня пожалуйста букашкой. — Покраснела я. — Мне не приятно...

— А по моему прикольно. — Весело заметил Кирилл. — И совсем не обидно. Сразу вспоминается миленькая симпатичная бабка коробка примостившаяся на вполне уютном местечке...

— Утомил ты со своим прикольно! — Недовольно перебила охранника Катя. — И откуда ты только слово то такое выкопал дурацкое?

— Так ты же сама сказала, не умный я. Необразованный мужлан. — Не смотря на усмешку, чувствовалось, что обидные слова Кати здорово задели этого довольно таки толстокожего и невозмутимого человека.

— Так повышать надо свой интеллект, кругозор расширять, а не гордиться своим невежеством, как самым что ни на есть великим достижением.

— Да ладно чего уж, мы как-нибудь уж так, охраннику большой ум даже вреден говорят...

— Эх и устала я от твоих заморочек. — Вздохнула Катя. — Думай лучше, что с нашим лицом делать.

— Оно уже стало нашим? — Не удержался от колкости парень, но потом перешел на серьезный и деловой тон. — С лицом делать, пожалуй, ничего не будем. В аэропорту, я думаю, мы сможем найти с ребятами общий язык. К тому же Эля подъедет к зданию на твоей машине, с твоей знаменитой кошкой на руках и в сопровождении твоего личного телохранителя. — Он мельком глянул на Катерину и, не заметив в ее лице и капли недовольства, продолжил. — Я как всегда буду оформлять документы, а Эля с надменным видом постоит в сторонке, прикрывшись к примеру широкополой шляпкой и уткнув нос в шерсть «своего любимого» кота.

— А Тимона обязательно брать с собой? — Со вздохом спросила Катя. — Я буду по нему скучать... И вообще, еще неизвестно, как он поведет себя с посторонним человеком. Он ведь вообще то сиамский кот, а эта порода не предсказуема в своих поступках...

— Не смеди. Тимон — старое больное и абсолютно инертное существо, безразличное ко всем и ко всему, кроме еды, тепла и мягкой подстилки. Сомневаюсь, что он вообще заметит, кто несет

его на руках и нежно прижимает к себе...

— Ты не прав. Я знаю, ты всегда недолюбливал моего малыша, после того как он еще будучи, между прочим, маленьким шаловливым ребенком испортил тебе ботинок...

— А потом порвал брюки, пометил куртку, которую мне за бешеные бабки привезли из Финляндии и мне пришлось ее выбросить, так как отмыться от этого ядовитого запаха не представлялось возможным, потом он десяток раз царапал мне все что попадалось под лапу, выскакивая из самых не предсказуемых мест...

— Он просто играл, — продолжала отчаянно защищать своего любимца Катерина. — И потом, он же понимал насколько ты его не любишь, кошки всегда это чувствуют гораздо острее людей...

— Короче, хватит восхвалять твоего умного и чуткого милягу Тимона. По любому ему придется лететь с нами. Во первых, он уже обилечен, как говорится, а потом как ты объяснишь мужу, что кот с «тобой» не улетел? К чему вызывать напрасные подозрения?

— Слушай, а я ведь Олега как то совсем упустила из виду... А вдруг он возьмет и пойдет провожать меня до аэропорта?

— А вот это уже твоя забота, дорогая. Сделай так, чтобы он не поехал. На крайний случай можешь скандальчик закатить грандиозный на прощанье, ты ведь умеешь находить поводы просто отлично, тогда уж он точно за тобой не потащится... Ладно, с этим, думаю, все нормально будет. Скажи лучше, куда билеты менять. Времени то почти не осталось...

— А зачем менять? — Пожала плечами Катерина. — Думаю, наша вилла в Онфлере, на берегу Средиземного моря — как раз самое подходящее место для того спектакля, который мы задумали. Я не была там уже несколько лет, и меня там вряд ли кто-то помнит в лицо. Дом на побережье совсем не большой, поэтому из obsługi там только управляющий и приходящая домработница. От нее ты вполне можешь на время приезда отказаться и готовить еду для себя и этой букашки сам, не переломишься. А управляющий вообще нанят всего год, его Олег взял вместо прежнего, который куда то ли уехал, то ли работу получше нашел... короче, не помню. А еще у меня там подруга есть. Помнишь? Ну мадам Орэли Лефилье, балерина... С ней Эля тоже вполне может общаться, не опасаясь быть разоблаченной, она даже вполне прилично понимает русский... Так что решено, билеты менять не будем. Вы с букашкой летите во Францию, а точнее в Нормандию. Между прочим, времени осталось почти в притык. Давайте ка прямо сейчас поехали к Светлане...

— Поимей совесть, Кэт! — Приостановил ее бурную деятельность Кирилл. — Ты что не видишь, что девочка едва держится на ногах от усталости и, между прочим, от голода...

— А ну да... — Нахмурилась Катерина. — Ну отдых я ей пока обещать никак не могу, придется потерпеть до самолета, там отоспится вволю, а покормить само собой могу. Уж чем-чем, а отличной кухней наш клуб гордится по праву...

* * *

Когда, наконец, мы подъехали к аэропорту я просто с ног валилась от усталости, но спать почему то не хотелось совсем. Видимо, нервы мои были настолько напряжены и до предела издерганы, что я просто-напросто не могла даже, если бы сильно захотела, расслабиться и хоть на пару часов отключиться. Когда миленькая девушка с задорно вздернутым носиком и веснушками на лице, делавшая мне маникюр, который, оказался долгим и нудным занятием,

заметив мои покрасневшие от усталости глаза, предложила мне откинуться на удобном мягком кресле и подремать, я, честно говоря, обрадовалась и с удовольствием последовала доброму совету. Кресло и правда оказалось удобным, будто специально предназначенным для тех, кто любит спать в сидячем положении. Скорее всего так оно и было, ведь не каждый может спокойно высидеть два часа, а то и больше, пока идет процедура наращивания и обработки ногтей. Намного удобнее слегка вздремнуть и проснуться уже с длинными, ухоженными и очень красивыми ногтями. Жаль, что мне это не удалось. Я честно закрывала глаза, считала овец, доведя поголовье чуть ли не до пяти тысяч штук, спасительный сон ко мне так и не пришел. Вместо него навалились тягостные воспоминания о недавнем прошлом и тревожные, о неведомом и потому тоже страшном, будущем. Я поспешно открыла глаза и выпрямилась в мягком удобном кресле, решив лучше понаблюдать за тем, как ловко управляется рыженькая девчушка со множеством пилочек, щипчиков, кисточек и еще кучей только ей одной понятных штук, поболтать с ней о разных ничего не значащих мелочах, чем трепать себе нервы и гадать о том, чего изменить я уже практически не в силах. Стрижка и покраска волос заняла тоже никак не меньше двух часов, за это время Катя и Кирилл успели съездить каждый к себе домой и вернуться назад. Кирилл в джинсовом светлоголубом костюме, кроссовках и большой спортивной сумкой в руках, Катя всего лишь с небольшим саквояжем и какой то одеждой, на плечиках, запакованной в кожаный походный чехол, и круглой шляпной коробкой. Когда с моей внешностью и макияжем наконец то все было покончено, Кэт снова потащила нас в, уже ставшую мне почти родной, гримерную №8.

— Давайте быстрее, — поторапливала нас она, — осталось каких то три с половиной часа не больше, а мы еще не начинали одеваться. А потом ведь еще я должна домой заехать попрощаться с мужем и дочкой. Прихватить Тимона и вещи... В аэропорт надо хотя бы минут за сорок приехать, мало ли какие осложнения с вылетом возникнут... Так что дел выше крыши. Дай бог управиться за несчастных три с половиной часа.

— У вас есть дочь? — Почему-то мне показалось это странным. Как-то не вязался у меня образ этой молодой элегантной женщины с понятием материнства. Ну никак не могла я ее представить с соской в руках, или к примеру над тазиком с грязными пеленками... Хотя ей ведь совершенно не обязательно держать все это в собственных руках, на это у богатых людей имеется прислуга. Какая же я все-таки глупая!

— А что тебя так удивило? — Вопросительно приподняла брови Кэт. — Мне двадцать восемь. В этом возрасте для женщины не иметь детей как-то даже не прилично. Да, у меня есть дочь. Ее зовут Лариса, ей почти семь лет. Очаровательный ребенок. Ужасно похожа на меня. — В голосе Катерины прозвучала нескрываемая гордость. — В школу в этом году пойдет.

Она распаковала чехол, принесенный с собой, и на свет появился симпатичный элегантный бело-синий костюм, чем то очень напоминающий матросский.

— Зря ты этот костюм притащила. — Кирилл выглядел не довольным. — Он слишком облегает фигуру, вдруг на какие то сантиметры не сойдется, вы же все таки не идеально совпадаете, правда? Что тогда делать, другого то на замену ничего нет...

— Что бы ты понимал, мужлан. — Весело отозвалась Кэт, вообще она заметно повеселела за последние несколько часов, а когда вернулась из дома вообще стала очень мила и жизнерадостна. Кирилл же напротив, глядя на то, как все шире расцветает улыбка хозяйки, мрачнел буквально на глазах. — Переставить пуговицы, для нормальной женщины пара пустяков, хотя я и так на глаз вижу, что не промахнулась. Лишь бы туфли подошли. Размер вроде подходящий, но ноги то у всех разные, а ей, как не крути, ходить в них придется не пять минут. Но это тоже не беда, в гримерках полно обуви, запросто можно подобрать что то

подходящее. На прикинь... — Катя протянула мне белую лодочку. — Смотри ка подошли. Отлично. То что слегка великоваты не беда, как говорится, велико не мало, ватку сунешь... Так, а что ты сидишь, давай ка скидывай свою несчастную школьную форму и начинай приобретать цивильный респектабельный вид.

Я взялась за пуговицы и покраснела, внезапно вспомнив, что под форменным платьем у меня вообще то ничего нет. Даже маечка с ромашкой и бабкой коробкой осталась где то на полу сцены. Я растерянно посмотрела на сидящего напротив Кирилла и перевела умоляющий взгляд на Катю.

— Ты чего время тянешь? — Удивилась она и, внимательно глядя на мои покрасневшие щеки, догадалась. — Стесняешься что ли?

— Уж не меня ли? — Хмыкнул Кирилл. — Так ты вспомни, я все уже видел. Вплоть до букашек и даже больше... — Я почувствовала, как глаза неумолимо наполняются слезами.

— А ну ка марш в коридор, — заметив это, быстро скомандовала Кэт, — не хватало еще такой респектабельный и удачный макияж испортить дурацкими соплями. На него времени чертова туча угрохана, а они тут шутки шутят.

Как только Кир скрылся за дверью, я торопливо начала примерять костюм. В общем Кэт не ошиблась, костюм подошел мне и даже очень, правда грудь у меня оказалась чуть больше ее, а талия чуть уже. Но это совсем не портило общего вида, а даже придавало некоторую пикантность.

— Хорошо получилось, — удовлетворенно сообщила Кэт, осмотрев меня со всех сторон. — Сидит отлично. Теперь туфли... Так... Вот это еще...

Она открыла саквояж и достала оттуда шкатулку. Катерина выложила на стол золотое обручальное кольцо с бриллиантом, изящные золотые с платиновыми вставками и какими то мельчайшими блестящими камешками, наверное, тоже бриллиантами, серьги, тоненькую цепочку с украшенным все теми же камешками крестиком и все это протянула мне.

— Надевай! Не могу же "я" отправляться в путешествие без единой золотой побрякушки. Кольцо если великовато на средний палец надень, обручальные и там носят, главное, руку не перепутай... Ты что делаешь, бестолочь, на правую надевай! — Закричала она, заметив, что я примеряю на левую руку ее обручальное кольцо. — Я же все-таки еще не вдова, правда? — И она почему то опять весело рассмеялась. Потом подумала и сняла с пальца большой витиеватый перстень с черным не прозрачным камнем. — На, только смотри береги, как зеницу ока. Потеряешь вовек не рассчитаешься. Он стоит такую кучу денег, что тебе и не снилось. Антиквариат.

— Может, тогда не надо? — Испуганно отдернула руку я. — И так уже красиво.

— При чем тут красота? — Пожала плечами Кэт. — Этот перстень в декларацию внесен, без него у тебя на паспортном контроле проблемы могут возникнуть, а нам привлечь лишнее внимание ни к чему. Наоборот, твоя задача проскользнуть мимо столика контролерши тихо, как мышка... Я редко его снимаю. Это кольцо фамильное, к тому же заговоренное — приносит удачу, тому, кто его носит. И мадам Орэли очень любит его в руках покрутить, это еще один плюсики при общении с ней, подтверждающий твою личность. Так что не ломайся, надевай... Ну что, последний штрих и можно звать эксперта. — Катя достала из круглой коробки красивую широкополую шляпку с декоративными ленточками, свисающими на манер лент бескозырки, и примерила ее на меня. — Блеск! Честное слово, сама не ожидала, что так здорово получится.

Кир! — крикнула она, — иди, принимай работу!

— Прикольно! — Слегка отойдя от своей привычной насмешливой манеры, с искренним одобрением присвистнул он. — Даже я метров с десяти принял бы ее за тебя. А уж сзади и говорить не приходится. — Я погрустнела, отчего то мне стало обидно, что это восхищенное «прикольно», оказывается, относилось не к моей внешности, а всего лишь к поразительному сходству копии с оригиналом.

— А ты костюм хаял. — удовлетворенная похвалой улыбнулась Катерина. — Фасончик и правда староват, спорить не стану, вполне вероятно, в Европе сейчас такие не в моде, но у него есть куча весьма значительных преимуществ перед всеми другими. Во первых, такого больше ни у кого нет. Во вторых, меня в нем видели буквально все и все запомнили. Если в аэропорту будет хоть кто то знакомый, он запросто узнает «меня» даже издалека.

— А если подойти захочет знакомый? — Озабоченно почесал подбородок Кирилл.

— Это забота не моя, а твоя. — беспечно отмахнулась хозяйка. — Придумаешь что-нибудь, ты по этому делу мастак, главное, ухо держи остро и не проворонь... Значит в третьих, с этим костюмом просто ужасно гармонирует шляпка, сразу видно, что это комплект и одно без другого не смотрится, а значит, не возникнет законного подозрения на конспирацию, которое как правило вызывают широкополые шляпы и темные очки. В четвертых, он очень выигрышно подчеркивает фигуру, а это самая сходная наша с букашкой черта, хоть я ее и на десять лет старше, не удержалась от комплимента самой себе Катя., — в пятых...

— Может, хватит? — не выдержал Кирилл, — я все понял. Ты, между прочим, сама всех торопила, а теперь время тянешь.

— Ты прав. Я тогда сразу перехожу к последнему и самому важному — я в этом костюме на загранпаспорт фотографировалась. — Она хитро посмотрела на нас и рассмеялась.

— Ну что, пошли что ли? — Кирилл нетерпеливо направился к двери.

— Погоди, самое главное чуть не забыли. — Она протянула мне белую кожаную сумку с двумя синими волнами спереди. — Тут все необходимые документы, декларация, Тимоновы справки от ветеринара и билет на самолет. А вот это — твой. И еще деньги на расходы в дороге. — Кэт протянула Кириллу узкий розоватого цвета листок бумаги и конверт. Он небрежно сунул их во внутренний карман куртки.

— Теперь, наконец, мы можем идти?

* * *

Кирилл остановил машину перед витыми воротами большого современного особняка.

— Кэт, тебе на все про все... — Он мельком глянул на часы. — ...двадцать минут. — Надеюсь, чемоданы уже собраны?

— Само собой! — пропела Катя, распахивая свою дверку. — Я скоро. Только с любимым мужем попрощаюсь и сразу назад.

— Не вздумай притащить его с собой. — Напомнил ей вслед Кир.

— Да ни боже мой! — Донеслось в ответ.

— Послушайте, Кирилл...

— Я, знаешь, что хотел уже давно предложить? — Поворачиваясь ко мне лицом, перебил меня он. — Нам предстоит провести вместе довольно много времени. Может, прямо сейчас перейдем на «ты»? Называй меня просто Кирилл, или Кир, или Кира, как Катя... А то я чувствую себя чуть ли не твоим престарелым дядюшкой.

— Ну вы... то есть ты... сказал! Какой же ты дядюшка, ты молодой и симпатичный... — Я смутилась и прикусила язычок.

— Что замолкла? — Весело поинтересовался мой собеседник. — Только я приготовился слушать лестные комплименты в свой адрес, а ты сразу и смутилась... Хотя ты права, наверное я тебе папой почти кажусь в свои то тридцать четыре...

— Моему папе было бы сейчас сорок шесть лет . — Тихо отозвалась я. — Если бы он был жив... А так ему навсегда останется сорок три... Ты на него совсем не похож... Ни капельки...

— Ты что-то хотела спросить? — Чтобы заполнить неловкую и печальную паузу напомнил Кирилл.

— Да... Мы как-то не подумали о том, что Катин муж, если сейчас он дома, может заподозрить неладное, если узнает, что в аэропорту его жену видели в таком ярком и запоминающемся наряде. Ведь из дома то она уйдет совсем в другой одежде.

Теперь пришла очередь смущаться Киру. Он нахмурился, и, немного помолчав, буркнул.

— Ерунда! Он не сможет вспомнить, в чем ушла Кэт.

— Ты в этом уверен.

— Уверен, не переживай. — Он отвернулся. Я так и не поняла, на что он так разозлился или, может, обиделся.

Со стороны особняка послышались громкие голоса, я испуганно попыталась пригнуться и чуть не уронила на пол свою шикарную шляпку.

— Не суетись. — Тоже с интересом посматривая в сторону дома, бросил Кирилл, — сквозь тонированные стекла тебя никто не увидит. — А внутрь боевая машина пехоты по имени Кэт его все равно не пустит.

У ворот появилась красная от злости Катя с большой клеткой в руках. За ней выскочил довольно приятный мужчина лет сорока в штанах на резинке и расстегнутой на груди рубашке с огромным чуть ли не в человеческий рост чемоданом на колесиках.

— Только такой кретин, как ты, мог перепутать время и чуть не испортить мне всю поездку! — Кричала Кэт! — Хорошо я ученая и попросила Кира за мной заехать и помочь, а то бы по твоей милости мне пришлось самой тащить этот чертов чемодан, — она неистово ткнула остроконосой туфелькой бок огромного черного баула, или опаздывать ...

— Заткнись, кретинка! — Злобно парировал ее муж. — Если бы ты не твои дурацкие истерики, я бы уже давно оделся и мог тебя проводить ...

— Вот спасибо! — Ядовито поджала губы Катя. — Сначала прождать пока ваша светлость

соизволит натянуть брюки, а потом бегом носиться по аэропорту как угорелая деревенщина. Нет уж, уволь, ради Христа, от такого счастья!

— С удовольствием! — Рявкнул муж.

— Пора выдвигаться на передний план. — Вздохнул Кирилл и полез из салона на улицу. Громко хлопнув дверью, он сначала приветливо пожал руку раздраженному Олегу, потом молча взял за ручку баул и так же молча начал заталкивать его в машину. Мужчина махнул рукой Киру и, даже не глянув на жену и не прикрыв калитку, размашисто зашагал к крыльцу своего особняка.

— Мило поговорили. — Мрачно усмехнулся Кирилл, когда все мы наконец то уселись в машину и покатали в сторону аэропорта. — Профессионально ты его отбрила. Комар носа не подточит.

— Ну так! — Фыркнула все еще не утратившая воинственный настрой Кэт. — На том стоим. Я в машине у аэропорта посижу до отлета, мало ли какие будут вопросы... Никто ведь не застрахован от непредвиденных накладок. А потом на этой же машине к Петеньке моему, Петушку рвану... Это тот самый мальчик, ради которого и затевается вся эта свистопляска с переодеваниями, — пояснила она мне и посмотрела на Кирилла, он отвернулся. Станные у них все же отношения, снова подумала я.

* * *

Аэропорт гудел, суетился, светился лампочками электронных табло — в общем, жил своей обычной повседневной жизнью. Стараясь быть как можно незаметнее и в то же время элегантнее, я с замиранием сердца вступила в огромный ярко освещенный зал. Мельком глянув на милицейский патруль, проходящий совсем не далеко от меня, я прибавила шаг и крепче прижала к себе сиамского кота по кличке Тимон, которого Катя велела обязательно нести на руках.

— Он еще насидится за решеткой, лапочка моя! — Она чмокнула животное в нос и почесала за ушком. — Целых три с половиной часа лететь до Парижа, да еще если учесть время на погрузку и разгрузку, вообще куча времени получается. Потом деловито добавила. — Посадишь его обратно только после паспортного и фейс контроля. Не отпускай Тимона до последнего, строй из себя идиотку, можешь слезу даже слегка пустить. Только не увлекайся, макияж изгадишь. И только в самый ответственный момент, если вдруг почувствуешь, что на тебя чересчур внимательно посматривает контролерша или спрашивает что-то не то, начинай заталкивать его в клетку. Он ее ненавидит, так что начнет орать, вырываться...короче, все внимание сосредоточит на своей мохнатой персоне, девушка поспешит поскорее сбавить такую обузу с рук и быстро закончит оформление твоих бумаг.

— С каких это пор ты стала таким дальновидным стратегом? — Удивленно спросил Кир, с пустой клеткой в одной руке, чемоданом на колесах в другой и спортивной сумкой перекинутой через плечо.

— Ты поживи с мое! — Катя юркнула назад в машину. — Ну все ребята, с богом. Желаю успеха и удачи.

* * *

Попав в шумный зал аэропорта, Тимон стал проявлять явные признаки беспокойства, но из рук вроде пока не вырывался. Просто напрягся и начал подозрительно вертеть ушастой головой из стороны в сторону.

У каждой из стоек толпилась очередь. Выбрав, почему то где народу побольше Кирилл пристроился в хвост. Я с тоской смотрела на то как тщательно и дотошно девушка проверяет паспорта и другие документы будущих пассажиров. Наша затея с переодеваниями стала казаться мне глупой и совершенно бесполезной. Что толку во всем этом маскараде, если контролерша их даже не заметит. Она не видела раньше Кэт в этом костюме и ей в общем то не с чем сравнивать, она ведь в основном смотрит на лицо, сличая его с фотографией. Заметив мое беспокойство, Кирилл взял меня за руку и шепнул.

— Нам повезло. Эта девушка за стойкой всего пол года назад оформляла нам с Кэт вылет в Японию. Я сразу ее узнал...

— Значит, она тоже может узнать нас? Вернее не узнать... — Еще больше расстроилась я.

— Не смейся, перед ней за день проходит столько людей, что лица наверняка сливаются в один общий говорящий поток. А вот Тимона и твой незабываемый прикид она, как женщина должна бы помнить. Во всяком случае, я на это надеюсь...

* * *

— Здравствуйте. — Сказала девушка Киру и улыбнулась. — А вы часто летаете.

Я смотрю, и ваша спутница опять с Вами и даже котик.

— Куда же я без них... — Широко улыбнулся в ответ он, снимая темные очки. — Вернее они без меня. Охранник обязан всегда и везде сопровождать свою хозяйку. Работа такая у меня. — он покосился на «хозяйку» и едва заметно весело подмигнул девушке.

— Понимаю, — сказала она и, открыв мой., вернее Катин, паспорт начала внимательно изучать визу. — Вы котика в клетку сажайте, оторвавшись на минуту от документов, кивнула она на эскалатор, где уже стоял наш огромный черный баул, спортивная сумка с вещами Кира и, пока еще пустая, клетка. — А потом подойдите ко мне.

Я уткнулась носом в шерсть становящегося все более беспокойным Тимона и капризным голосом заканючила.

— Неужели вам ни сколечко не жаль бедное животное? Девушка. Позвольте я возьму его салон, он тихонечко посидит у меня на коленках, никого не трогая...

— К сожалению, это совершенно не возможно. — Вежливо отозвалась контролерша. — Никто не позволит нам с вами нарушать правила. Они не обсуждаются и распространяются абсолютно на всех.

— Попробовали бы сами три с половиной часа болтаться среди чужих сумок и баулов. — Продолжала нудным тоном настаивать я. — Да еще, не дай бог, собаку какую-нибудь по соседству пристроят, Тимон запросто может умереть за эти часы от тоски и страха.

— Не умер же в пошлый раз. — Резонно возразила девушка. — До Японии лететь намного дальше, чем до Парижа. Или это уже другой кот?

— Как это другой, конечно это тот самый, которого мы в прошлый раз брали с собой в Японию! — Усмехнулся Кир, глядя на мой спектакль.

— Тогда начинайте побыстрее сажать его в клетку. Помнится, в прошлый раз он совсем не

желал туда залезать.

Она снова погрузилась в изучение документов и справок на Тимона.

Близко подходить к стойке, где девушка начала бы придирчиво сравнивать мое лицо с оригиналом, мне жутко не хотелось. Я, поджав губы пошла к ленте транспортера. Едва увидев открытую дверцу клетки, Тимон буквально озверел. Он истошно замыкал и начал вырываться у меня из рук. О том, чтобы самостоятельно засунуть его на место, не могло быть и речи. Я беспомощно посмотрела на Кира, он пожал плечами и повернулся к девушке, что то указывая ей пальцем в какой то из кошачьих справок. А ко мне на помощь уже спешил мужчина, обычно просматривающий на мониторе вещи двигающиеся по транспортеру. Он деловито принял из моих рук кота и поднес к узкой дверце в клетку. Тимон в нее пролезать категорически не собирался. Он распластал в стороны лапы, цеплялся за прутья когтями и хрипло орал на весь зал что то явно не цензурное на своем кошачьем языке.

— Давайте так сделаем, — подумав немного и оценив обстановку сказал мужчина. Я сейчас зажму ему все четыре лапы, а вы берите клетку в руки и надевайте ее коту дверкой на голову, потом следом протолкнем остальное, и все будет в полном ажуре. — Я подняла клетку и приготовилась к операции, заметив краем глаза, что девушка отложила в сторону мой паспорт и теперь изучает документы Кира. Хорошо это или плохо я не поняла. Возможно, она вернется к фотографии немного позже, когда закончатся наши разборки с котом. Мужчина не слишком ловко попытался перехватить растопыренные в стороны лапы Тимона, напоролся на когти и, вскрикнув от неожиданности, выпустил животное из рук. Почуввав свободу, тот ринулся вперед. Далеко ему пронестись не удалось его перехватил мужчина с металлоискателем в руках. Тимон, схваченный за шкуру болтался в руке таможенника и орал так душераздирающе, что просто мороз по коже пробегал. Я с клеткой в руках, сметая на пути все преграды ринулась к нему.

— Идите быстрее Кирилл Эдуардович, помогайте своей хозяйке. — Услышала я позади голос девушки. — Вот все ваши документы и справки, поторопитесь, пожалуйста, и в следующий раз заранее готовьте животное к транспортировке.

Послышалось шуршание и я с облегчением увидела, что наши сумки медленно поплыли по конвейерной ленте вперед. Слава богу, досмотр закончен, поняла я. Подскочивший ко мне Кир, сунул мне в руки пачку бумаг и, ловко подхватив орущего кота одной рукой и зажав задние лапы второй, он сунул Тимона хвостом вперед в узкую дверку, тот попытался хоть как-то зацепиться за вожделенную свободу когтями передних лап, но и тут быстро потерпел фиаско. Кирилл внушительным тычком протолкнул животное в клетку и запер дверку, прямо перед носом враз присмирившего Тимона.

— Все. Концерт окончен. — Сообщил Кир, и укоризненно глянул на Тимона. — давно пора понять, что я не мамочка, со мной не забалуешь. — Кот фыркнул и презрительно отвернулся. Выглядел он почти спокойно, только напряженный, то и дело гулко ударяющий по прутьям решетки хвост, говорил о том какие негативные эмоции и мысли переполняют его возмущенную несправедливостью и насилием кошачью душу.

Проводив клетку с Тимоном глазами, мы уже с относительно легким сердцем пошли проходить личный досмотр. Меня отпустили довольно быстро, не слишком молодая уставшая женщина несколько раз провела вокруг меня металлоискателем, равнодушно заглянула в сумку и, не обнаружив ничего предосудительного, отпустила с миром. Кириллу же повезло меньше. Наверное из вредности тот самый мужчина, только что покусанный и ободраный нашим котом придирался к нему по полной программе. Заставлял раза три выкладывать все из

карманов , внимательно ощупывал и осматривал все вплоть до расчески и носового платка. Но все же ему пришлось отпустить и его.

— Ну что, посидим в кафе или уж сразу пойдем в самолет? — Он посмотрел куда то влево, где горела продолговатая зеленая лампа . — Судя по всему, регистрационная не прошло совсем мало пассажиров, меньше трети, а значит, самолет уже подан...

— Давай сразу ... — Неуверенно сказала я. — Как то уже хочется спокойно сесть и больше никуда не двигаться. Хотя я и не хочу спать, но ноги все равно почти отказываются повиноваться от усталости.

— Тогда пошли. — Скомандовал Кир, галантно подставив мне локоток. Я с благодарностью оперлась на его руку. — Последний рывок, и ты сможешь скинуть с ног эти неудобные штуковины. — Он кивнул на мои красивые изящные туфельки.

По узкому длинному коридору без окон мы с Кириллом шли практически в одиночестве.

— Скажи, Кир, — поинтересовалась я, — а что разве к трапу каждого желающего доставляют индивидуально, или мы пойдем по взлетному полю пешком?

— В смысле? — Не понял , что я хочу услышать он. — Зачем нам выходить на летное поле?

— Но мы же должны как-то попасть на самолет. — Удивилась вопросу я.

Кирилл притормозил и изумленно посмотрел на меня.

— Ты что ни разу не летала на самолете?

— Почему? — смутилась я. — Мы с папой из Вильнюса в Москву летели на самолете... Я конечно маленькая была, но все отлично помню, и трап, и взлетное поле. Там ветер ужасный дул...

— Ясно. Похоже, это было и правда давно, где то во времена царя-Гороха. Сейчас трапов нет, мы прямо по этому коридору дойдем до места и спокойно усядемся на места. — Я смотрела на него и не могла понять смеется он надо мной что ли. — Самолет сам стыкуется со специально построенным терминалом. Поняла?

— Как космическая станция? — Мне было стыдно за свое невежество, но все же любопытство брало верх.

— Примерно. — Хмыкнул Кир и снова прибавил шаг.

Симпатичная улыбчивая стюардесса указала нам наши места и пошла встречать других пассажиров.

— Садись к окошку, — подтолкнул меня спутник и уселся рядом со мной. — Теперь можно скинуть с ног туфли и даже начинать спать. Больше в ближайшие приблизительно четыре часа идти никуда не придется.

— Туфли сниму, а спать не стану. Хочется посмотреть как наш город смотрится сверху.

— Ну как знаешь, — Пожал плечами он и улыбнулся. — Кстати, напомни, когда прилетим купить Тимону что-нибудь вкусненькое. Характер у него хоть и препакозный, и сам он ужасно вздорный и упрямый, но видно даже от таких никчемных существ, как он, иной раз бывает

прок. Он здорово помог нам. Правда? Я даже, пожалуй, куплю ему дорогой ошейник от блох. Красивущий, просто по последней парижской моде. — Мы рассмеялись, и на душе сразу стало как-то легче.

— Я так сильно трусила, что у меня даже ноги тряслись. — Доверчиво поделилась со спутником я. — Больше всего боялась, что кто-нибудь это заметит и заинтересуется, что это я так дергаюсь... Я, честно говоря, до последней минуты не верила, что мне вот так вот просто удастся покинуть эту не слишком приветливую со мной страну. Я все ждала, что случится что то такое... непредвиденное ... и меня схватит милиция. Я ведь совсем не похожа на Катю. Да что говорить, ты же сам знаешь, какая она и какая я...

— Ты — красавица, Эгле. — Осторожно взяв меня за руку, сказал Кирилл. В его глазах в этот момент промелькнуло что то такое, что я покраснела и поспешила выдернуть свою руку из его горячей ладони.

* * *

Когда мы поднялись, наконец, в воздух я заморожено прильнула к толстому стеклу иллюминатора. К моему глубокому разочарованию город был почти не виден под плотным слоем мягких пушистых облаков. Кир, больше не пытался со мной заговорить, он, откинувшись на сиденье, то ли дремал, то ли думал о чем то своем. Я не рискнула его тревожить, как-то не удобно было... Это сделала за меня стюардесса, появившаяся в походе с тележкой нагруженной пластиковыми тарелочками и бутылками.

Передав мне бутылку пепси, картошку с мясом и салат в вакуумной упаковке Кирилл с заговорщическим видом попросил стюардессу.

— Принесите, пожалуйста нам с девушкой коньячка. — он оценивающе посмотрел на меня. — Грамм по сто, я думаю, будет вполне достаточно.

Минут через пять на столике перед Киром уже выстроилась шеренга из четырех микроскопических пятидесяти граммовых бутылочек с коньяком.

— Ну что, отметим знакомство? А то как то не по-людски у нас с тобой получается.

— Отметим. — Легко согласилась я.

— Ты хоть коньяк то пила раньше? — Отворачивая маленькие металлические крышечки, спросил он.

— Нет, — честно призналась я.

— Господи! — Простонал мой спутник. — Ты хоть что-то до знакомства со мной умела? Такое ощущение, что ты жить начала буквально вчера вечером, где то за час до того, как ветер занес тебя в гримерку Танюхи Ворониной. Ты не пьешь, не куришь, краснеешь постоянно, как девочка, да еще букашки эти... Я чувствую себя буквально каким то растлителем малолетних детей, прости господи. — С какой то не понятной досадой неожиданно закончил он. — У тебя и жениха наверное не было путевого еще?

— Нет. — Я с легкой улыбкой покачала головой. — Конечно, в школе за мной мальчики ухаживали, дергали за косы, портфель прятали... потом как то остепенились, стали солиднее знаки внимания проявлять, домой провожали...

— И все? — Вздохнул Кирилл. — Не густо. А после школы что?

— Ничего. — Пожала плечами я. — Я ведь никуда не ходила, ни на дискотеки, ни в компании разные... Где же познакомиться было? У меня никого кроме Нюси не было. Она и сестричку мне заменяла, и подружку, и маму... Если деньги появлялись мы с ней в кино ходили, мороженое покупали, а нет так просто гуляли на витрины красивые глазели. Я ей про Литву рассказывала, она мне про своего мужа...

— Как говорится, у кого чего болит... — пробормотал Кир. — Теперь мне все понятно. Значит, вот почему ты такая наивная, что каждый тебя вокруг пальца в два счета может обвести. Нет у тебя никакого опыта и даже обычной житейской сметки. Придется брать твое светское воспитание в свои руки. — Он смущенно привычным движением почесал подбородок. — Что-то мне даже выпивать с тобой страшновато...

— Не волнуйся. Я пила уже. — Успокоила парня я. — Вино правда, а не коньяк, зато стаканы большие были, не то что эти аптекарские пузырьки. Мне Жорж наливал пару раз.

— Так, может, я не за тебя, а за себя боюсь? — Кирилл снова посмотрел на меня тем взглядом, от которого мне почему то становилось неловко. Почему то в памяти снова всплыли звериные глаза Сергея Ковалева. — Ну ладно давай выпьем за знакомство тогда, раз ты такая храбрая. Он легонько чокнулся со мной прямо бутылочкой и опрокинул коньяк в рот. Я тоже последовала его примеру, не хотелось, чтобы Кир продолжал считать меня глупым беспомощным ребенком.

— Слушай, Эгле... Познакомиться то мы с тобой познакомились, а я в общем, так толком о тебе ничего и не знаю. Кто ты, откуда, как в Россию попасть умудрилась? Мы ведь теперь что-то типа друзей или компаньонов, кто знает, сколько времени продлится наша с тобой так называемая командировка.

— А ты сколько планируешь? Хотя бы приблизительно? Ведь это я беспризорная, безработная, абсолютно никому не нужная, кроме милиции, а ты то, наверное, не сможешь торчать рядом со мной постоянно. К примеру, пол года...

— Нет, ну пол года по любому не получится. Максимум сколько мы сможем без особых проблем и затруднений пожить в Нормандии — всего-навсего девяносто дней. Мало, конечно, но визу французы больше не дают. При необходимости можно будет, конечно, ее продлить в посольстве, но это уже риск и пойдём мы на него только при каких то особенных крайних обстоятельствах. Ну так что, готова о себе рассказать, или не хочется ворошить старые раны?

— Так мне и ворошить то особенно нечего. В принципе я очень мало могу прибавить к тому, что ты уже знаешь. Разве что про родителей... Но это тебе не интересно будет.

— Расскажи. — Он осторожно обнял меня за плечи. — Я хочу послушать.

То ли от выпитого коньяка, то ли от этого нежного объятия, но на душе у меня стало хорошо, спокойно и тепло. Я закрыла глаза и представила величественный заснеженный лес, по которому мы с мамой и еще какой то не знакомой женщиной едем в санях, вперед бежит запряженная в сани пегая лошадка. Куда мы едем, зачем — не понятно. Потом перед глазами предстала другая картинка — высокий белоснежный, упирающийся кончиком креста прямо в самое небо костел. Я стою перед ним, задрав голову, и считаю удары колокола. Мама крестится, и мы через низкие своды арки входим в тенистый двор, мама снова останавливается и крестится, читая какие то имена и фамилии выбитые на стене. Потом папа говорил мне, что там написаны имена всех тех, кто управлял костелом в течении всего его

существования. Потом шикарный зал с рядами темных деревянных лавочек со спинками... Такого великолепия, как в той церкви, я не видела больше никогда в жизнь. В моей понимании и тогда, и сейчас, именно так должны выглядеть настоящие дворцы. Этот зал я представляла каждый раз, когда рассказывала малышам волшебные сказки о королях и королевах, принцах и принцессах... Я не совсем уверена, что этот шикарный зал существовал на самом деле, а не привиделся мне во сне. Хотя, думаю, нет. Ведь в этом зале я четко представляю себе маму, сидящую на кончике лавки. Она плачет и опять молится. Вот и все, что я помню о маме. Что из этого я могу рассказать Киру? О папе я помню больше, но и о нем вроде как нечего сказать вслух.

Кирилл, очевидно думая, что я заснула покрепче меня обнял и положил голову на свое плечо. Я устроилась поуютнее и, не открывая глаз, начала рассказывать.

— Родилась я в Литве. В городке с названием Тельшай. Ты скорее всего даже не слышал о нем, а он, между прочим, не просто маленький городок, а столица целой области под названием Жемайтия. Правда, насчитывает он тысяч шестьдесят жителей, не больше, но в Литве не любят больших городов. Отца звали Саулюс Вэнсус, маму соответственно Доната Вэнскене. С того возраста, когда я себя помню, мы жили втроем напротив строящегося перед самыми нашими окнами здания пожарной части. Там как раз и работал папа. Мама работала в парикмахерской — Kigrukla по-нашему. Я помню двухэтажное старое здание из красного кирпича с подковообразной синей вывеской над дверью. Потом заболела мама. Докторов я не помню, помню только, как она постоянно плакала и ходила в костел. На похоронах меня тоже не было, отец отвез меня в Клайпеду к сестре своей матери... Ну что потом... Потом пожарную часть достроили, папе стало трудно найти работу по специальности, еще ему было грустно в доме, где они с мамой провели столько прекрасных минут. Он сам мне об этом говорил. Мы с ним сходили на кладбище поплакали, оставили на маминой могиле венок из ее любимых лилий и с одним чемоданом поехали в Вильнюс. Оттуда самолетом попали в Москву. Язык русский у нас в Тэльшае все не хуже чем родной литовский знают. Говорят даже сейчас там есть российские телеканалы, вещающие на русском... Вот и все. Дальше ты знаешь. Папа работал, переезжал с объекта на объект, я за ним... Он очень скоро понял, что лучшую долю и счастье все же лучше искать не в каких то дальних завидных краях, а у себя дома, не зря говорят люди — где родился, там и пригодился... Ни денег особых, ни счастья в России Саулюс Вэнсус не нашел. Он все чаще говорил со мной о том, что хочет вернуться в Литву, где у него осталась престарелая мама, но так и не успел.

— Ты совсем не помнишь родину? Не скучаешь по ней?

— Нет. Конечно, я помню кое-что... Костел, парикмахерскую, главную площадь Тельшай, куда папа водил нас с мамой на праздники. Но все это как-то призрачно и почти не реально. К примеру, я как-то увидела на картинке эту самую центральную площадь, оставшуюся в моей памяти огромной и величественной. На самом деле оказалось, что она чуть ли не меньше нашего пустыря перед окнами, и домики, тесным кольцом окружающие ее, больше напоминают сельские постройки, чем городские. Низенькие, побеленные ... в центре площади колокольня... Единственное, что не дает мне покоя это флюгеры...

— Флюгеры? — удивился Кирилл.

— У нас в Литве любят флюгеры. Каждый считает нужным украсить крышу своего дома петушком, мальчиком с горном, собачкой. Кто-то ставит две, а то и три фигурки ... Даже на фонарных столбах можно кое где заметить крутящуюся игрушку. Именно флюгеры сняты мне, когда я вдруг ни с того, ни с сего вспоминаю о родине. Если у меня когда-нибудь будет свой собственный дом, я обязательно закажу флюгер... Я же говорила тебе, что ничего интересного

в моей жизни не было... Лучше ты мне расскажи о себе... У вас с Катей, наверное, много чего происходило такого, о чем даже книжки можно писать...

— Да уж... — Усмехнулся Кир. — Как там, интересно, сейчас Кэт? — Его голос стал озабоченным.

— А что, Кэт? — Выпрямляясь в кресле и потягиваясь, сказала я. — Кате сейчас можно только позавидовать, она совершенно свободна и счастлива наедине с любимым человеком.... Знаешь, если бы ты сейчас не сидел рядом со мной здесь, в самолете, то я бы руку могла дать на отсечение, что любовник Катерины именно ты, а не какой то там Петя-Петушок, как она сказала...

— Почему это? — удивился Кир, но удивление его, на мой взгляд, было каким то вялым и совсем не натуральным.

— Я с первой же минуты, когда разъяренная Катя подлетела к нам там в коридоре, заметила, что между вами совсем не такие отношения, как должны быть у начальницы с подчиненным. Ты вел себя слишком уверенно и даже как-то ... нахально. А она... она ревновала! Ее намного больше бесило не то, что из-за меня чуть не сорвалась программа, а то, что меня привел именно ты, что я имею отношение к тебе и твоей жизни... Да и вообще вы то и дело такими взглядами обменивались, что даже во время ссоры было понятно — вы близкие... очень даже близкие друг другу люди.

— А ты не так наивна, как кажешься на первый взгляд, девочка. — Кирилл потупился, потом взял в руки две оставшиеся маленькие бутылочки и аккуратно отвинтил их металлические крышечки. — Давай выпьем за это, ну и за счастье нашей общей знакомой Катерины Аркадьевны Каменковой... — Мы чокнулись и снова опрокинули коньяк прямо в рот. — Ты права, главное чувство, которое испытывает ко мне Катя, это ревность... Но ревновать ведь можно не только любовника. Я избаловал Кэт своим вниманием, постоянной заботой... и поэтому она, как собака на сене огрызается, стоит только ей заметить, что я отвлекся на что то или кого то другого. Она ведь не только к женщинам ревнует, но и к друзьям, охоте, рыбалке... Если вдруг оказывается, что ей надо со мной посоветоваться или что то для нее сделать, не важно ночью или днем, а я мгновенно не оказываюсь к ее услугам словно джинн из волшебной лампы, ее буквально распирает от злости...

— Ты хочешь сказать, что ни ты, ни она, никогда не были хоть немножечко влюблены друг в друга? — С сомнением посмотрела на соседа по креслу я.

— Ну почему... — Спокойно отозвался он, — Не знаю, как она, про это ничего не могу сказать, а я когда-то в самом начале нашего знакомства сильно увлекся Катериной, она чертовски красивая женщина, обаятельная, элегантная... Конечно, я влюбился, разве могло быть иначе? Даже напридумывал себе что такого романтического ... Но, слава богу, очень быстро понял, насколько все эти мои мечты, а особенно планы на будущее, смешны и нелепы... А я смешным быть не люблю. Никакие чувства не могут пересилить во мне чувства собственного достоинства и, если хочешь, гордости... Кэт тогда уже была замужем и ничего в своей жизни менять не собиралась, ее все устраивало. Она по полной программе наслаждалась деньгами, молодостью, красотой... Она бы, возможно, не отказалась от такого любовника, как я, если бы я проявил инициативу и настойчивость, но ей нужен был скорее не любимый человек, а раб, мальчик на побегушках, который все делал бы по свистку и в отношениях, и даже в постели. По свистку пришел, по хлопку убрался вон, чтобы не мешать мадам наслаждаться гламурными журналами и светскими вечеринками. Слава богу, я быстренько разобрался что к чему, иллюзии развеялись и между нами сложились нормальные деловые, а позднее даже и

дружеские отношения... Хотя даже теперь Кэт время от времени не может пересилить себя и впитанное с молоком матери презрение к каждому, кто не ровня ей, а стоит хоть на ступеньку ниже на социальной лестнице. Ты видела, она вполне может сорваться на крик и оскорбления по любому малозначительному поводу. Поверь, в других местах, Катерина себе такого никогда бы не позволила... — Кирилл замолчал, задумчиво глядя сквозь окно иллюминатора в какую то одному ему видимую даль.

— Кир, а расскажи мне немного о себе... — Решила сменить видимо не слишком приятную для него тему я. — Ты сам говорил, что не плохо бы познакомиться поближе...

— Для этого совершенно не обязательно начинать с биографий. — Улыбнулся он, — иди сюда, — он снова уже привычным и естественным жестом притянул мои плечи к себе, — давай ка ты устраивайся по удобнее, закрывай глазки, а я расскажу тебе что-нибудь красивое и приятное... К примеру, хочешь побольше узнать о городке, в котором нам с тобой предстоит поселиться? — Я кивнула и уютно устроилась на широком Кирилловом плече. Коньяк, постепенно растекаясь по организму окутывал тело какой то теплой, невесомой пеленой, меня наконец начало клонить ко сну. — Тогда слушай внимательно. Онфлер — не только один из самых красивых городов а еще и морские ворота Нормандии . Построен он где то в начале семнадцатого века. Этот сказочный уголок каким то чудом умудрился сохранить не только старинные домики и улочки, а даже как будто удержал саму атмосферу прошлых веков. Уж на что я человек не больно то впечатлительный, меня и то цепляет, настолько там даже воздух пропитан романтикой Франции, ее блестящих королей и шикарных придворных дам, карет и драгоценностей ... Идешь по аллее, вымощенной брусчаткой столетней давности, и сердце замирает, как представишь, что лет сто пятьдесят или двести по этой же самой дороге точно так же как ты вышагивал какой-нибудь мушкетер в обнимку с прекрасной фрейлиной... Морские ворота , старый залив, набережная Святой Екатерины — насколько я помню, тоже места ужасно симпатичные . Даже не знаю с чего бы я начал осмотр Онфлера... Знаешь что, я думаю, в первую очередь мы обязательно с тобой пойдем гулять по набережной старого залива. Тут ты сразу ощутишь, что попала в прямиком в волшебную сказку... В мечту, если хочешь... Улочки здесь узенькие каменные и домики словно сошли с детских акварелей....в воде отражают старинные фасады, свет окон и витиеватых чугунных фонарей. Здесь красиво и романтично, как в прекрасной Венеции... Я покажу тебе художников, которых в Онфлере ужасно много, особенно в солнечные дни . Они сидят на набережной и рисуют с натуры. Там можно заказать твой портрет, Эгле. Мы обязательно это сделаем, в первый же день... В центре тоже мало что напоминает о том что на дворе давно уже наступил двадцать первый век. Знаешь, на улицах там очень оживленно, но почему то совсем нет тротуаров. Представляешь, дороги используются одновременно и для пешеходов, и для автомобилей и они друг с другом вполне мирно уживаются ...

Кажется, это последние слова из спокойного и размеренного рассказа Кирилла , которые я слышала, перед тем как полностью отдаться в уютные объятия сна.

* * *

.... — Эгле... Просыпайся , Эгле... — Я распахнула глаза и недоуменно оглянулась вокруг, не сразу сообразив где я нахожусь. — Нужно сесть прямо и пристегнуться. — Кирилл осторожно еще раз тряхнул меня за плечи. — Мы подлетаем к Парижу, скоро самолет начнет садиться , нужно приготовиться.

Видимо, проспала я немного , так как совсем не выспалась и продолжала сонно хлопать глазами все то время, когда самолет совершал посадку в парижском аэропорту имени Шарля де Голля (или Руасси, как его называют сами французы), пока мы долго, никак не меньше двух

километров, ехали, стоя на эскалаторе, в каком то длинно узком и совершенно прозрачном коридоре, стены которого были сделаны исключительно из стекла с редкими металлическими перемычками... Полностью я смогла проснуться только тогда, когда эскалатор неожиданно выплюнул нас прямо по середине светлого похожего на огромную гофрированную трубу из сотен бетонных колец с металлическими вставками и десятков тысяч квадратных метров стекла, сквозь которые проникал, преломляясь, свет. Он создавал в зале какое то ощущение нереальности: будто из коридора попадаешь прямо в гигантский аквариум или даже фантастический корабль неведомых пришельцев. Мне захотелось протереть глаза — настолько все окружающее не развеивало, а наоборот, усиливало мучительное ощущение нереальности того, что со вчерашнего вечера происходит со мной, не давая ни минуты на передышку и размышления.

Кирилл, ловко лавируя между спешащими от одного терминала к другому пассажирами всех возрастов и национальностей, вывел меня на улицу и посадил на широкую низкую тумбу слева от входа в здание вокзала.

— Пойду талончик возьму для входа на стоянку платных автомобилей. Надеюсь, «Отельдискаунт» на этот раз меня не подвел и забронировал машину вовремя... Иначе, нам придется ждать бог знает сколько времени или ехать в Нормандию на Duplex . Это хоть и сверхскоростной поезд, но все равно утомительно таскаться с баулами по общественному транспорту, да и потом, все равно машина нам понадобится... Ладно, сиди, и смотри никуда ни шагу. — Он строго посмотрел на меня и даже погрозил, как маленькой, пальцем. — Потеряешься, где я тебя потом буду искать?

Я сидела на отполированной и прогретой солнышком тумбе, покачивая ногой. Ощущение сказки не проходило. Новые впечатления настолько захватили меня, что я почти забыла о тех событиях, участницей которых я стала всего лишь вчера... Вчера? Я усмехнулась. Неужели я впервые увидела Кирилла всего лишь меньше суток назад? Не может быть! Каких по пятнадцать часов — и он мне уже стал почти родным... Смешно, а ведь сначала он мне совсем не понравился... Показался огромным страшным медведем, готовым раздавить буквально одним только взглядом. Я на полном серьезе считала его своим если не врагом, то уж недругом точно.... Я улыбнулась, увидев спешащего ко мне с другого конца площади Кира. В голубом джинсовом костюме со множеством молний и заклепок и модных темных очках он выглядел значительно моложе своих тридцати четырех лет. Хотя я, честно говоря, и раньше не замечала особенной разницы в возрасте между нами.

— Так , быстренько подхватили сумочку и шляпку и марш за мной! — Весело скомандовал он приближаясь и как то естественно , будто так и должно быть, обнял меня за плечи и легонько поцеловал в макушку. Потом мы, смеясь, зашагали к стоянке. — Я уже успел получить багаж . — Усаживая меня в блестящую бардовую машину с надписью «Ситроен С4» на багажнике, сказал он.

На заднем сиденье уже без клетки и, полный яростного презрения к нам с Кириллом, развалился Тимон. Он даже голову не повернул в нашу сторону, хотя я заметила, как напряглось его тельце и насторожились темные треугольные уши.

— Сейчас заедем в Руасси, городок тут неподалеку, и потом сразу махнем в Нормандию. Дом уже приготовили к нашему приезду, Катя никогда не забывает позаботиться о комфорте... Тебе понравится в Онфлере, я уверен... — Смешной! Неужели он может подумать, что такая сказочная обстановка может хоть кого то оставить равнодушным? Особенно, такую темную и наивную девушку, как я.

Пейзажи. проносящиеся у меня за окном, поражали красотой и какой то нереальной чистотой и картинностью. Как будто я сидела и смотрела красочное иностранное широкоформатное кино о природе Франции.

Вилла Каменковых в Онфлере мне тоже жутко понравилась... Даже то, что все здесь было миниатюрным и по домашнему уютным, обрадовала меня. Я никогда не смогла бы почувствовать себя хозяйкой большого богатого и шикарного дома, а в маленькой кухоньке виллы я могла бы показать Киру свои способности заботливой и умелой хозяйки вполне даже не плохо. Вообще, насколько я могла разглядеть проносящиеся за окно Ситроена городки, мимо которых, не останавливаясь, проезжали мы с Кириллом, во Франции не любили помпезных строений. Архитектура преобладала низкая, домики из темного камня с палисадниками, уютные улочки с неизменными каштановыми аллеями и раскидистыми лимонами приятно радовали глаз.

Здесь, в доме, не было ничего лишнего. Внизу большая светлая гостиная с легкой плетеной мебелью и пристроенная к ней кухня, небольшая, но буквально нашпигованная необходимой каждой европейской хозяйке, техникой. Широкая лестница вела на второй этаж, где располагались две спальни, ванна, туалет и гардеробная. Весь второй этаж опоясывал широкий балкон. С него открывался великолепный вид прямо на синие волны Средиземного моря.

Пока Кирилл поднимал наверх наши вещи, я, положила Тимона на плетеную лежанку у стены и подошла к огромным от пола до потолка стеклянным дверям, занимающим почти половину торцевой стены гостиной.

— Ух ты! — Невольно вырвалось у меня, такая великолепная панорама открывалась передо мной. Оказывается, и на этой маленькой вилле есть что то действительно большое — Огромный квадратный бассейн по площади наверное превосходил даже сам дом. Его широкие бортики были выложены чем-то вроде блестящего мрамора. На отделанном тем же мрамором крыльце перед стеклянными дверями стояли несколько плетеных шезлоногов и пара лежаков.

— Катя специально приказала сделать такой огромный бассейн. — Подходя сзади и обнимая меня за плечи. — Раньше здесь был какой то запущенный сад, а она придумала превратить его в бассейн. Остаток земли выложили мрамором и обнесли плотным забором, чтобы прикрыть от чужих глаз. В прошлый приезд Кэт с Олегом устраивали здесь довольно пикантный приемчик для местного бомонда... в купальниках, что называется...

— Здорово. — Вздохнула я, а я ведь раньше и не знала, что все бывает так...

— Как? — спросил Кир, поворачивая меня к себе. — Как?... — Он провел пальцем по моей щеке.

— Красиво. — Смутившись, прошептала я. — И не обычно... — Кирилл прижимал меня к себе совсем легонько, а я почему то почти задыхалась в его объятиях. Мне было мучительно тревожно и вместе с тем хорошо в этих крепких и надежных руках красивого и сильного мужчины.

— Это ты красивая... — выдохнул мне в ухо он, — и необычная... Я раньше никогда ничего такого и представить себе не мог...

Его прерывистое дыхание шелестело у меня в волосах и еще больше будоражило и без того трепещущую от этой опасной близости душу.

Я подняла лицо, и наши губы почти встретились...

— Нет! — вдруг внезапно и очень решительно отстранился он. — Давай ка, милая Эгле пойдём разбирать наши вещи, а то еще немного и я могу наломать таких дров... таких дров... — Пробормотал он и направился обратно к лестнице. — Ты там продукты убери в холодильник, а от пока мы от Руасси доехали, прошло прилично времени. — Уже наверху он снова обернулся — я оставил тебе большую спальню, хозяйскую... если кто в гости зайдет или еще как, это странным ему не покажется, ты же хозяйка... А сам расположусь в гостевой. Ванна в доме одна, так что душ придется принимать по очереди.

* * *

Комната, в которую Кир отнес мои вещи, мне понравилась. Уже одно то, что она предназначалась именно для меня, было приятно. У меня ведь до сих пор никогда не было ничего своего, сначала мы делили комнату с отцом, потом с Ньюсей, а когда появился Сергей, я и вовсе почувствовала себя лишней. Тут же была моя личная кровать, которую не придется торопливо складывать, как только наступает утро, мой шкаф, где будут лежать только мои и больше ничьи вещи, я смогу разложить все по разным полочкам в том порядке, который мне нравится, есть комод с большим зеркалом, кресло... Я прошла по комнате и пощупала каждый предмет рукой, чтобы убедиться, что это мне не снится, я действительно нахожусь в СВОЕЙ комнате... Да! Пусть совсем не надолго, но я смогу почувствовать себя хозяйкой этого маленького почти игрушечного домика на берегу Средиземного моря.

Я внимательно с чисто женским любопытством рассмотрела каждую вещь из Катиного гардероба, которую она приготовила для своего отдыха в Онфлере. Потом аккуратно разложила и развесила их в шкафу. Своей одежды у меня не было, поэтому я без смущения начала выбирать то, во что можно переодеться. Все костюмы и платья были очень стильными и самого высокого качества, в этом сомневаться не приходилось, но я, не привыкшая носить элегантную одежду, даже в том синем с белом наряде, в котором я летела сюда, чувствовала себя не слишком уютно. Поэтому я для первого раза остановила свое внимание на белых коротких до середины бедра шортах и небольшой скромной розовой маечке с малюсенькими круглыми пуговками впереди. К ней нашлись и удобные сабо на скале, украшенные какими то бусинками вполне гармонирующими с круглыми розовыми пуговками. Немного поколебавшись, я отложила еще и изящные кружевные трусики. Наверное, под шортами такие не носят, подумалось мне, но уж больно хотелось примерить такую красоту, у меня ведь ничего похожего в гардеробе ни разу не появлялось. Бюстгалтеры Кэт были мне слегка маловаты, но я пока вполне могла обойтись без них. Прихватив одежду, я осторожно заглянула в ванную комнату и, увидев, что она пуста, вошла. Аккуратно сняв Катини кольца, я быстренько по привычке постирала свои трусики с ромашкой, повесила их на полотенцесушитель и встала под душ. В это время распахнулась дверь и, стаскивая на ходу футболку, в ванну ввалился Кирилл. Неизвестно, кто из нас больше смутился и испугался в этот момент. Я к своему удивлению и даже стыду почувствовала кроме этого и еще что то, чуть ли не удовольствие от того, что он, остановив взгляд на моем обнаженном теле, буквально потерял на мгновение дар речи. Первым его порывом было шагнуть ко мне, вторым, немедленно убратсья из ванной обратно в свою гостевую спальню... Но ни того, ни другого он сделать так и не смог, просто стоял и, тяжело дыша, обалдело хлопал глазами. Потом он, с трудом оторвав взгляд, отвел его в сторону и наткнулся на ромашку с ползущей по ней жизнерадостной бабкой коробкой. Покрывшись бурыми пятнами, он стремглав бросился наружу и захлопнул за собой дверь.

Через двадцать минут я в шортах и майке с гладкозачесанными и собранными на затылке в простой хвостик волосами разливала в гостиной чай. Кирилл насуплено молчал и, грызя какую то галету, старался на меня не смотреть.

— Что будем делать вечером? — Стараясь как-то разрядить обстановку, спросила я. — Может,

телевизор вместе посмотрим?

— Ты же не знаешь ни французского, ни английского, ни немецкого толком, — отозвался Кир. — А на русском здесь в Онфлере передачи не принимаются. Так что если только мультики какие попадутся... Давай лучше, если ты не устала, погуляем. Я покажу тебе вечерний курортный городок в самом сердце Франции. Обещаю, ты не пожалеешь. А если устала можно просто пройтись по берегу моря...

— Конечно, давай посмотрим море. Я никогда не видела его так близко! — С искренней радостью согласилась я. Еще бы мне не радоваться. Сказка то продолжалась.

— Тогда накинь на себя что-нибудь, — посоветовал он. Вечером на берегу бывает прохладно.

* * *

Мы с Кириллом, одетым все в тот же джинсовый костюм, медленно брели по безлюдному каменистому берегу моря. Было и правда немного зябко. Я спрятала пальцы в просторные рукава мягкой светлой кофты с капюшоном, которая так же весьма кстати оказалась в чемодане запасливой Кэт. Кирилл задумчиво смотрел на почти неподвижную гладь воды и время от времени, поддев кроссовкой, подкидывал в верх небольшие отполированные морской водой камешки. Вокруг было тихо и пустынно, даже легкий ветерок не нарушал окружающего нас покоя.

— Как хорошо! — Мечтательно протянула я, оборачиваясь к Кириллу. — Так хочется искупаться, прямо сейчас. Жаль, купальник не взяли...

— Простудишься. — Буркнул он и покраснел, видимо, мои неосторожные слова о купальнике всколыхнули в нем воспоминания о недавней дурацкой сцене в ванной. — Давай как все таки пойдем посмотрим, чем там люди занимаются, в городе. — Он решительно взял меня за руку и потянул за собой. По довольно крутой каменистой тропинке мы поднялись наверх на вымощенную серой брусчаткой дорогу и по каштановой аллее пошли вперед. Довольно скоро свернув в какой-то очаровательный средневековый переулочек, мы как будто совершили мгновенно путешествие из одной сказки в другую, еще более прекрасную.

На круглой, освещенной старинными, но достаточно яркими коваными фонарями, жизнь кипела вовсю. Было много народа, в основном европейцев, но я все же заметила за одним из столиков в открытом кафе со вполне понятным любому названием «Ля мур» троих парней и девушку с черным цветом кожи, еще была парочка то ли японцев, то ли китайцев и даже один, которого я сразу окрестила про себя «индейцем». Машин здесь не было, поэтому люди передвигались, перемещаясь от одного открытого кафе к другому, целовались и даже танцевали прямо под фонарями на серой брусчатке площади. Кир оживился и, насвистывая несущийся откуда-то сбоку мотивчик веселой песенки в исполнении Джо Дасена, потащил меня в дальний самый тихий и уединенный конец площади. Там, огороженное импровизированным забором из цветов в глиняных горшках, находилось заведение с длинным французским названием, которое я для себя определила как «Кардинале». Перед ним стояло несколько круглых дубовых столиков с такими же дубовыми стульями с высокими прямыми спинками, над каждым из которых свисал уютный желтоватый абажур в виде большого цветка. Подойдя к официанту, Кир к моему глубокому изумлению вполне свободно и бегло заговорил с ним на французском. Молодой парнишка в фартуке кивнул и указал нам на один из свободных столиков. Когда мы к нему подошли, в абажуре загорелась маленькая желтая лампочка. Вокруг стола сразу же образовался ровный круг мягкого теплого света, который делал темноту вокруг более плотной, и как бы отрезал наш маленький освещенный островок от остальной

кишащей вокруг шумной действительности.

— Здесь мы с тобой сможем попробовать классическую французскую кухню — свежие дары моря, знаменитые нормандийские устрицы и другие деликатесы . Только здесь, в Онфлере можно заказать свежайшую буквально только что выловленную из моря рыбу. — Накрыв мою руку своей широченной ладонью, сообщил он. — Я велел гарсону приготовить все так, чтобы юная гостыя навсегда осталась в восторге от знаменитого французского гостеприимства.

— Я не знала, что ты говоришь по французски. — Сказала я. Кирилл, и правда, удивлял меня все больше и больше. Попав за границу, он как будто постепенно превращался в другого человека. Стал как то мягче, серьезнее и что самое удивительное, интеллигентнее. Еще в самолете он поразил меня, когда начал рассказывать о красотах Онфлера. Его речь звучала так гладко и непринужденно, как будто он читал лекцию... При первой встрече он показался мне слегка неотесанным малообразованным парнем, да и Катя тоже, помнится, подтрунивала над его постоянными «классно» и «прикольно»... Интересно , это мы оказались такими не внимательными и не чуткими, или все таки Кир, там в клубе специально играл какую то одному ему понятную роль? Сомнительно... зачем ему это могло понадобиться? Хотя в принципе, что я знаю о нем и его жизни до встречи со мной? «Ничего. Абсолютно.» — Честно призналась себе я.

— Я жил в Париже несколько лет. — Не слишком охотно ответил он. — Давно , когда мне было лет двадцать с небольшим. Работал охранником в Национальной Парижской библиотеке. Это было очень удобно, я учился в университете, правда, не совсем на законных основаниях, имел пропуск вольного слушателя, но я усердно посещал занятия и собирался подать прошение , чтобы мне позволили экстерном сдать экзамены по некоторым предметам, тогда я мог рассчитывать на стипендию и законное место в студенческом общежитии. Поэтому я старался как можно больше знаний получить, а где как не в библиотеке можно было это делать. К тому же Националка место довольно тихое, я штудировал книги, иногда прямо не сходя с рабочего места... Тогда для меня это значило ужасно много., я был нищ, как церковная мышь. Пятьдесят евро, которые сейчас я с легкостью смогу заплатить за наш ужин, даже не заметив, как «похудел» при этом мой бумажник, тогда кормили бы меня целую неделю, а то и две...Правда , с этим ничего не получилось... Я из-за своего вздорного характера попал в одну не слишком красивую историю и меня в сорок восемь часов выслали из страны . У французов с этим просто. Что то не так, и гуляй откуда приехал! Неприятностей и со своими местными хватает. Даже родная тетка ничего не смогла сделать. Ну а после возвращения в родные пенаты, я познакомился с Каменковыми и... в общем, я стал тем, кем я стал.

В это время у стола из темноты бесшумно материализовался официант, он поставил на стол большую круглую тарелку с красиво разложенными разными сортами сыра, украшенную зеленью и два пузатых фужера на низких устойчивых ножках. Ловко разложив перед нами тарелки, салфетки и столовые приборы, он повернулся к Кириллу и о чем то снова оживленно заговорил с ним на своем языке. Насколько я поняла, они подробно и детально обсуждали заказанные блюда и способы их приготовления. Официант протянул Киру меню , но тот отмахнулся и стал опять что то толковать внимательно записывавшему его слова гарсону . Когда тот ушел, мой спутник взял в руку фужер и, посмотрев на темную искрящуюся на свету жидкость , сказал:

— Я заказал нам с тобой для начала «Арманьяк», одно из самых дорогих, но все равно популярных среди знатоков вин. Только пей осторожно, этот напиток хоть и называется вином, градусов в нем почти столько же, как в коньяке. А к рыбе и устрицам подадут специально приготовленное местное вино, делают его почти кустарным способом, такого ты не сможешь попробовать больше нив одной точке мира. — Он поднес свой фужер к моему и легонько

коснувшись, сказал — Ну что, Эгле, выпьем за судьбу, непредсказуемую и коварную старушку, которая свела нас с тобой, таких разных и вместе с тем похожих, здесь на маленькой площади старинного французского городка ... Что это было, щедрый бесценный подарок или наказание нам обоим за прошлые грехи мы сможем узнать только потом, когда пройдет время... Давай пока не станем думать ни о прошлом, ни о будущем... выпьем за то, что у нас есть сейчас. Идет?

* * *

Домой мы возвращались уже за полночь, обняв за плечи, Кир бережно прижимал меня к себе. Иногда, остановившись под фонарем, он поворачивал меня к себе и, внимательно смотря в глаза тем самым пробирающим до самого сердца взглядом, медленно начинал покрывать поцелуями лицо. Мне было удивительно хорошо и мучительно страшно одновременно. Все тело трепетало и тянулось поближе к нему, а разум отталкивал, напоминая о том, что скоро мы останемся совсем одни: я совершенно не опытная юная женщина, почти девочка, и он искушенный в вопросах любви мужчина... После каждой остановки мне все страшнее казался этот момент и все больше хотелось, чтобы он наступил поскорее.

Оказавшись в прохладной темноте гостиной, я нерешительно остановилась, не понимая, как вести себя дальше, и что я должна делать в подобной ситуации. Я прекрасно понимала, что сейчас должно было произойти между нами, я много раз видела все это в кино и даже, свернувшись калачиком на своем не удобном кресле в маленькой кухне Ани, прокручивала в своей голове эти сцены, мечтала, как прекрасно будет, когда и ко мне придет настоящая взрослая любовь... И вот она пришла. Стоит рядом в виде молодого, сильного и очень желанного мужчины, а я совершенно не представляю, как мне вести себя с ним дальше.

— Иди сюда! — шепнул он, подойдя в темноте сзади и притянув к себе. — Боюсь, я не смогу совладать сегодня ночью со своими эмоциями... Чертовски трудно держать себя в руках и оставаться благоразумным рядом с таким прелестным существом, как ты Эгле... Если бы ты была хоть немного старше или чуточку опытнее... Я не хочу поломать тебе жизнь, маленькая. Я не знаю, что нам делать... — Он прижался щекой к моим волосам и замер.

Не высвобождаясь из его объятий, я повернулась к нему лицом. На своих высоченных каблуках я все равно была ниже, и мне пришлось поднять взгляд чтобы заглянуть в его глаза, влажно поблескивающие в темноте гостиной.

— Скажи, я тебе нравлюсь? — Спросила я. Он молча кивнул, медленно поглаживая меня по спине. — Тогда почему ты не настаиваешь на том, чтобы быть сегодня со мной? Почему ты ведешь себя, не как мужчина, а как робкая боязливая женщина?

— Ты хочешь, чтобы я был с тобой более решительным? Ты действительно хочешь этого? А ты хоть понимаешь в своей наивности, что произойдет, стоит мне лишь немного отпустить свои желания на волю? — Неожиданно он поднял вверх мою короткую розовую кофточку и начал ласкать не прикрытую больше ничем грудь. Он делал это все более дерзко и яростно, у меня закружилась голова и неожиданно заныло внизу живота. — Ты еще не передумала быть смелой бесстрашной девочкой? — Хрипло поинтересовался он, опускаясь передо мной на колени. — Нет?

— У нас в Литве принято, чтобы женщина безропотно повиновалась всем желаниям мужчины... — Тихо отозвалась я и положила ладони ему на затылок. — А папа всегда говорил, что я у меня характер настоящей стопроцентной литовки.

— Тогда придется немного потерпеть... — Извиняющимся тоном произнес он и поднявшись, легко подхватил меня на руки и понес в спальню. Бережно опустив меня на кровать, он включил ночник и уселся со мной рядом. При свете, увидев его напряженную фигуру и горящие бешеной страстью глаза, я опять отчего то струсила. Сев на кровати, я подтянула колени к самому носу и уставилась на Кирилла круглыми то ли от страха, то ли от возбуждения глазами.

— И не надейся теперь, что тебе удастся пойти на попятный. — Хрипло усмехнулся он и начал снимать куртку. — Видит бог, я долго держался, но ты сама провоцировала меня.

— Я не хочу на попятный... Я просто немного боюсь... — Прошептала я, встала на ноги, скинула сабо, расстегнула шорты и легко переступила через них, как только они мягко упали на пол у моих босых ног. Мягкая теплая кофта полетела туда же. Оставшись в ажурных кружевных трусиках и короткой кофточке, я распустила волосы и подошла к сидящему на краю кровати Кириллу. — Ты помоги мне справиться с этим глупым дурацким страхом... Я хочу, чтобы мы с тобой были вместе, хочу быть твоей... прямо сейчас ...

— Не спеши, Эгле.. Не спеши, не надо. Конечно, ты будешь моей. И сейчас, и потом... Теперь ты уже никуда от меня не денешься, даже если захочешь. Я не отпущу тебя... — Он говорил эти слова медленно и ласково, нежно гладил пальцами мою разгоряченную и слегка повлажневшую от волнения кожу, словно убаюкивая, усыпляя страх, мешающий мне полностью отдаться во власть новых прекрасных чувств под названием любовь и страсть... — Ты ничего не знаешь ни о любви, ни уж тем более о сексе, Эгле. Ты должна слепо довериться мне, не бояться, а верить, позволить делать с тобой все, что только я захочу, каким бы нелепым и стыдным тебе это не показалось...

Мы снова опустились на прохладное покрывало кровати. Я закрыла глаза и полностью отдалась во власть его властных, умелых рук, нежных губ и сильного ужасно красивого тела...

* * *

Проснулась я поздно, после двенадцати. Вся моя кровать была усыпана нежными голубыми фиалками, а снизу из гостиной доносился одуряющий запах кофе. Быстренько накинув на себя короткий халатик, я, весело перепрыгивая через ступеньку, спустилась вниз. Тело было легким, воздушным и почти невесомым. Настроение чудесным. В гостиной я застала Кира. В одних широких и легких пляжных шортах он сидел за столом перед наполненной кофе пиалой и читал газету.

— Ну как ты? — С легкой тревогой в голосе поинтересовался он. — Как себя чувствуешь? Я хотел уже идти тебя будить...

— Спасибо за фиалки. — Я подошла к Киру сзади и, поцеловав в щеку, прижалась к его спине. — Вот уж не думала, что они еще цветут.

— Вряд ли, — пожал плечами Кир, отложил газету и усадил меня к себе на колени. — Здесь во Франции от времени года почти ничего не зависит. Я просто пошел в магазин и выбрал цветы, больше всего напомнившие мне тебя. Такие же хрупкие и нежные. — Он погладил мою обнажившуюся в распахнутом халате коленку и снова спросил. — Как ты себя чувствуешь? Я волновался, не слишком ли мы поторопились?

— Ты ведешь себя как старичок. — Весело сообщила Кириллу я. — Брюзжишь и переживаешь из-за каких то пустяков. Может, тебе самому что то не понравилось? — Хитро посмотрела на него я и прищурилась.

— Глупенькая. — Он ласково потрепал меня по макушке. Потом вздохнул и сказал:

— Знаешь, Эгле.... Если вчера у тебя был первый, так сказать пробный шаг, то что будет дальше страшно подумать.

— Ты боишься? — шутливо скорчила рожицу я и поцеловала Кира в нос. — Что же ты такого страшного во мне усмотрел, миленький?

— Я где-то читал, что литовские женщины холодные и рассудительные особы... Твой отец ошибся, Эгле, у тебя вовсе не национальный характер и темперамент. Ни одна из наших профессионалок стриптизерш не сравнится с тобой по сексуальности. Если даже ничего не умея, ты умудрилась довести меня до такого почти бессознательного состояния, то я уже сомневаюсь, стоит ли учить тебя хоть чему-то новому...

— И что, со многими из своих сотрудниц ты переспал? — Мгновенно помрачнев, поинтересовалась я. — И как они ? Ты тоже с ними кричал? Интересно что?

— Не говори пошлостей, Эгле. — Поморщился Кирилл. — Тебе это не идет.

— А вчера тебе нравилось. — Невинно заметила я. — Ты как раз кричал и просил еще пошлостей. И не только словесных. Напомнить, что именно ты хотел?

— Ради бога не сейчас , крошка. — Торопливо ссаживая меня со своих коленей, сказал Кирилл. — Я уже чувствую, что скоро не смогу спокойно позавтракать...

— Ну и пусть. Куда нам торопиться? Можно хоть до вечера в постели валяться и не только...

— Ты не забыла, милая, что мы с тобой вообще то не медовый месяц сюда проводить приехали, а делом заниматься. — Он кивнул на кучку красочных открыток с видами Онфлера и Средиземного моря, подписанных рукой Катерины. — Выбирай те, что помечены сегодняшним числом и суй в сумочку. Только сначала кофе попей с бутербродами, пока не остыл. Пиалы в стеклянном шкафчике над мойкой.

— А что чашек у нас разве нет? — Поняв, что развлечения и правда придется отложить, слегка разочарованно спросила я.

— Привыкай все делать, как настоящие французы. Они предпочитают пить кофе именно из пиал.

— Странно — пожала плечами я и послушно достала пиалу. — Из чашек по-моему удобнее.

— Сейчас мы поедem в город. Утром мне звонила мадам Орэли Лефилье старая, во всех смыслах, и добрая приятельница Кэт. Спрашивала, когда мы с тобой... ну естественно имела ввиду она Кэт, сможем нанести ей визит вежливости? Вспомнив, что одним из главных пунктов в нашей программе является встреча с Орэли Лефилье и поддержание с ней максимально возможного контакта на всем протяжении «отдыха», я назначил ей встречу у церкви Святой Екатерины. Это одна из достопримечательностей Онфлера. Построена она из дерева, в стиле ранней готики. Это мрачное, строгое и величественное сооружение лично на меня всегда навевающее какое то философское настроение... С ней связано множество преданий и мифов. Но о них тебе более красочно расскажет мадам Орэли. Она всего через час ждет нас на набережной напротив церкви.

* * *

— Но я не понимаю, Кир... — растерялась я. — Если эта мадам Лефилье знакома с Катериной то как же я смогу сказать ей, что она это я?

— Просто. — Пожал плечами Кирилл. — Она плохо видит, вернее мутно. Короче говоря, она вполне нормальная женщина, разумная, добрая и отзывчивая, тебе она наверняка понравится, и вы станете с ней подружками...

— А почему она не носит очки? — Никак не могла понять я. — И потом у нее же есть уши, она может по голосу догадаться, что я не Катя. Обычно слабое зрение у людей компенсируется обостренным слухом.

— Тут немного другая ситуация, вкратце все выглядит так, у мадам Орэли странное и очень редкое заболевание нервной системы, уж не помню как это состояние называется, но состоит оно в том, что в организме происходит какая то мгновенная разбалансировка. Отлаженные и полученные при рождении реакции и рефлексy перестают работать так как им положено. Что бы ты поняла, я расскажу тебе историю, которая случилась с Орэли Лефилье, прославленной балериной лет тридцать назад или около того. Она была очень известна здесь, во Франции да и по всему миру тоже, тогда балет был популярен, звезд знали в лицо, поджидали на улице, просили автографы... Орэли жила в шикарной квартире, в центре Парижа работала, любила, короче наслаждалась жизнью. Она была чертовски привлекательной женщиной, она покажет тебе фотографии тех лет, сама убедишься. В нее многие влюблялись, поклонники ночи напролет простаивали под окнами. Но она обратила внимание на одного красивого и мужественного парня по имени, кажется, Дэни... или что то типа того. Он был начинающим дрессировщиком, его мало кто знал, так вот он в качестве рекламы попросил свою любимую помочь. Он хотел при помощи ее известности и популярности и сам немного подняться вверх. Он планировал выпустить рекламные афиши своего номера, на которых бы великая Орэли Лефилье в своей балетной пачке прodelывала па в окружении льва и четырех тигров с черными бабочками на шее. Вроде как даже звери понимают в искусстве, или мадам Лефилье способна тигра превратить в джентльмена. В общем привлекалось внимание и к животным, и к самой Орэли. Не смотря на это, импрессарио упорно отговаривал балерину от этого опасного шага, она же так хотела помочь любимому, что упорно стояла на своем. Судя по всему, он был фиговым дрессировщиком, так как не учел элементарных вещей, которые известны каждому, даже начинающему артисту. К тигру нельзя поворачиваться спиной. Вероятно, сам то он это знал, раз его до тех пор не съели, но Орэли он предупредить забыл. Или посчитал, что звери, которым для безопасности вкололи успокоительное, не рискнут на столь отчаянный шаг, и не бросятся на человека. Она, улыбающаяся, в своей беленькой пачке и балетных туфельках впорхнула в клетку и начала добросовестно тренироваться, в какую сторону будет удобнее крутиться. Вот в это время, раздраженный мельтешением тигр выждал, когда балерина окажется к нему спиной, и прыгнул, естественно к нему сразу же присоединились остальные. Дэни мужественно бросился на помощь любимой, и этим, вероятно, спас ей жизнь. Пока окружающие опомнились и схватились за шланги с холодной водой, звери буквально на куски растерзали несчастного дрессировщика и начали драться, вырывая друг у друга добычу. Все это происходило в довольно маленькой клетке. Орэли лежала на полу, прикрыв руками лицо, озверевшие туши огромных животных в драке скакали по ней. Как она умудрилась ни разу не закричать и не пошевелиться, одному богу известно, ведь к своему ужасу сознания она не потеряла и видела все, что произошло с ее женихом. Ее смогли спасти. В больницу она попала в шоковом состоянии, со множественными переломами конечностей, ребер и даже позвоночника, тигр, бросившийся на нее сзади, содрал ей всю кожу с затылка до лопаток. Естественно ни о каком балете речи уже не стояло, никто не надеялся, что она сможет ходить... Мужественная маленькая женщина смогла, вопреки всем прогнозам, встать, нормально ходить и говорить. Ей заказали прекрасный парик, все вроде начинало

налаживаться, Орэли даже предложили начать карьеру певицы, имя то было раскручено, а голос у нее был прекрасный. И тут новая страшная беда — нервная система, получившая во время произошедшей трагедии ужасающий удар, не выдержала и дала сбой. Все разладилось в один миг. Орэли опять не смогла нормально ходить, говорить, видеть и даже слышать. Ее не сломил и этот удар, целых десять лет, она вместе с врачами настойчиво и целеустремленно боролась с недугом. Она снова смогла ходить, и говорить вполне сносно, не петь, конечно, но все же. Слух и зрение восстановить не получилось, но она за столько лет приспособилась жить и так. С изображением, будто случайно смазанным неаккуратным художником с еще не подсохшего холста, и звуком приглушенным и металлизированным, будто имеет какое-то не наше, земное происхождение. Со стороны почти не заметно, что она так разительно отличается от всех, но многие почему-то все равно считали ее ненормальной или что-то вроде того, так же как когда-то фанаты преследовали на улице, только теперь не выпрашивали автографы, а показывали пальцами и смеялись... В общем лет десять назад она купила домик здесь в Онфлере и, любя в уединении Средиземным морем, начала от скуки изучать историю, тогда же с ней и Катя познакомилась. Кэт тоже мало кого знала в то время в Онфлере и язык она так и не смогла нормально выучить, а мадам Лефилье проходила обучение балетному искусству не где-нибудь, а в нашей матушке-России, и поэтому прилично знала язык. Она и сейчас любит поболтать по-русски.

— И такую женщину, я должна буду нагло обманывать? — Вздохнула я.

— Смотри на это с другой стороны. Ей ведь наверное все равно с кем из вас общаться, лишь бы не скучать в одиночестве. Вот и доставь старушке удовольствие, что тебе стоит? И вообще иди скорее одевайся, а то мадам придется мерзнуть, стоя на продуваемой морским ветром набережной.

Когда я одетая в легкое шелковое платье с тщательно завитыми и рассыпанными по плечам волосами появилась на лестнице, тоже успевший переодеться в легкие белые брюки и такую же футболку Кирилл, посмотрел на меня и со вздохом сказал — Чувствую я, что не долго мне удастся удержать тот великолепный, хотя еще и не обработанный бриллиант, который каким-то чудом свалился прямо мне в руки. У тебя впереди широкая и светлая дорога Эгле, и ты сейчас стоишь в самом ее начале, практически на полоске с надписью «Старт», стоит тебе пуститься в путь, ты таких оборотов наберешь, что тебя будет просто не остановить.

Я недоуменно посмотрела на него, рассмеялась и подхватила под руку.

— И не надейся, милый. Так просто ты от меня не избавишься. — Я потащила его к уже поджидавшему у ворот Ситроену.

* * *

Мы провели уже целую удивительную и прекрасную неделю в Нормандии. Тем утром я дремала, загорая у бассейна во дворе Катиной виллы. После обеда у нас была запланирована морская прогулка и Кир уже заказал катер, его должны были пригнать к берегу и пришвартовать к пирсу почти напротив нашего дома часа через два. Я прикрыв лицо легкой парусиновой шляпкой, вдруг заметила скачущие по поверхности воды. Я давно заметила, что они появляются, когда кто-то из нас распахивает стеклянные створки дверей. Я оказалась права.

— Эгле... — Я приподняла широкие поля шляпы и увидела Кирилла, торопливо огибающего бассейн.

— Кир! Иди быстрее сюда! — Радостно закричала я и махнула рукой. — Посиди со мной, сегодня такое солнышко ласковое... Все равно до прибытия катера еще долго...

— Не до солнышка мне, Эль, ... боюсь, и тебе тоже сейчас расхочется воздушные ванны принимать... — Встревоженный голос Кирилла меня не на шутку встревожил и как то мгновенно всколыхнул в душе все опасения и сомнения почти полностью исчезнувшие, растворившиеся в той сказочной, наполненной любовью и светом неделе на лазурном Нормандском берегу. Я резко отбросила шляпку и, сев на лежак, внимательно посмотрела на бронзового от загара Кирилла.

* * *

— Что-то случилось? — Его волнение передалось и мне. — К нам пожаловала полиция? Меня разоблачили, да?

— Полиция действительно может сюда пожаловать в любое время, но ты особо то не волнуйся, пока она придет совсем не по твою душу... — Кир опустил рядом со мной на лежак и нежно обнял за плечи.

— Ты что успел уже и здесь вляпаться в какую то сомнительную историю? — Удивленно приподняла брови я. — Когда же ты умудрился это сделать? Вроде бы мы почти постоянно вместе, и как же я ничего не заметила?

— Если бы все было так просто... — Вздохнул Кирилл. — Я бы смог выпутаться из любой ситуации, касаясь она только меня одного... Короче не буду тебя больше запутывать, на вот сама читай, эту телеграмму только что принес посыльный с почты. — Он снова тяжело вздохнул и протянул мне небольшой узкий листок бумаги почему то голубоватого цвета. «Олег мертв, срочно приезжайте назад. „Вдова“ должна оказаться на месте не позднее, чем завтра. Телеграфируйте номер рейса, замену произведем прямо в аэропорту. Кэт.»

— В каком смысле мертв? — Оторопела я и еще раз пробежала глазами строчки телеграммы.

— В том смысле, что умер. — Хмуро посмотрел на меня Кирилл. — Представляешь, в каком состоянии сейчас Катерина? Она ведь все это время была в городе, и сейчас рядом, а объявиться никак не может перед родственниками.

— Почему? Ведь весь этот спектакль придуман был для Олега и только для него, а раз он теперь мертв, то совсем не обязательно продолжать этот глупый обман...

— Олег то умер, — как от зубной боли поморщился Кирилл. — А ты не подумала случайно, как теперь, после смерти мужа будет выглядеть в глазах друзей и родственников Олега, если вся эта афера с подменой ее на тебя вскроется? Вспомни все те восторженные открытки и телеграммы, которые мы посылали кому ни попадя чуть не по десятку в день...

— Вообще то да... я как то и правда не подумала об этом... Но тогда... Тогда нужно быстрее бежать собираться в дорогу, ты уже узнал, когда ближайший рейс? Мы успеваем на него? — Я вскочила с лежака и подхватила в руки полотенце. — Ну! Чего ты расселся, как старик... ссутулился... тебе собирать что ли совсем нечего? Ты не забыл, у нас с тобой ведь нет никакой прислуги, абсолютно, так что господину придется делать все самому. И чемоданы паковать и в доме прибираться. Не можем же мы после себя оставить на вилле разгром...

— Подожди... — Кирилл поймал меня за руку и усадил обратно на лежак рядом с собой. — А что с тобой то будет, когда мы вернемся на родину? В аэропорту Катя подхватит свои

чемоданчики и фьюить... ее уже нет. Она понесется заниматься похоронами, поминками, за наследство с родственничками собачиться. Я тоже буду вынужден ей помогать... А ты? Что в России будешь делать ты?

— Но ведь ты же сказал, что никогда меня не оставишь. — Улыбнулась я. — Значит, я вполне могу быть спокойной за свое будущее...

— Не говори глупостей, а... Ты извини меня Эгле, но ты иногда ведешь себя не как взрослая разумная женщина, а как самый настоящий глупый ребенок... Не обижайся, но это правда. — Он крепко сжал в своей огромной ладони мою руку. — Уж не знаю, каким героем я выгляжу в твоих глазах, но пойми, против милиции и российских законов я бессилен. Кинднеппинг очень серьезное преступление, ты не спрячешься от наказания, даже здесь, в этом тихом французском городке, если вдруг станет известно, кто ты и за что тебя разыскивает милиция... А уж в России... Я смогу, конечно, спрятать тебя в подвале своего дома, гулять выводить по ночам... Но разве это будет жизнь, Эгле?

— С тобой я везде счастлива буду, даже в подвале. — Я потерлась щекой о бронзовое плечо любимого.

— Я серьезно с тобой говорю, давай и ты тоже как то соберись...

— Ну а ты, что предлагаешь делать? — Я вздохнула и посмотрела на Кирилла. — Не думай, что я такая уж наивная и глупенькая, я прекрасно понимаю и представляю, что ждет меня дома... Конечно, я надеялась, что у меня будет побольше времени для того, чтобы все это расследование дела о похищении Арины как то улеглось, поиски основной «Преступницы» стали не такими активными... Но раз так получилось, то мне не остается ничего, кроме как возвращаться в Россию. Ведь, оставаясь здесь, я сильно компрометирую твою хозяйку, к тому же она не может объявиться и начать хоронить мужа, не имея на руках своих собственных документов...

— Все это так... — Нерешительно начал Кирилл и посмотрел на меня. — Есть очень простой способ избежать неприятностей лично для тебя.

— Какой? — С интересом спросила я.

— Очень простой. Я беру Катины документы, лечу в Россию, передаю их ей и возвращаюсь назад. Хотя нет... мне, наверное, придется задержаться там на какое то время, помочь с похоронами, поминками... Ну и все такое... А ты пока поживешь здесь.

— Без документов? — Задумчиво спросила я.

— Если ты не будешь ходить в город, то они тебе вряд ли смогут понадобиться. — Что-то в тоне Кирилла и его внешнем виде мне упорно не нравилось... Он, говоря со мной, почему то старательно отводит, даже прячет глаза....

— Скажи, Кир. — Я осторожно вынула из его повлажневшей ладони руку и спросила. — А отчего так внезапно умер Катин муж? Ты еще не узнавал?

— Узнал. — Все так же не поднимая глаз. — Его убили.

— Кто? — Ахнула я.

— Ну откуда же мне знать? — Раздраженно отозвался Кирилл и достал из кармана шорт пачку

сигарет. — Я что там был что ли?... — потом немного взяв себя в руки, он продолжил. — Его убили прямо у него дома, чуть ли не в кровати. Выстрелили в висок с близкого расстояния, преступник скрылся... Пока никаких улик или следов не нашли... Но следствие, как ты понимаешь только начинается. Будут трясти всех знакомых, друзей, родственников...

— И тогда выяснится, что Катерина Аркадьевна Каменкова ни из какой — Франции не прилетала, а прилетел только один ее охранник Кирилл. А потом она каким то загадочным образом материализовалась ни откуда прямо в здании аэропорта. — Продолжила я, поняв наконец, что его так смущает. — Милиция начнет копать, что и как было, вытащит на свет божий всю эту историю с любовником, что Кэт совсем не была все это время во Франции, а находилась совсем рядом и естественно станет самой первой и подходящей на роль коварной убийцы...

— Все это так, конечно. — Медленно признался Кирилл, — у Кати появятся грандиозные трудности, если ты останешься здесь, во Франции. Но у тебя ведь их будет не меньше, а то и больше. Ты не сможешь уже улететь обратно, в самолет тебя никто не пустит, документы то ты отдашь хозяйке...

— Я знаю. — Я нежно провела ладонью по осунувшемуся от волнения лицу парня. — Но и ты пойми, если все вдруг вскроется, будет известно и о том, что здесь на вилле во Франции все это время отдыхала не Катя Каменкова, а преступница и похитительница детей Эгле Вэнскайтэ. Особа без определенного места жительства и даже гражданства. А ты сам только что сказал, спрятаться от правосудия здесь, мне не удастся. Французские власти еще больше русских ненавидят похитителей маленьких девочек... Так то... Так что лететь в Россию и как можно быстрее замять это дело с подменой Катерины и в моих интересах тоже. Там в России мы с тобой постараемся что то придумать... Но сейчас нам нужно очень торопиться, Кирилл. Давай-ка, поднимайся и пойдем паковать вещи. — Я чмокнула его в макушку и, подхватив полотенце и шляпку, зашагала к стеклянным дверям.

— Да что же ты за дура то такая, прости господи! — С отчаянием закричал мне вслед Кирилл. — Сколько можно наступать на одни и те же грабли? Почему эта нелепая история с похищением ничему тебя не научила? — В его голосе было столько страдания и боли, что я испугалась. — Неужели ты не понимаешь, глупая, что как только ты ступишь на родную землю, тебя не станет... Будет Катя, а ты исчезнешь! — Я остановилась и изумленно обернулась к любимому. — Она же попросту убьет тебя! — Простонал он и закрыл лицо руками.

Часть 3. Не прости.

— Что!? Что ты сейчас сказал? — Изумилась я. — Кто меня убьет, Катя?!

— Конечно, кто же еще... — Не поднимая лица, глухо отозвался Кирилл.

— Но за что? Скажи на милость Кирилл, за что Кате меня убивать? — Я нерешительно улыбнулась, все еще стараясь уверить себя, что страшные слова Кира, просто неудачная шутка и только.

— Сядь. — Кирилл посмотрел на меня тяжелым и каким то безжизненным взглядом. — Сядь. Я все тебе объясню. Только ради бога не нервничай и выслушай спокойно до конца. Ладно?

— Легко сказать. — Я нервно вцепившись пальцами в края шляпки опустила на самый краешек лежака. — Но я постараюсь.

— Катю я знаю очень давно... — Медленно начал Кирилл. — Лет десять, а может и больше... Нас связывает в жизни очень многое, я не стану сейчас рассказывать всего, но поверь, это нечто большее, чем дружба или даже любовь... Так вот, ничего удивительного, что, когда у Кати начались серьезные проблемы с мужем, она обратилась именно ко мне нет. Олег последнее время вел себя, как самая настоящая свинья, постоянно издевался над Кэт, ревновать вздумал ни с того ни сего, хотя сам гулял по страшному, грозил разводом... Каменковы ведь очень богаты, ты ни разу не интересовалась этим, но наверное все же заметила, что денег и у Кати, и у Олега полно. Катя ловко управляет с четырьмя увеселительными заведениями в нашем городе, так же у Олега есть завод по производству пластмассовых изделий, мясокомбинат, есть даже отличный ресторан в предместье Парижа. Очень дорогое и стильное местечко. А главное, огромные счета в Парижском Национальном банке. Появились он в результате какой-то аферы и были что называется не совсем законными, поэтому оформил их Олег на предьявителя. Катя само собой давным-давно все реквизиты узнала, но попользоваться пока не решилась ни разу. Да и надобности в этом не было, пока муж не начал ее в деньгах урезать по черному. Трудно сказать, кто и что ему наговорил, когда у него открылись глаза на не слишком то примерную жизнь его красавицы-супруги, но он вдруг как с цепи сорвался. Катя какое-то время терпела, надеясь, что все как-то успокоится и рассосется само собой, а он вместо этого начал говорить о разводе. А ведь лично Катерине принадлежит всего лишь тот клуб, где мы с тобой познакомились и еще ресторанчик на улице Горького. Не бог весть что, конечно, но и на эти деньги жить можно, причем вполне прилично жить... Пойти на крайности Кэт решилась, когда Олег вдруг всерьез заговорил о том, что собирается подать на пересмотр отцовства. Если бы вдруг выяснилось, что Ларочка вовсе не дочь Каменкова, то она бы лишилась всего, что сейчас принадлежит ей по праву. Катя сильно любит девочку, и стерпеть такого она не смогла. Она вообще горло может любому за нее перегрызть. Ну дальше ты поняла...

— Значит, Лариса все-таки дочь не Олега Владимировича? — Тихо спросила я, понимая, что Кирилл расскажет мне дальше.

— Думаю, нет. — Пожал плечами он. — Иначе чего бы ей так беситься? Она лихорадочно начала искать выход, ну и обратилась ко мне. Я на свою беду и подсказал ей этот в принципе беспроектный вариант... Ты действительно создавала железное алиби Катерине. Только не для мужа, и не с любовником... Я все отлично придумал, правда? Ее никто не сможет заподозрить в убийстве мужа, она ведь во Франции и «прилетит назад» только тогда, когда все будет сделано. Люди могут сколько угодно шутиться за ее спиной, но против документальных свидетельств ее перелетов туда и обратно, и «ее» постоянного проживания на вилле в Нормандии, как не крути, не поспоришь. Факт есть факт. У нас есть фото, есть свидетельства барменов, продавцов, заправщиков... Нас даже местный полицейский посещал и проверял документы, помнишь? А вчера, когда все и произошло, «Катя», естественно в твоём лице, но кто об этом узнает, вообще спокойно пила чай с нашей престарелой балериной... Так что все в порядке...

— Значит, все, что было здесь, в Нормандии... — медленно с трудом переваривая услышанное, — все это было всего лишь фарсом? Спектаклем, режиссером которого был ты, именно ты, которому я так слепо доверяла... И все эти отношения, и прогулки... они были только для того, чтобы создать Кате как можно более твердое алиби...

— Да в том-то все и дело, Эгле! Как ты не понимаешь? — Кирилл опустил на пол и обнял мои колени. — Все было просто и легко до тех пор, пока я не влюбился в тебя, моя маленькая букашка. Как только я увидел тебя там на сцене, я ведь уже тогда, сразу понял, что пропал... А здесь во Франции под этим ярким небом, на берегу прекрасного моря, я просто-напросто растворился в тебе, дорогая... Ты пойми, Эгле, теперь меня нет... Нет Кирилла Эдуардовича

Каширина... Он стал рядом с тобой совсем другим, теперь мы одно целое, и я уже никогда не смогу существовать без тебя... — Он поднял лицо, и я смогла заглянуть ему в глаза, они показались мне искренними.

— Значит уже тогда, когда ты так настойчиво предлагал мне заменить на время Катю, и потом в самолете и здесь на вилле... Ты что же все это время знал, что в конце нужно будет избавиться от свидетеля?... То есть убить меня... — Я с трудом выдавила из себя последние слова, острый шершавый комок в горле мешал мне говорить. — Как ты мог жить с этим, Кирилл? Смеяться, загорать, заниматься любовью со своей будущей жертвой, наконец?

— Да не было речи ни о каком устранении. — С отчаянием выкрикнул Кир и, вскочив на ноги, нервно забегал вдоль кромки бассейна. — Все было задумано именно так, как я тебе рассказал. Разве ты слышала из моих уст что то об устранении свидетелей? Я сам обомлел, когда Катерина утром по телефону заявила, что ты будешь не опасна только мертвой. Я пол часа уговаривал ее забыть об этой нелепой мысли, тогда она сказала, что сделает все сама, без моей помощи... Само собой я на нее наорал, пригрозил... Но, боюсь, на нее мои слова не подействовали. Она уже почувствовала запах крови и поняла, что убивать то в принципе легко, главное, не попасться, а для этого нужно убирать свидетелей...

— Но тогда она ведь и тебя может потом уничтожить... — Тихо сказала я, все еще сжимая побелевшими пальцами шляпку.

— Вряд ли... хотя кто знает как все повернется ... Но в любом случае тебе ехать туда нельзя ни в коем случае.

— Я останусь только в том случае, если ты тоже никуда не полетишь. — твердо сказала я и посмотрела в такие еще несколько минут родные и понятные глаза. — Или вместе, или никто.

— Хорошо. — Неожиданно легко согласился со мной Кирилл. — Я останусь. — Только что мы будем делать, если сюда за тобой придет полиция? Ведь Кате придется как то выкручиваться без документов... и вообще...

— Пошли ей бумаги почтой. — Холодно посоветовала я, поднимаясь, — и скажи, пусть выкручивается сама, как хочет. Она может рассказать милиции все. Хоть правду, хоть любые небылицы, которые придут на ум, пусть только ни в коем случае не называет моего имени. Пусть выдумает, или скажет, что не знает, кто я... Уверена, тогда никому даже в голову не придет сопоставить эти два дела и хотя бы на секунду предположить что я, это я.

— А если она не захочет?

— Скажи, что если милиция найдет меня, то у нее не останется ни малейшего шанса выйти сухой из воды. Я расскажу все, что знаю, тогда ни она, ни ее дочь ничего не получат из наследства оставленного Олегом Владимировичем. Думаю, она поймет что ей намного выгоднее, чтобы я навсегда осталась здесь, во Франции и держала рот на замке... — Я поднялась и, не оглядываясь, снова зашагала к дверям.

— Логично. — Слегка удивленно пробормотал вслед Кирилл.

Быстро взбежав по широким ступеням в гостиную, я бросила на диван шляпку и накинула на плечи легкий шелковый халатик. Плеснув в высокий стеклянный стакан немного холодного апельсинового сока, я, шугнув с сиденья только что позавтракавшего ленивого и вальяжного Тимона, уселась в плетеное кресло с высокой полукруглой спинкой и, стиснув запотевшее стекло обеими руками, задумалась. На душе было пусто и печально. Неожиданный удар,

полученный в тот момент, когда я меньше всего ожидала, больно отдавался в гулко и часто стучащем сердце. Мне было больно и обидно от того, что меня опять обманули и использовали в своей игре люди, которым не было абсолютно никакого дела не только до моей судьбы, но даже и до самой жизни... Я почему то так и не смогла до конца поверить Кириллу, не смотря на искренний блеск его глаз и такие красивые проникновенные слова... Я ведь прекрасно помнила, как он еще вчера с такими же удивительно честными глазами говорил мне совершенно другие вещи, которые находили живой отклик в моем сердце... Наверное, в чем то он был искренен со мной тогда и сейчас... но не во всем. Нет! Далеко не во всем!

Допив сок, я поднялась и подошла к стеклянным дверям, выходящим к бассейну. Кирилл по прежнему сидел на лежаке в пол оборота ко мне. Сейчас у него в руке был сотовый телефон, который он вероятно вынул из бездонных карманов своих пляжных шорт. Он даже не заметил моего появления на пороге, так разгорячено и даже, я бы сказала, ожесточенно доказывал что то невидимому телефонному собеседнику. Слова до меня не долетали, ветерок, с утра дувший со стороны моря, сносил звуки вдоль голубоватой поверхности бассейна в противоположную от меня сторону. Но лицо Кира я смогла рассмотреть хорошо. Оно было одновременно и злым и каким то до предела несчастным. Внезапно мне стало невыразимо жаль этого доброго в принципе парня, возможно, как и я, просто-напросто ставшего жертвой каких то известных только ему самому обстоятельств. Если подумать, то я вполне вероятно зря так взъелась на него из-за того, в чем он сам же мне только что признался... Наверное, в моем отношении к его словам и ко всему, что вообще произошло сегодня виноват не только он, а все те события, которые так изменили, буквально исковеркали мою жизнь, не оставив и камня на камне в моей душе до того пожалуй излишне сильно переполненной детским наивом, доверием к людям и прочими дурацкими пустяками.

Я вернулась в кресло и стала рассуждать логически. В первую очередь, прежде, чем рушить те прекрасные и очень светлые отношения, которые возникли у меня первый раз в жизни и до этого принесшие мне столько счастья, что порой я даже боялась задохнуться от переполняющих мое сердце эмоций, нужно хотя бы разобраться, а в чем, собственно виноват передо мной человек, перевернувший всю мою жизнь с ног на голову, и буквально за какую то неделю превративший из глупой наивной девчонки в счастливую, любящую, а главное горячо любимую женщину. Во первых, он меня обманул. Да он меня обманул, и с этим ничего не поделаешь. С другой стороны, если разобраться более детально, он обещал мне приятную поездку и отдых на берегу Средиземного моря, совершенно бесплатно и все эти обещания исполнил в точности. Он обещал спасти меня от преследования милиции и долгого тюремного срока — и вот я здесь, под теплым небом Нормандии, а вовсе не на жестких тюремных нарах. Он обещал помогать, оберегать и поддерживать во всем и всегда... Это он тоже делал, и делает до сих пор. Ведь правда вылезла наружу именно потому, что он всеми силами стремится защитить меня... Он пошел на явный конфликт с человеком, который значит для него, как он сам признался, очень и очень много уже целый десяток лет подряд, а то и больше. Он рискует при этом потерять все, что у него было до встречи со мной — работу, друзей, он даже готов оставить свой дом и променять его на сомнительное положение здесь во Франции, рядом с женщиной не имеющей абсолютно никаких перспектив в будущем... И все это опять же только для того, чтобы защитить меня... Ведь ему в отличии от меня ничего по возвращении домой не грозит, даже если Катерина не сможет оправдаться перед милицией и ее обвинят в убийстве мужа, он и тогда ничем особенным не рискует. Какое отношение он имеет ко всему этому делу? Да никакого! Сопроводил девушку в поездке к морю. Время провел не плохо. Только и всего. А все остальное — недоказуемо. Вряд ли Катя станет специально топить своего верного помощника и друга. Так что же тогда? В чем собственно обманул меня Кирилл? Да так ужасно, что я чуть было не сказала ему в лицо, что он гнусный лжец и отныне между нами все кончено раз и навсегда? Знала ли я, что отправляясь в эту поездку по чужим документам, я совершаю

уголовное преступление? Безусловно, знала. Здесь меня никто и не думал обманывать. Знала, что Кэт я понадобилась для того, чтобы обмануть всех вокруг? Конечно. Не правильно Кирилл назвал лишь причину, по которой Кате потребовалась замена... А много ли изменилось бы оттого, что я узнала это тогда, а не сейчас? Да ничего. Наверное, я все равно бы полетела с Киром во Францию, ведь в России мне тогда совершенно не было места. Разве что в холодной промозглой камере... Только тогда вся наша поездка была бы пропитана нервами со стороны Кирилла и ужасными угрызениями совести с моей. И уж точно тогда не было бы той прекрасной и беззаботной недели под ласковым Нормандским солнышком на берегу теплого моря с веселыми барашками волн. Даже если бы я отказалась, Катиному мужу вряд ли бы это помогло. От меня в отношениях Каменковых совершенно ничего не зависело. Катя просто нашла бы другую дурочку, или придумала другой способ избавиться от Олега Владимировича, только и всего... Так что все таки меня так задело в рассказе Кирилла? Он не был со мной откровенен даже в самые близкие моменты, когда я буквально открывала ему всю свою душу, не оставляя скрытым ни одного даже самого потаенного уголка, шептал мне на ухо признания в любви и верности, а сам прекрасно знал, какой камень держит за пазухой...и это оскорбило меня до самой глубины души. Я была все это время полностью его... вся с мыслями и словами. Он же говорил одно, но думал при этом совсем другое.

Я снова подошла к стеклу и посмотрела на Кирилла. Он все еще говорил по телефону, но теперь лицо у него было совсем другое. Сосредоточенное и деловое. Он больше слушал, изредка вставляя слово, чем говорил. Потом, задвинув крышку аппарата, задумчиво посмотрел на нее, вздохнул и поднялся на ноги. Увидев сквозь стекло меня, он пошел к гостинной.

— Ну что? Все еще дуешься? — Хмуро поинтересовался он. — Если да, то лучше оставь свои упреки на потом, у меня сейчас была пара совсем не простых разговоров и, боюсь, как бы мне не сорваться и не наговорить тебе лишних слов, о которых я потом пожалею...

— Мне не в чем тебя упрекать. — Я подошла к Киру и уткнулась носом в его загорелую грудь. — Я была душой и не понимала, что все, что ты делал, ты делал, и для меня тоже...

— Ну, слава богу. — Устало вздохнул Кирилл. — Пререканий и скандалов еще и с тобой, Эгле, я бы просто не вынес... — Он обнял меня одной рукой, а другую запустил в длинные разметавшиеся по плечам волосы. — Знаешь что... Раз ты все так прекрасно понимаешь, то я пожалуй прямо сейчас признаю тебе еще в одном моем прегрешении... даже подлости, если хочешь...

— Ты не можешь сделать подлость. — Серьезно сказала я и еще сильнее прижалась к его груди.

— По отношению к тебе, нет. Ты всегда помни об этом, чтобы не случилось, и каким бы боком впоследствии не повернулась к тебе судьба. Знай, что я тебя люблю и готов ради тебя на любые даже самые безумные и подлые поступки в мире. Поняла? — Я кивнула, не поднимая головы, и Кирилл продолжил. — Сейчас я долго говорил с Катериной... В общем она объявила мне, что раз я так по ее мнению не честно с ней поступил, то она попросту отказывается от меня... Наплевав на нашу дружбу и все, чем она мне обязана, а это, поверь, не мало, она выгнала меня из клуба, и отказалась оплачивать мои и твои расходы в этой поездке, не говоря о гонораре, который мне причитался по окончании всего этого дела...

— Я так и думала. — Вздохнула я. — Ничего, как-нибудь выкрутимся... У тебя совсем-совсем не осталось денег? — Бедность меня не особенно пугала, ведь я и раньше никогда не знала, что такое иметь много денег. Немного смущало то, что теперь мы находимся на территории чужой,

не знакомой страны... здесь свои порядки, другой отличный от нас уклад и образ жизни. Вот бы хорошо, чтобы у Кира осталось немного денег, хотя бы на первое время, пока я или он не найдем какую-нибудь работу. Лично я вполне могла бы подрабатывать няней. Надо поговорить с управляющим, он вроде не плохой человек, мог бы посоветовать что то... Или мадам Лефилье, она ведь почти десять лет живет в Онфлере. И знает практически все семейные пары в округе. Мадам добрая женщина и обязательно поможет мне...

— Деньги у меня есть, не такой уж я и бедный человек, — отмахнулся погруженный в свои мысли Кирилл.

— А что же тогда? — Удивилась я.

— Понимаешь, ведь дело не всегда упирается в деньги. Есть еще справедливость, обида, гордость в конце концов... Она разговаривала со мной так, как будто я не человек, а самая настоящая прислуга... даже хуже, будто я таракан, которого ничего не стоит раздавить или помиловать и, к примеру, просто сшибить со стола небрежным щелчком... — В голосе Кирилла появились такие злобные нотки, что я невольно поежилась и, освободившись из его объятий с ногами залезла в глубокое плетеное кресло. — Да и деньги, что уж кривить душой, были бы для нас совсем не лишними. У меня полно всякого рода связей, за евро я даже здесь во Франции смогу тебе выправить вполне приличные документы, по которым ты сможешь очень спокойно жить и даже к себе на родину в Литву съездить, посмотреть на родные места. Правда это обойдется совсем не дешево...

— Кир! Я все это прекрасно понимаю... Ты не мог бы сразу объяснить, что ты имеешь в виду, говоря о подлости? Мне как-то не спокойно, и я не могу сосредоточиться на твоих словах, пока не узнаю, в чем дело...

— В общем, когда Катя... вернее, если быть честным, мы вместе с ней продумывали детали всей этой... операции, если можно так сказать, то я посоветовал Кэт заранее приготовить себе пути к возможному отступлению. Ведь если даже все обойдется нормально, и причастность Катерины к смерти мужа не смогут доказать, ей все равно лучше спустя немного времени уехать из страны, пока успокоятся родственники, страсти с наследством улягутся. Да и вообще, наверняка не слишком уютно будет жить под пристальным взглядом окружающих, особенно если ты знаешь за собой такую вину... Пересуды начнутся, как рано вдова из траура вышла, с кем встречается, на что денежки тратит...

— Я понимаю и это, Кир! — Взмолилась я. — Переходи уже ближе к делу, ради бога, не тяни...

— Я не тяну, — с досадой отозвался Кирилл, — я пытаюсь тебе объяснить, что никаких корыстных целей не преследовал, когда посоветовал Катерине перевести все свои деньги сюда, во Францию, а так же продать принадлежащие ей ресторан и клуб. Катя посчитала мои доводы разумными буквально в течении последнего месяца, особенно не афишируя своих действий перевела все свое имущество в денежные знаки, мотивируя это как раз этой самой поездкой в Онфлер... Она собиралась вроде как покинуть страну на долго, если не на всегда. К тому же разговоры о разводе в общем то Олег не скрывал... Так что мы посчитали, что ничего особенного в этих действиях ни следователи, ни друзья не увидят. В общем, и ресторан, и клуб уже со следующей недели переходят в руки других людей, а деньги за них уже месяц как находятся на счетах в одном из банков. Если точнее в Caisse des Depot. Он находится в Париже, но его отделение, очень кстати есть у нас здесь, в Онфлере... — Кирилл замолчал и выжидательно уставился на меня.

— Так ты хочешь, чтобы я сняла со счета эти деньги, воспользовавшись документами

Катерины? — Догадавшись, куда он клонит, тихо спросила я.

— Хочу. — Он прямо посмотрел мне в глаза. — Пока у тебя есть ее документы, ты можешь сделать это с легкостью. Не нужно даже расписываться, просто знать реквизиты и номер счета. А их я как раз знаю.

— Она доверила тебе даже это, а ты хочешь ее обокрасть? — Я не хотела говорить этих слов, они как то сами собой вырвались. Лицо Кирилла исказила почти злобная гримаса. Он даже покраснел от досады.

— Да не фига она мне не доверяла! Она даже не сказала мне, что все продала. Я предложил ей это, а она мило покивала головкой, мол подумаю, и вроде как забыла об этом разговоре. Я узнал о продаже имущества и переводе денег сюда совершенно случайно, от посторонних людей... А уж номера я потом узнал сам... Она ведь очень рассеяна и все в книжечку записывает, чтобы не забыть, так что узнать цифры было плевым занятием... По сути она обманула меня...

— Она не обязана была, насколько я понимаю, отчитываться перед тобой о своих денежных операциях... — Недоуменно сказала я.

— Ты не понимаешь... — Словно от боли поморщился Кирилл. — Эти деньги, они ведь не просто денежная операция... Катя сказала мне, еще тогда, давно, когда мы только теоретически планировали все это... — Я слегка поежилась. Под этими незамысловатыми словами «все это...» он имел ввиду не что то легкое и безобидное, он говорил о том, как они с Катей давно и хладнокровно планировали убийство ее мужа, Олега Владимировича Каменкова, и вот он мертв, а я сижу в кресле и совершенно спокойно слушаю о том, как и что замыслили его убийцы... Я не произнесла вслух ни слова, но именно в этот момент я уже точно знала, как бы не сложилась ситуация дальше, я не смогу больше жить с Кириллом. Любить, доверять или даже просто смотреть на него, как на обычного нормального человека. Я не знала, как и когда сообщу ему об этом своем решении, но для себя я все твердо поняла еще тогда, в тот первый день после первого убийства. А Кир между тем продолжал как ни в чем не бывало — тогда Кэт сказала мне, что если вдруг случится так, что ее все таки осудят и посадят в тюрьму, я должен буду позаботиться о ее ребенке. О дочке Ларисе. Конечно, мне бы ее никто не отдал, хоть она по сути оставалась без отца и матери в этом случае. У Олега ведь чертова туча родственников, и каждый посчитает за счастье приютить у себя малышку с такими денежками, которые остались бы от Олега. Но не факт, что девочке было бы уютно и счастливо у родственников Каменкова, ведь он наверняка поделился с близкими подозрениями о том, что она вовсе не их рода племени. Так вот, когда мы говорили о продаже ее имущества, она сказала: «если все пройдет хорошо, я ресторан продам деньги все переведу за границу, все равно заниматься этим уже не будет ни сил, ни желания, а клуб оставлю тебе... ты ведь самый давний и надежный наш с Ларой друг, а уж если нет, если все провалится и меня посадят за убийство Олега, то эти деньги еще больше нам пригодятся. Ты снимешь их с моего счета, (я оформлю так, чтобы ты смог) и положишь Ларисе на счет, чтобы у нее, когда станет взрослой барышней, были свои, никак не зависимые от прихотей этих гадких Каменковых деньги, а то они грамотные, могут еще удумать какую пакость, пока я сижу за решеткой и не могу защитить мою девочку, и оставят ребенка ни с чем, а до моих денежек им не добраться. А клуб я все равно тебе оставлю, но ты пообещай, не оставлять мою Ларочку один на один с этими монстрами, деньги, которые будет приносить клуб тратить не только на себя, а и ей покупай подарки, сладости, балуй ее... Понимаешь? Сделай все, чтобы я была спокойна и уверена в том, что ее никто не обижает. Обещаешь?» Я со слезами на глазах обещал ей это. Я как сантиментальный дурак даже хотел брак фиктивный с ней оформить, если вдруг она попадет в тюрьму, чтобы прав на общение с девочкой побольше иметь... А она меня обманула. Продала и

клуб, и ресторан, и деньги все перевела на свои счета, даже не сказав мне об этом... Понимаешь, она просто завела себе какого то молоденького слюнтяя, доверила и себя и дочку практически первому встречному и позабыла обо всех обещаниях, а я, как дурак, шею из-за нее под петлю подставлял... Я считаю забрать сейчас эти деньги, пока есть возможность, будет не только справедливо, но и правильно. Ведь если все обойдется нормально, эта сумма в сравнении с наследством Олега покажется просто смешной, а если нет, то я смогу восстановить справедливость. Деньги, причитающиеся Ларисе, я, честное слово, положу в тот же банк, на ее счет под солидные проценты, пусть к ее совершеннолетию сумма увеличивается. А деньги, вырученные за клуб, по праву принадлежат мне, я в конце концов их заработал, отдав Катерине добрых десять лет своей жизни...

— Когда ты хочешь, чтобы я пошла в банк? — Спокойно, ни о чем больше не спрашивая и не споря, поинтересовалась я. — Прямо сейчас?

Кирилл с удивлением и даже каким то опасением посмотрел на меня. Видимо, он ждал более долгого и упорного сопротивления с моей стороны. Он не мог понять того, что чувствовала сейчас я. А я, если честно, не чувствовала почти ничего. Судьба Катерины, ее дочери и даже самого Кирилла, мне стали как то совершенно безразличны. Они сами затеяли эту игру, и я в общем то не видела смысла что то в ней менять. Это ведь их игра, а не моя. Они состязаются друг с другом в уме и ловкости. Ход его. Потом ход ее. Потом опять его... Какой смысл лезть туда со своими не понятными им правилами? Они сами сделали меня пешкой. Что же, я буду, не задумываясь, выполнять все, что от меня требуют. Надо идти в банк? Да ради бога! Деньги снять? Да за милую душу! А что с ними потом будет делать один из игроков, мне, честное слово, было наплевать. И Кате тоже совершенно не в чем меня упрекнуть. Мне приказано выполнять распоряжения, я это и делаю. Кстати говоря, этот разговор раскрыл для меня и еще одну довольно сильно мучившую меня тайну. Я прекрасно помнила, как долго Катя сомневалась и нервничала, когда собиралась сделать последний шаг и запустить механизм убийства в действие, и как настойчиво Кирилл буквально силком толкал ее этот шаг сделать. Еще тогда, когда я думала, что она собирается просто провести пару прелестных месяцев наедине с любовником, эта настойчивость Кира удивила и насторожила меня, выглядело все так, будто он намного больше заинтересован в этом, чем сами влюбленные... А теперь, наконец, все встало на свои места. Господину Каширину просто-напросто глубоко осточертело ходить в подчиненных пусть даже и у давней доброй приятельницы, и как только появилась малейшая возможность перебраться в разряд пусть маленьких, но хозяев, он тут же уцепился за нее обеими руками... да что там, руками он буквально вцепился в нее зубами. Разве имело при этом какое то значение, что ценой его будущего благополучия является всего-навсего одна человеческая жизнь... Вернее две, включая мою...

Собралась я довольно быстро, уже через час мы с Кириллом входили в серое массивное здание с узкими готическими окнами и надписью «Caisse des Depot» на фасаде. Я была спокойна и невозмутима, совершенно не переживала о том, не заметит ли клерк за стеклянной банковской стойкой значительных расхождений между мной и оригиналом, запечатленным на фотографии в документе удостоверяющем личность. Наверное, поэтому все прошло быстро и без осложнений. Служащий банка сказал нам, что такую большую сумму, как эта, можно снять только если заранее ее заказать, тогда из хранилища Парижского банка придет грузовик и привезет столько пачек евро, сколько потребуется. Мы с Киром оформили все необходимые бумаги и поехали обратно на виллу. На волнах у пирса покачивалась небольшая белая яхточка.

— Черт! Совсем забыл о нашей морской прогулке. — Расстроено заметил Кирил. — Я так хотел сделать тебе приятное, а эта чертова Катерина сломала нам все планы... — Эти его слова снова больно резанули мне слух. Он говорил о смерти человека, знакомого ему столько лет настолько цинично и зло, что просто в голове не укладывалось. На моих глазах, как тогда в самолете,

Кир снова неумолимо превращался в другого не похожего на себя вчерашнего, человека. Только в тот раз меня это радовало, а теперь пугает.

— Откажись от яхты пока не поздно. — Пожала плечами я. — Наверное, сейчас нам не до прогулок.

— Нет, мы не будем ничего менять. — Упрямо отозвался Кирилл. — У нас с тобой ничего не произошло такого, чтобы мы не могли прогуляться на яхте по морю. Если мы твердо решили не ехать обратно в Россию, то и дома сидеть нам тоже нечего. Тем более я и Кэт уже все сказал. Иди, одевай купальник, а я соберу корзинку для пикника. Мы отправляемся через пятнадцать минут. — Я снова безразлично пожала плечами и послушно пошла выполнять его распоряжение. Кир нахмурился и встревожено посмотрел мне вслед.

* * *

Кирилл заглушил мотор, и яхта медленно дрейфовала по воде почти параллельно берегу, который едва виднелся вдали. Кир с корзинкой для пикников вышел на палубу, где, наслаждаясь легким ветерком и солнышком, загорала я. Он аккуратно разложил на полотенце сыр, ветчину, хлеб и холодную курицу, все, что он нашел в холодильнике, следом достал бутылку нашего коньяка. Плеснув в два фужера, он протянул один мне. Я, лениво потягивая напиток, поднялась и уселась перед импровизированным столом, скрестив по-турецки ноги.

— Ты здорово загорела, — опускаясь рядом со мной. — И купальник этот тебе очень идет... Ты в нем, как русалка.

Отставив в сторону фужер, он одной рукой провел по моей вмиг ответившей на прикосновение груди. Я действительно оказалась чертовски сексуальна. После той самой первой нашей с Киром ночи, передо мной неожиданно открылся какой-то новый, прекрасный, раньше совершенно неведомый мир. Мир, в который погружаются мужчина и женщина, оставаясь наедине друг с другом, мир в котором тело, как будто вдруг совершенно внезапно начинает жить, никак не согласуя свои действия с разумом и здравым смыслом. Там в этом прекрасном и загадочном мире все видится совсем не таким, как в реальности. Краски там ярче, звуки красивее, чувства сильнее и безоглядней... и все они подчиняются одной только всепоглощающей страсти, непреодолимому влечению разгоряченных от возбуждения и желания человеческих тел...

— Намучаешься ты еще с этим... — не раз говорил мне Кир, полностью обессиленным почти на рассвете откидываясь на подушку. — Твое ненасытное тело когда-нибудь может тебя здорово подвести... Я знаю, как это бывает, когда все понимаешь, все знаешь, но у тебя не хватает сил развернуться и идти своей дорогой... Той, что подсказывает разум...

Сейчас я впервые почувствовала справедливость его слов. Я больше не любила Кира. Он потерял мое уважение и сразу превратился в моих глазах из загадочного романтика, которым я восхищалась, в обычного мелочного и суетливо старающегося урвать то, что плохо лежит, мужика. Он мгновенно постарел и подурнел для меня, но тело, видать, слегка не успевало за разумом. Оно привычно и охотно откликнулось на эту нехитрую ласку. Почувствовав это, Кирилл притянул меня к себе и торопливо начал стягивать с меня плавки. Я как то отстранено наблюдала за его возбужденной суетой... Вот он раздел меня и бережно опустил на застеленный сиреневым пледом пол палубы, потом скинул одежду с себя. Вот опустился на плед рядом... Я почти безучастно смотрела в высокое ярко голубое небо, хотя мои руки и ноги, да и все тело послушно выполняли уже ставшие привычными движения. Повинуясь сильным рукам Кирилла, я выгибалась, двигалась навстречу его желанию, опускалась, закидывала ноги,

обхватывала ими влажную шею любовника даже стонала от удовольствия ... Странно, мне было хорошо, я чувствовала это, я хотела и требовала от Кира еще больше наслаждения, поворачивалась так и этак, помогала ему, чтобы он смог доставить его мне, но я совсем не думала о нем... Мне было все равно кто там копошится вокруг меня, кто проделывает разные трюки. Я больше не любила его, он превратился для меня просто в машину для наслаждения. Я испугалась, потому что эта мысль возникла в моей голове как то сама собой, как самая нормальная и обыденная.... Потом вдруг совершенно внезапно я вспомнила Ньюсю, нашу маленькую уютную квартирку и девочку с косичками, сидящую с ногами на разошедшемся кресле-кровати. Она слушает, как Аня рассказывает какую то историю, произошедшую с их незадачливой клиенткой в парикмахерской и смеется. Где то я уже видела эту картинку. Ну конечно, ведь это же я ... Я всего лишь десять дней назад.. Я? Да полно! Этого не может быть, там в той квартирке была не я, и здесь на вилле тоже получается теперь была не я, а какая то другая глупая и восторженная девчонка, наполовину женщина, наполовину подросток... А где же тогда я? Где настоящая Эгле Вэнскайтэ, литовка по рождению и бродячая актриса по призванию? В голове вдруг внезапно зазвучали слова Кирилла: «У тебя впереди широкая и светлая дорога Эгле, и ты сейчас стоишь в самом ее начале, практически на полоске с надписью „Старт“, стоит тебе пуститься в путь ты таких оборотов наберешь, что тебя будет просто не остановить» — А что если и на этот раз он оказался прав?

* * *

Получив почти перед закрытием деньги в банке, мы с Киrom и большим черным дипломатом, набитым пачками евро, вернулись домой. Он всю дорогу был крайне возбужден, его глаза блестели каким то нездоровым лихорадочным блеском.

— Теперь мы не пропадем, Эгле. — Похлопывая по боку пухлого черного дипломата, радовался он. — Здесь, в этом чемоданчике все: и твои документы, и мой клуб, и наш будущий шикарный дом...

А хватит ли на все это? — Безразлично поинтересовалась я. — Ты вроде, собирался часть денег положить на счет девочки...

— Так это если она останется безо всего, — слегка смутился он. — Пока у Кэт вроде все идет по плану... Не сомневайся, Эгле, я ни за что не оставлю Ларису без поддержки. — Он, снова став на мгновение прежним настоящим мужчиной, твердо посмотрел на меня. — Уж что-то, а это точно. Я и тебе не позволю об этом забыть. Раз мы теперь навсегда вместе, ты тоже должна отвечать за мои обязательства, как и я за твои...

— Значит, мы теперь навсегда вместе? — Я с легкой насмешкой приподняла вверх брови. — Ты что, таким образом делаешь мне предложение руки и сердца? Именно здесь и именно сейчас?

— В общем я, конечно, собирался сделать это немного в другой обстановке... — Замялся он. — Но в принципе, раз все так получилось, то — да! Я хочу, чтобы ты стала моей законной женой. — Он радостно улыбнулся, и положил мне на колено руку.

— И давно?

— Что? — на секунду отвлекшись от дороги, мельком глянул на меня Кир.

— Давно захотел? — Мне было почему то совсем не радостно.

— Давно. — Честно признался он. — С самой первой встречи... — Он опять улыбнулся, видимо вспомнив тот вечер в клубе. — Но раньше мне нечего было тебе предложить, кроме своей

любви и заботы. А теперь есть. — Он снова похлопал дипломат по черному кожаному боку.

— Что? Деньги принадлежащие, Кэт и ее дочери?

— У нее есть еще и намного больше.

— Ну и что? Для тебя-то, что меняется в этом случае? Если, к примеру, вор стащит у тебя рубашку, оправдав этот поступок тем, что у тебя есть еще одна или даже сто, ты будешь жать руку этому человеку?

— Так ты выйдешь за меня замуж? — Хмуро повторил свой вопрос Кирилл, проигнорировав взбесившие его слова.

— Наверное, нет. — Честно призналась я. — Вчера, когда предложить было нечего, с радостью бы согласилась, а сейчас не хочу...

— Чего ты ломаешься, Эгле? — Окончательно разозлившись, процедил он. — Тебе что так часто делают предложение руки и сердца, что ты решила немного построить из себя разборчивую невесту? Подумай, кто ты без меня? Стоит мне сегодня выставить тебя на улицу, как завтра ты прямиком окажешься в каталажке.

— Что ты сказал? — Прошипела я. — Выставить? Меня?! Я тебе что, вещь, которую какой то вшивый охранник с чемоданом ворованных денег может вот так вот просто ВЫСТАВИТЬ за ворота? — Я, выскочив из машины и с бешенством захлопнув дверку, не оборачиваясь, понеслась к крыльцу. Забравшись с ногами на кровать в своей комнате и привалившись спиной к стене, я начала лихорадочно соображать, что мне теперь делать.

— Эгле, открой... Я хочу извиниться... — Послышался из-за двери голос Кирилла. — Я хочу рассказать тебе правду, как все на самом деле обстоит дело с этими деньгами и вообще... Прости меня, Эгле... Я сказал глупость, но ты же сама довела меня до бешенства. Когда ты узнаешь всю правду, то поймешь, что я никак не мог поступить иначе...

Я ничего не ответила, дверь не открыла и даже не вышла из комнаты до самой ночи.

* * *

Проснулась я где то в самой середине ночи, видимо, от голода. Спала я вообще плохо, мне снилась Ариша, которая плакала и просилась к маме, и Сергей, который грубо шипел на «Замолчи, маленькая ведьма, ты разбудишь весь дом!» Потом Арина снова плакала, Сергей ругался... и так пол ночи подряд. Проснулась я какая то издерганная и встревоженная, будто и не спала вовсе, а тут еще и желудок заболел. Я вспомнила, что ничего не положила в рот со времени легкого завтрака в закусочной «Пти дежене» недалеко от нашего дома, коньяк там на яхте не считается, значит, желудок пуст уже почти целые сутки. Не удивительно, что он с возмущением напоминает мне о себе. Я спустила ноги с кровати и, не зажигая свет, чтобы не привлекать внимания и не дай бог не разбудить спящего Кирилла, на цыпочках пошла к кухне. Спустившись в гостиную, я замерла, приоткрыв рот и чуть не закричав от страха. За стеклом дверей, ведущих к бассейну, колыхались два каких то неясных силуэта. Я подкралась ближе, чтобы услышать кто это, и что эти люди хотят найти в нашем с Кириллом доме. Внезапно сквозь приоткрывшуюся от сквозняка дверь довольно отчетливо донесся голос Кэт. Значит, она, узнав, что мы с Кириллом отказываемся привозить ей документы, решила приехать сама? Но как ей это удалось без паспорта и визы? Я замерла, прислушиваясь к ее словам.

"... слава богу, теперь этот кретин, наконец, мертв... твой человек сработал быстро и

качественно. Самоубийство инсценировано так, — комар носа не подточит. По крайней мере, врачу и эксперту ничего подозрительным не показалось. Ему всю башку разнесло, как гнилой арбуз! Я не удержалась и глянула одним глазком, но ты не волнуйся, меня никто не видел, для всех я по прежнему во Франции. — Голос Кэт звучал нервно и очень возбужденно. — Теперь я и Лариса наконец то не зависим ни от кого и ни от чего.

— Откуда ты про эксперта и врача узнала? — Я вздрогнула, узнав голос Кирилла.

— Так твой же человек и сказал... Он в толпу зевак втерся и стоял ... Вот нервы то. Да? Как канаты. Я бы так точно не смогла.

— Что с тобой Кэт? Ты опять кололась? Неужели не могла продержаться хотя бы эти дни? Что девочка подумает, увидев маму в таком виде? Где она? Надеюсь, ты позаботилась, чтобы она не видела того, что случилось в доме с ее отцом?

— Три ха-ха! — Нашел папашу. — Нервно засмеялась Катерина. — Тебе прекрасно известно, что он ей такой же отец, как я Святая Мать Тереза...

— Лариса считает отцом Олега. Неужели ты оставила ее в доме? У ребенка же будет шок... Вспомни мадам Орэли и подумай, к чему может привести удар по нервам. Особенно у ребенка... — Взбешенно прошипел Кир. — Ты дура что ли совсем?

— Ой-ой-ой! — добродушно пропела Катя, похоже, и сегодня у нее было отличное настроение. — Загундел! Да отправил Олег Лариску погостить к своей мамаше гребаной... Какого черта он это сделал, ума не приложу. Смешно, но теперь мы это никогда не узнаем. — Она совершенно не естественно и не уместно рассмеялась.

— Возьми себя в руки, Кэт. — Прикрикнул на нее Кирилл. — Нам нужно не хохотать или пускать идиотские слюни, а придумать, как вести себя с милицией.

— А что тут думать? Вези сюда эту дурочку с моими документами. Я буду встречать вас именно там, где вы меня оставили, в той же машине. Траурный наряд я уже приготовила, буду самоотверженно изображать скорбящую не по детски вдову. Потом все устаканится, и мы все вчетвером ты, я, Лара и мой любимый Петя-Петушок, уедем из этого треклятого города навсегда. Я пока «Скорблю» вещички потихоньку распродам, клуб, ресторан, насчет Олеговских предприятий договарюсь, чтобы как только наследство оформят, сбегать с рук и его.

— А ты случайно свои то еще не начала продавать заведения? — Подозрительно поинтересовался Кирилл.

— Не-а! — Легкомысленно хохотнула Кэт, — куда торопиться? Все идет нормально и по плану. — И быстренько сменила тему. — Как там букашка? Огонь-девка? Да не тушуйся ты, я ведь заметила, ты на нее еще тогда в клубе глаз свой ненасытный положил, когда эта букашка на сцене бездарные фортеля ногами выписывала. Сколько раз уже успел окучить малышку-букашку? В какой позе у нее это лучше всего получается? Небось, попискивает букашка от восторга, какого мужика в койку затащила.

— Хватит Катерина. Ты, я смотрю, уже совсем на этой почве подвинутая стала.

— Ну и стала, тебе жалко что ли или завидно? Боишься, что тебе ничего не достанется? Не бойся, я умею быть благодарной...

— А Петя-Петушок что на это скажет? — С усмешкой поинтересовался Кирилл. — Возражать не станет против такой формы благодарности?

— Нет! Пете нельзя говорить... Петя ничего не знает про все наши с тобой дела. Он еще даже о смерти Олега не знает. Не могла же я ему сказать раньше, чем в газетах объявят. Откуда я узнать то могла? Я На всякий случай вчера ему сказала, что улетела во Францию, мол пора и честь знать, покуролесили и ладно, пора букашку на боевом посту менять... Ой! Прямо как в воду глядела! Так ты хочешь, чтобы я букашку заменила на твоём боевом ПОСТУ? — Она снова неестественно расхохоталась.

— Если ты в таком виде попадешься на глаза милиции, тебе конец. — Серьезно и печально сказал Кир.

— А меня для ментов сегодня не существует, я завтра прилетаю. Для всех, и для Пети-Петушка, и для родственников загребущих. Поэтому я сегодня имею полное право расслабиться. Так что насчет этой твоей девки? — Неожиданно серьезно вернулась к разговору обо мне Кэт. — Ты сам ее придумал, или опять человека просить придется?

— Сам. — Хмуро отрезал Кирилл.

— Правильно. Как говорил классик «сам ее поймал, сам и убью» Круто, хвалю! А не жалко букашку?

— С теми деньгами что ты мне обещала я смогу отыметь целый муравейник. — Грубо отозвался Кирилл. — Ты где сейчас?

«Как это где?» — Изумилась я. Они же рядом стоят, разговаривают.

— В твоей дурацкой халупе, где же еще? — Прозвучал немедленный ответ. — Сажу на твоей дурацкой тахте и смотрю твой дурацкий телевизор...

Какой телевизор, что она такое говорит? От услышанного только что у меня заломило в висках и стали ватными ноги. Меня даже не огорчили неожиданные признания Кира. Все было так ужасно и так невероятно, что просто пока еще не могло уложиться у меня в голове. Как, интересно, Кир собирается завтра заставить меня лететь в Россию? Ведь я же твердо решила остаться здесь? Какую новую сказку он придумает для меня завтра? Или и Катерину тоже он обманывает ради какой-то своей выгоды?... Если он так суетился и прогибался ради относительно не большого капитала самой Кати, то чтобы прибрать к рукам и наследство Олега тоже, он может пойти на любой даже самый жестокий обман.

* * *

— Ну и стерва же все-таки моя женушка ... была. И шлюха!

Я вздрогнула, мгновенно узнав этот прокуренный с хрипотцой и придыханием голос покойного Катинного мужа, Каменкова Олега Владимировича. Что это? Бред? Галлюцинация? Или просто-напросто я сплю, и все это мне снится? Я опустилась прямо на пол по середине гостиной. Ноги меня не держали, а слышно так стало даже лучше.

— Теперь вы убедились? — Бесстрастным тоном, совсем не тем, каким он говорил только что, буквально пять секунд, назад отозвался Кирилл. — Вы хотели это услышать собственными ушами, и услышали... Все и про убийство, которое мой человек инсценировал по моей просьбе, и про Ларису...

— Мне нужно было услышать это лично, чтобы отпали последние сомнения. Мне было все таки как то тревожно на душе, не спокойно... И жалко немного было эту шалаву. Мы ведь прожили вместе больше десяти лет. Но теперь я спокоен. Твоя кассета с записью ваших переговоров с Кэт мне помогла. Спасибо . Вот тебе деньги, ты честно их заработал. Это за Катерину, а это вот за девок... Значит так, ты теперь не торопись, я в Париже пробуду еще два дня, максимум три, жить буду в гостинице, вместе с остальными участниками Конгресса. О нашей ссоре с женой знают все, и мало кто удивится, что ее я здесь даже не посетил. Я дам тебе знать, как только уеду в Россию, начнешь готовить несчастный случай. Пусть они сразу обе исчезнут и эта твоя литовская девка, и Лариса. (Я оставлю ее прямо сейчас, не нужно, чтобы ее видели со мной в Париже. Не хочу разговоров. Да и потом , место дочки рядом с «мамой» Все логично.) На меня никто не подумает, я же в России. Но ты все же почище постарайся все устроить. Аварию, или лодка пусть в море перевернется, Лариса плавать не умеет, а девку сам поддержишь... В общем действуй по обстановке, можешь особо не торопиться, чем больше времени пройдет после моего отлета из Руасси , тем лучше. Но и не затягивай с этим, я понимаю, девочка видно лакомый кусочек, но дело прежде всего.

— Я понял. — Поддакнул Кирилл. — Мне и самому не выгодно тянуть. Все таки тоже тянет сердце. Я же человек, а не киборг какой...

— Если все пройдет гладко, — деловито продолжил Каменков, — ты получишь еще столько же, сколько сегодня. — Но имей ввиду, за эти деньги у меня не должно возникнуть ни единой проблемы или неприятности, кроме похорон изуродованного тела «жены» и дочки. В идеале было бы их вообще не найти, но тогда с оформлением вдовства и с Катериниными заведениями будут проблемы. Так что трупы должны быть . Я приеду и сразу опознаю обеих. С лицом только все же сделай что-нибудь. Не дай бог кто следом увяжется.

— А девочку не жалко? — Тихо спросил Кирилл, когда Каменков замолчал. Вы же все таки ее почти семь лет , как родную дочку воспитывали...

— Жалко. — Жестко признался Олег Владимирович. — Я даже привязался к ней поначалу, думал что дочка, кровиночка родная... Но Катерина и здесь все испортила. Если бы она не ломалась и дала провести анализ, и я бы до ее смерти успел написать отказ от отцовства, подтвержденный матерью ребенка, то тогда Лариса осталась бы жива. Теперь же , сделать это почти не возможно, судиться не с кем... Да и как люди посмотрят на такое? Посчитают мелочным подлецом, и подонком. Ведь покойники и дети всегда правы... — Зло усмехнулся он. — Я не хочу , чтобы фамилия и деньги моей весьма уважаемой в городе семьи достались дочери ублюдка и подзаборной шлюхи. Бог не дал мне своих детей, но и чужая мне не нужна. Эту девочку нужно уничтожить. Пусть мамашу свою поблагодарит на том свете.

— Что вы с ней сделали? — Глухо поинтересовался Кирилл.

— С Катериной? — Совершенно спокойно уточнил Каменков. — Она сама все почти сделала, мне повезло. Когда я открыл дверь ключами, которые ты мне дал, то увидел, что это шлюха спит, обколовшись какой то гадостью. Рядом еще куча ампул валялась и шприц, я просто вколол ей доз десять за раз для верности... Кэт подергалась слегка и все... передоз. — Брезгливо пояснил он. — Не волнуйся, в твоей квартире никаких следов того, что там произошло не осталось. Я и шприц забрал и ампулы... Хотя никто ведь искать ее все равно не станет. Все уверены , что она с тобой тут, в Онфлере. Даже ее Петушок. — кстати этот сентиментальный дурак наверняка сюда припрется когда официально объявят о смерти этой французской «Катерины» . Ты передай там ему мои искренние соболезнования. А где я настоящую «женушку» землей присыпал, никто кроме меня не узнает. Все! Ее нет. Пусть все оплакивают ту, которая в официальной могиле лежать будет.

— Не по божески это... — Суеверно пробормотал Кирилл.

— Собаке собачья смерть. — презрительно бросил Олег и встал со ступеньки. — Она сама себе вырыла яму, сама все устроила, даже мое алиби. Так на что теперь жаловаться? Значит, я на тебя надеюсь. Мне нужно ехать, чтобы утром оказаться в Париже и сделать вид, что спал... Хотя ничего страшного, если кто заметит мое отсутствие нет. Просто улыбнутся и подумают «вот, мол, старый дурак, не выдержал, поперся к молодой женушке мириться, а она его бортанула... вот бедолага».

— Давайте хоть помянем ее на дорожку. — Глухо предложил Кир, тоже поднимаясь и протягивая Каменкову бокал.

— Мне за руль вообще то... Хотя французская полиция сейчас спит... А мне расслабиться совсем не помешает. — Он опрокинул в рот содержимое бокала, сунул его обратно в руку собеседника и зашагал в сторону бассейна, видимо, он решил покинуть дом через уединенную садовую калитку, расположенную за ним. Кирилл бросил на пол бокал и злобно топнул по нему ногой. Потом, все больше озлобляясь, он начал неистово топтать осколки, пока они не превратились в пыль. Поняв, что Кир сейчас вернется в гостиную и непременно обнаружит там меня, я на коленях, лихорадочно перебирая дрожащими руками и ногами поползла к лестнице. Кое как добравшись до своей спальни я спрятала голову под подушку и замерла.

«Что делать!? Что!!!? Бежать... это понятно. Куда? В полицию? Тогда меня посадят в тюрьму за то, прошлое дело, в которое втянул меня Нюсин муж... Да меня посадят... — мой мозг лихорадочно работал, прокручивая в голове все возможные варианты. — Ну и пусть, зато и я, и девочка останемся живы. Может, еще Аня одумается и даст показания в мою защиту.. хотя это вряд ли... Может, удастся остаться здесь, во французской тюрьме, тут чище и кормят лучше. Попрошу политического убежища... Хотя это тоже вряд ли... Так стоп! А что они там говорили про девочку? Олег привез ее, и она уже где то здесь в доме... Значит, мне не приснилось и рядом со мной действительно плакала маленькая девочка? Где она сейчас? Выяснить это в темноте, не обнаружив себя перед Кириллом, вряд ли удастся. Значит, нужно дожидаться утра и все выяснится само собой. Ничего страшного. Я подожду. Никакой особой спешки нет. Олег твердо сказал — два дня, а то и три. Мне нужно успокоиться, спокойно все обдумать и решить что делать. Сейчас, пока никто не знает о смерти Кэт, я с ее паспортом и визами могу спокойно вылететь в любую страну. И ребенка с собой забрать. Ведь я же „мать“ Никто меня не остановит. Надо же как все просто... Нет не может так быть... где? Где подозрительные подводные камни? Ха! Размечталась, а деньги то на билеты ты где возьмешь? И ребенка, чем будешь кормить? Опять тупик? Почему? Нужно просто забрать у Кира дипломат с деньгами, принадлежащими Ларисе. Не знаю, сколько там, но, думаю, нам с ребенком хватит на долго. Кирилл поставил чемоданчик в спальне за кроватью и даже не прячет. Я спокойно, когда он выйдет из дома, переложу евро в свою сумку, он и не заметит. Потом мы с Ларисой уедем... Но Кир не даст мне этого сделать. В отличии от меня он знает язык и все способы выбраться из страны ему известны гораздо лучше меня... Если он меня догонит... А он догонит! То не станет разоблачать меня в полиции, он просто устроит нам с Ларой трагический несчастный случай немного пораньше. Что с того, что Каменков приказал подождать? В крайнем случае, чтобы не завалить все дело и деньги не упустить, можно и рискнуть... Да, он рискнет.... Значит нужно сделать так, чтобы он не смог нас преследовать... Надо его нейтрализовать? Как? Убить? А хоть и убить! На весы поставлена жизнь ребенка и моя собственная!»

От этой неожиданной мысли, мне вдруг стало ужасно жарко, и я высунула голову из-под одеяла.

«Ай-яй, до чего додумалась»... усмехнулась я. Правильно говорят, «с волками жить, по волчьи

вить» я как то внезапно успокоилась и взяла себя в руки. «Нужно выспаться!» — твердо решила я . «Завтра может случиться очень тяжелый день...» Я положила голову на подушку и решительно закрыла глаза....

* * *

... Утро после той страшной ночи, когда я чуть не сошла с ума от того, что услышала, сидя прямо на полу гостиной, началось для меня с ужасной головной боли. Пересилив омерзение и страх, я, спустившись вниз , увидела в гостиной мирную, почти семейную идиллию. Суетливый Кирилл, неуклюже орудуя ножиком, заботливо намазывал маслом печенье и подавал его маленькой кудрявой девочке, сидящей за другим концом стола. Позади нее в глубоком плетеном кресле пристроился Тимон. Он доверчиво всем своим телом прижался к узенькой спине ребенка и разве что не урчал от удовольствия. Девочка время от времени по дружески совала ему в рот маленькие кусочки намазанного маслом печенья, кот с благодарностью брал их из маленькой ручки, но стоило ей снова отвернуться к столу выплевывал на пол. Я то знала, что Тимон не признавал никакой еды, кроме своего любимого Вискаса и какого то его французского заменителя, который обнаружил хозяйственный Кир.

Кирилл поднял на меня глаза и озабоченно спросил.

— Что с тобой случилось?

— Ничего... — Безразлично отозвалась я и подошла к столу. — Голова болит.

— Ты в зеркало то хоть сегодня смотрелась? Круги синюшные под глазами, губы все распухли...волосы спутаны... — Он внимательно посмотрел на меня. — И потом, что у тебя с руками?

Я перевела глаза вниз. Действительно, все мои руки от запястья почти до локтя были покрыты свежими, в некоторых местах кровоточащими ранками...

— На тебя Тимон что ли напал? — Все трое : Кир , девочка и кот уставились на меня в ожидании ответа.

— Тимон. — кивнула я, хотя точно знала, что кот тут совершенно не при чем. Ночью, сидя на полу и слушая чудовищные признания Олега и Кирилла, я бешено сжимала губы, чтобы не закричать от ужаса и руки, совершенно позабыв о длинных и прочных нарощенных ногтях. Я не чувствовала боли, и не видела крови в темноте... Мне было в тот момент совершенно ни до чего.

— Ты его побила? — Деловито поинтересовалась девочка. — Он всегда кусает папу , когда он его бьет.

— Я просто наступила на него в темноте. — Сказала первое, что пришло в голову я.

— Ты ночью спускалась вниз? — Мгновенно насторожился Кирилл.

— Нет. — я для убедительности помотала головой. — Было уже почти светло, но я все равно не заметила этого маленького монстра, развалившегося прямо у меня под ногами.

— Странно, что он не схватил тебя за ногу. И я ничего не слышал, вы наверное жутко орали друг на друга... — С сомнением посмотрел на странные ранки Кир, но больше ничего не сказал.

- Ты йодом мазала? — Деловито поинтересовалась девочка.
- Еще нет... Слушай Кир, а кто это? — Я мотнула головой в сторону деловито поковылявшей к кухне девочки. Виски немедленно отозвались новым приступом пульсирующей боли.
- Это Лариса, Катина дочь. Она прислала сюда девочку просто так, на всякий случай... — Не моргнув глазом, любезно ответил он и улыбнулся малышке.
- Зачем? — Тупо спросила я.
- Откуда мне знать? — Мгновенно впал в раздражение Кирилл. Видимо, тоже уже успел устать от вранья и всевозможных небылиц. — Прислала и прислала. Это ее дом, она здесь хозяйка и делает то, что хочет.
- А няню она, надеюсь, тоже подслала? Кто за ребенком присматривать будет?
- Ну я, если тебе трудно... Ты вроде говорила, что любишь детей...
- Меня папа привез. — Сообщила девочка и начала принесенной из кухни ваткой, смоченной в йоде, протирать мои царапины.
- Это как понимать? — Сделала вид, что удивилась, я. Получилось слабенько, но вполне естественно для человека с раскалывающейся головой. — и, обернувшись на вновь удалившуюся в кухню девочку, добавила. — Он же вроде умер.
- Я говорил тебе, что у нее другой отец... — шепотом на ходу сочинил парень. — Он объявился после смерти Олега и привез Ларису сюда.
- И сразу сказал девочке, что он ее папа? — Уточнила я. — Она обрадовалась?
- Не знаю! — рявкнул Кир. — Что ты пристала? Я не знаю. Мне привезли ее и отдали. Сказали, Катя попросила. Все! Точка!
- А больше она ничего не просила? А то странно как-то получается, мы ей документы не возвращаем, а она нам любимого ребенка подкидывает.
- Просила! — С вызовом отозвался Кирилл. — И сейчас мы все вместе поедem в Париж.
- Куда? — Изумилась я, — В Париж? Зачем? Ты что все-таки решил лететь домой?
- Нет. Катя просила меня снять те огромные вклады, которые хранил там Олег. Вот, она прислала мне книжку на предъявителя. — Он торжествующе потряс у меня перед носом голубым блокнотом. — Я еще вчера заказал деньги в банке.
- Она уже вчера тебе это прислала? А потом, вдогонку так сказать, девочку... — что же, бывает...
- Иди одевайся, если ты намерена и дальше надо мной издеваться, то вполне можешь сделать это в машине по пути в банк. И волосы соизволь причесать, а то вообще не понятно на кого похожа. — Кир отвернулся от меня и ласково сказал девочке, — Ларочка, ты иди, поднимайся наверх и выбери самое красивое платье, в котором ты хотела бы поехать в город. — Малышка радостно захлопала в ладошки и понеслась к лестнице.

Я с ненавистью посмотрела на Кирилла и похолодела от мысли, что, возможно, именно сейчас

в его голове прокручиваются планы, как побыстрее и поаккуратнее избавиться от нас и остаться при этом безнаказанным, а мы, как овцы, приготовленные к закланию, ждем, не в силах что то изменить . А что если взять и убить его прямо сейчас? Вот просто попросить остановиться, подойти сзади и ударить... Чем? Любым предметом, подвернувшимся под руку. Я сжала руки в кулаки так, что побелели костяшки пальцев, и заглянула поглубже к себе в душу. А смогу ли я ударить? Смогу ли вложить в этот удар столько силы и злости, чтобы убить Кира за один раз? Второго шанса он мне точно уже не даст... Я копалась в душе и катастрофически понимала, что не могу наскрести в душе СТОЛЬКО ненависти...

— Я больше не могу чувствовать твой ненавидящий взгляд! — Внезапно, не оборачиваясь, сказал серьезно Кир. — Ты своим похоронным видом сведешь меня в могилу дорогая! Ты уж ударь по башке меня что ли, все лучше, чем упорно прожигать в затылке дыру горящим от ненависти взглядом.

Я вздрогнула и в бессильной злобе на это его лицемерное заявление, закричала.

— Молчи придурок, ты достоин не только дыры, не только удара по твоей дурацкой тупой башке! Я ненавижу тебя!!! — Под руку мне попала тяжелая неизвестно из чего сделанная пепельница, стоящая на тумбочке. Я с отчаянием схватила ее и , набрав побольше воздуха, опустила на голову еще вчера самого близкого и родного мне человека.

Правда цели своей удар не достиг, реакция у Кирилла оказалась мгновенной, он резко обернулся, перехватил мою руку, и пепельница опустилась на плечо, всего лишь слегка поцарапав щеку. Кир оттолкнул меня, его лицо перекошилось то ли от боли, то ли от бешенства.

— Ты что, с ума что ли сошла!? Ты хоть понимаешь, что только что чуть не отправила меня на тот свет, к чертовой матери?! — Заорал он. — Что вообще происходит в этом доме? Ты можешь мне объяснить все нормальным человеческим языком?!

— Нет! — Закричала в ответ я, из глаз покатались крупные, чуть ли не по горошине каждая, слезы, — по человечески с людьми разговаривают, а ты нелюдь! Ты просто самое настоящее животное... хотя нет! Ни одно животное не станет уничтожать себе подобных ради каких то вшивых бумажек, которые ты с благоговением называешь деньгами! Ты монстр, самый настоящая скотина и сволочь!!

— Что!? Что ты сейчас сказала!? — Кир побледнел и вплотную придвинулся ко мне. По его щеке ползла широкая красная змейка крови и капала на пол, но он не обращал на нее никакого внимания, он с бешенством смотрел в мои, наполненные отчаянием и ненавистью глаза. Потом неожиданно тихо спросил. — Что случилось, Эгле? Что с тобой случилось, девочка? — Он протянул руку, чтобы погладить меня по щеке, я резко отпрянула.

— Со мной ничего не случилось! Пока! Я просто снова оказалась душой! Самой настоящей беспросветной душой! Только на этот раз похоже, моя глупость будет стоять мне головы... Но я то ладно... Я сама сунула голову в петлю, сама ввязалась во всю эту сомнительную авантюру, хоть и понимала с самого начала, что она достаточно дурно пахнет... Но ребенок! Девочка то чем перед вами провинилась?! Она же еще совсем крошка...

— Кто хочет причинить вред Ларисе?! — Взгляд Кира мгновенно стал жестким. — Говори, что ты обо всем этом знаешь? — Он схватил меня за плечо. — Говори!

— Да хватит тебе прикидываться, — устало отозвалась я и высвободилась из его цепких пальцев. — Пора заканчивать весь этот бездарный спектакль, Кир. Я все знаю... Я случайно услышала твой разговор с тем мужчиной, который приезжал к тебе сегодня ночью... Ну с

мужем Катерины... Ты обещал ему в самое ближайшее время избавиться от нас с девочкой...

— Ясно. — Кирилл вернулся к столу и взял в руки пачку сигарет. — Теперь слава богу мне все ясно. — Сядь. — Не оборачиваясь, вполне спокойно сказал он. — Сядь, разговор нам с тобой предстоит долгий. — Он посмотрел на меня и мрачно усмехнулся. — Да перестань ты дрожать, глупая. Не собираюсь я убивать ни тебя, ни Ларису... Уж можешь мне поверить. Даже такой монстр и нелюдь, как я, не станет уничтожать своего собственного единственного ребенка. Согласна?

— Так это все таки ты?! — Пораженно прошептала я. — Ты отец катиной дочки...

— Конечно... — Растирая в пальцах сигарету, вздохнул он. — Разве стал бы я столько лет терпеть унижения и издевательства Катерины, если бы мог бросить все и уйти от этой самовлюбленной эгоистки, а теперь в добавок ко всему еще и наркоманки?... Я был привязан к ней такими узами, что не мог даже попросту жить... жить нормальной человеческой жизнью... Кэт очень любила меня шантажировать ребенком... Просто так, ни с чего... Чтобы сорвать зло, или поиздеваться... А я ведь ничего от нее не требовал, поверь, ничего... Только видеть Ларису, знать как она, что с ней... — Кирилл посмотрел на меня задумчиво и печально. — Жаль, что ты узнала... Жаль... Я так не хотел, чтобы ты взваливала на свои хрупкие плечики такую почти неприподъемную ношу... Не хотел ставить тебя перед выбором между законом и совестью, справедливостью и моралью... Кому как не мне знать насколько тяжело жить с таким грузом на сердце. Но раз уж богу было угодно, и он зачем то раскрыл тебе глаза на все, что происходит, я расскажу тебе, что произошло в моей глупой бездарной жизни, и как я пришел к тому, что решился на убийство... И тогда тебе придется выбирать. Если ты решишь уехать и оставить нас с Ларисой, Эгле, я не стану тебя удерживать... Клянусь дочерью, я помогу тебе выправить документы и ты сможешь дальше жить так как ты сама захочешь... Хоть мне это будет и тяжело. Очень тяжело. Ведь я и правда люблю тебя, Эгле... Моя маленькая загадочная литовская красавица...

Эта история началась давно, тринадцать лет назад во Франции. Не удивляйся, именно здесь, там где она и заканчивается так глупо и страшно для всех нас... Я жил тогда в Париже, я не солгал тебе, говоря о том, что учился и очень стремился добиться чего то в жизни. Я верил тогда, что хорошее образование и прилежание помогут мне пробиться наверх, туда где красивые и богатые люди живут в особняках, ездят на дорогих машинах, пьют виски и курят сигары... Я собирался много и упорно работать ради достижения этой заветной цели. И я искренне верил, что смогу всего этого добиться, пусть не сразу и не быстро, но смогу. А пока у меня не было ни одного лишнего цента в кармане, я устроился в Национальную библиотеку охранником. Мне помогла тетка, мать моей сестры, у которой я жил в Париже. Она обосновалась во Франции давно, уехав когда то из России по большой и страстной любви... Нет времени рассказывать как и почему эта любовь потерпела фиаско, но тетка осталась в Париже, нашла работу, не слишком денежную и престижную, но вполне приемлимую для того, чтобы прокормить себя... Я был ей обузой, говоря откровенно. Родители прислали меня во Францию, желая как можно лучше устроить мою жизнь. Другой возможности для меня выбраться и хоть как то на первое время уцепиться за нее, кроме Парижской тетушки они не видели... Поэтому я с детства учил французский язык, смотрел французские фильмы, даже изучал французскую историю... Я стремился там жить. Потом перевезти туда родителей. Мама говорила, что это предел ее мечтаний, провести последние годы своей жизни не где-нибудь, а в именно во Франции и именно в Париже... Тетка не смогла отказать сестре в ее просьбе приютить племянника. Одинокая, она была даже рада помочь, хоть ей это было и накладно... Тетя познакомила меня с человеком, которого звали Олег. Олег Владимирович Каменков в то время был начальником смены охраны в Националке. Приняв меня на работу в свою смену, он и дальше продолжал понемногу принимать участие в моей судьбе, узнав, что я готовлюсь к

аттестации и экзаменам, старался назначать меня на пост в ночное время, когда спокойнее, никто не дергает и можно учить, не отвлекаясь по мелочам, выделял мне участок у дверей книгохранилища — он был одним из самых не утомительных и удобных... Он даже доверил мне ключ от бронированной двери хранилища, чтобы я мог брать там все, что мне понадобится, с условием, конечно, ничего не выносить на свет божий, ставить строго по местам и держать в тайне. И я, и тетя были ему благодарны. Неприятности начались в тот день, когда обнаружилась пропажа ценнейших антикварных книг из сейфа хранилища. Общий ущерб музея составил около двенадцати миллионов долларов. Эти книги хранились в отделенном от основного хранилища бункере, а особо ценные еще и в сейфе, с определенной температурой, влажностью и освещенностью... У каждой был свой прозрачный герметичный чехол, наполненный специальным воздухом. Вся эта конструкция имела довольно внушительный вид. Вынести все девять книг в руках за раз одному было не возможно. Значит, кто то либо постоянно ходил в хранилище и брал по одной штуке или действовала шайка сообщников... Следствие шло не слишком долго, уже на первом допросе Олег признался в своем должностном преступлении и рассказал, что дал мне ключ от хранилища. Я не отрицал, что входил туда, и не раз, там было много моих отпечатков... Но ведь ключа от сейфа у меня не было, не было его и у Олега... Когда у тетки провели обыск и обнаружили копию ключа от бункера и одну из книг, кстати, самую дешевую из девяти, меня арестовали... Я клялся и божился, что понятия не имею, как они там оказались, эти книга и ключ, но меня не слушали и постоянно требовали вернуть то, что я похитил из музея. У Олега тоже были сильные неприятности. Его уволили с работы, наложили огромный штраф, который он не в силах был выплатить, поэтому у него конфисковали машину... Мне дали четыре года. Говорят, мне ужасно повезло, что так и не нашлось твердых и конкретных улик, убийственно указывающих на меня. На внутренней стороне сейфа и на найденной книге моих отпечатков не было, больше того, я вообще, в тот день, когда обнаружили открытый на распашку сейф, который преступник в этот раз почему то не потрудился закрыть, не успел заехать к тетке, которая живет на другом конце Парижа, и сразу проехал в университет, где вечером того же дня меня и арестовали после обыска у тети... Я ни разу не контактировал с человеком, у которого этот ключ хранился, и было совсем не понятно, как я умудрился сделать копию, ведь наши пути ни разу даже отдаленно не пересекались. И потом ведь нужен был еще и ключ от сейфа, которого у меня не обнаружили, как не трясли мои вещи... Судья колебался, присяжные сомневались... В конце концов признали, что, как ни крути, но преступление я совершил... и не раз, ведь вынося из хранилища книги, я каждый раз совершал по сути кражу, беря то, что я обязан был охранять... В общем, мне дали четыре года, я отсидел их полностью, потом меня выслали из страны. Вернувшись в Россию, я чувствовал себя обманутым, озлобленным и совершенно опустошенным человеком. Я потерял мечту, меня лишили того, к чему я так упорно стремился столько лет, того без чего не представлял своего успешного продвижения по жизни. Раз так, то я совершенно забросил учебу, перестал даже читать книги, я постарался уверить себя и всех, что мне это не нужно, что я другой, я счастлив и так, без нормального образования, без стремлений и без МЕЧТЫ. Я стал циничным и ограниченным мужланом, как называла меня Катя... О том, что Олег через пару лет после возвращения на Родину резко пошел в гору, разбогател, обзавелся приличным прибыльным бизнесом, я узнал случайно. Просто увидел в местной газете знакомую фамилию Каменков, удивился... потом нашел фотографию. Это был тот самый Олег, мой шеф из Националки, тот, кто всегда старался мне помочь, и я решил сходить к нему, попросить устроить на работу... Я шел к нему исполненный надежды с благими и очень добрыми намерениями... Знаешь, Эгле, Каменков оказался настоящим трусом и слюнтяем. Увидев меня на пороге своего кабинета, он так побледнел, покрылся испариной и так долго не мог справиться с трясущимися руками и подбородком, что я сразу же понял все и поразился человеческой подлости и своей собственной глупости. Я был так благодарен Олегу, считая хорошим порядочным парнем, сразу же признавшим, что это именно он дал мне ключ, тем самым добровольно перекладывая часть вины на свои плечи, что мне ни разу не пришлось в

голову, что он может быть сам как-то причастен к похищению книг из хранилища. Я столько раз, сидя в тюрьме, гадал, кто бы это мог быть, кто мог так нагло обворовать бункер и почему он решил подставить именно меня... В музее было четыре смены охранников, которые выходили на пост, сменяя друг друга, каждая со своим начальником. Я мало знал ребят из других смен и определил для себя одного из них, неважно кого, просто больше было не на кого подумать... Я даже планировал сам провести расследование и поквитаться с гадом, но меня выслали очень быстро в течении сорока восьми часов, так что времени на восстановление справедливости у меня попросту не оказалось... Увидев ошалевшего от неожиданности и страха Каменкова, я как то сразу понял, кто подставил меня, у кого была возможность достать дубликат ключа, спокойно подсунуть в тетин дом липовые улики, быстро признать свою небольшую провинность, своей «откровенностью» и «искренностью» создавая себе репутацию честного, слегка запутавшегося из-за любви к ближнему, человека, и подставляя меня, сразу привлекая внимание полиции к моей скромной персоне и усиленно наталкивая на мысль об обыске тетиного дома, где он уже все давно приготовил к визиту полиции... Его любовь и забота объяснялись далеко идущим расчетом, а вовсе не любовью к ближнему, как, распустив уши и млея от благодарности, думал я. Выждав для приличия годик, он начал потихоньку сбывать украденные книги здесь в России и за границей. Потом часть вырученных денег вложил в бизнес, а часть поместил в банк под солидный процент.

Как ни странно, это открытие меня даже порадовало. Я уж и не надеялся поквитаться с обидчиком, а тут такой шикарный подарок судьбы. Я мог уничтожить этого лицемера и получить деньги, которые как-то сразу посчитал своими, ведь я за них отсидел срок в тюрьме. Я еще не придумал, как добьюсь этого, но уже точно знал, что теперь у меня снова появилась МЕЧТА... Не такая светлая и не такая праведная, как та первая, но она помогла мне расправить плечи и снова активно начать ЖИТЬ.

Я сделал вид, что ничего не понял, не заметил... Обнял Каменкова, напомнил о нашей бывлой дружбе... Олег довольно быстро оттаял, подобрел и снова вошел в роль доброго заботливого дядюшки. Конечно же, помог с работой, он взял меня к себе в фирму охранником, положил приличную для бывшего заключенного зарплату, в общем, старался, как мог. Я тоже не сидел без дела. Не буду сейчас вдаваться в подробности, как я смог выяснить буквально всю подноготную Олега, все, как, чем и на что жил Каменков эти четыре года, пока я по его милости протирал задницей нары, но я это сделал. Я смог узнать, какую сумму ориентировочно он выручил за «украденные мной» книги, сложнее всего было получить доступ к тому счету, на котором Каменков держал остатки от тех миллионов, но я выяснил и это, не совсем правда легальным путем, но в отношении своего «босса» я никогда не считал зазорным использовать любые допустимые и не допустимые средства.

Короче говоря, спустя буквально полтора года, как я, отсидев срок, снова встретился с моим «Злым гением» Олегом Владимировичем, я уже вполне мог снять деньги с его счета, стать в один миг состоятельным человеком и не испытывать при этом никаких особенных мук совести, ведь Каменков сам начал эту игру, а я всего лишь действовал по его правилам... Но, пробыв рядом с Олегом эти полтора года, я понял, мне мало всего лишь забрать у него часть того, что я по праву считал своим, я не хотел, чтобы у Каменкова осталось хоть что-то, что он получил благодаря тому, что так вероломно меня использовал и оболгал. Он вел себя со мной, простым охранником, так высокомерно и снисходительно, устраивал разносы по любому удобному поводу, постоянно тыкая в нос мою неблагодарность и свое безграничное благородство по отношению к бывшему вору и мошеннику, что во мне с каждым днем, буквально с каждым часом росла и крепла непереносимая ненависть к этому наглому и подлому человеку... Я решил, что должен полностью уничтожить его морально и материально, как он когда-то проделал это со мной. Я хотел, чтобы уважаемый Олег Владимирович на своей шкуре

почувствовал, как это — стать в одночасье никем и ничем, потерять все, причем совсем не по своей вине. Я снова сделал покорный и благолепный вид, стараясь как можно сильнее втереться в доверие к Каменкову и получить еще больший доступ к его документации, бухгалтерии, планам и проектам на будущее... Будь уверена, я выполнил бы все планы, которые я перед собой поставил, но тут произошло непредвиденное — я влюбился. Влюбился как самый последний и самый глупый мальчишка. Я понимал, что чем сильнее это чувство затягивает меня в свои сети, чем сильнее я от него завишу, тем катастрофически дальше отодвигается возможность исполнения задуманной мести. Случилось все, как это всегда и бывает, неожиданно и в общем то обыденно. Олег вызвал меня к себе в кабинет и спросил, не хотел бы я снова на пару-тройку дней слетать во Францию... Я удивился, ведь я думал, что въезд в страну, откуда меня выставили с позором, мне заказан если не на всегда то на ближайшие годы точно, увидев мою растерянность, Олег покровительственно улыбнулся и через неделю я уже приземлялся в Руасси. Я ступил на французскую землю и какие то забытые, далеко запрятанные, казалось, похороненные навечно в самых дальних уголках души, чувства невольно всколыхнулись в моей душе. Я снова почувствовал себя тем восторженным и юным глупцом и романтиком, мечтающим о несбыточных заоблачных далях. Я долго пешком бродил по улицам Парижа, вдыхал уже слегка подзабытые запахи жареных каштанов и цветущего лимонного дерева и как будто оттаивал душой... Но особенно прохладиться и предаваться воспоминаниям юности у меня времени не было, я должен был ехать в Нормандию. Олег послал меня во Францию для того, чтобы я привез из Онфлера с его виллы, купленной, между прочим, на мои деньги, его жену, которая все тянула с возвращением и на настойчивые требования мужа отвечала легкомысленным смехом. Знакомые и партнеры по бизнесу уже во всю насмеялись над его положением соломенного вдовца, уже даже поползли разные обидные слухи и предположения, которые выводили Каменкова из себя. Он не мог сам покинуть страну даже на неделю, его бизнес тогда только набирал обороты, а Олег, сам имея подлую мелочную натуру, никому не мог доверить решение финансовых вопросов, боясь обмана или потери выгоды. Вот он и послал за женой не слишком умного, но зато преданного лично ему человека к тому же со знанием страны и языка. То есть, как ты понимаешь — меня. Ты видела Катю совсем недавно, в свои двадцать восемь, уже родив ребенка и истязая себя алкоголем и наркотиками она выглядела как королева, ты вполне можешь представить, какую ослепительную, юную красавицу я увидел, добравшись до Онфлера. Катя была не просто красива, тогда она была прелестна. Непосредственна, как ребенок, и свежа, как самый настоящий оранжерейный цветок, которыми на весь мир славился с давних пор Онфлер. Я влюбился, как сумасшедший, забыв обо всем на свете и мечтая лишь об одном, как можно дольше побыть наедине с любимой, видеть ее, обнимать, ласкать, бесконечное число раз покрывать поцелуями ее прелестно личико... Сошлись мы практически сразу, в первую же ночь, проведенную мной в Онфлере. То ли на нее так подействовала романтическая обстановка старинного города, то ли Катя устала от скуки и одиночества последних месяцев, то ли ей захотелось чего то необычного и отличающегося от той размеренной светской жизни, которую она вела в Онфлере, но она сразу дала мне понять, что ее тянет ко мне, что она открыта и доступна для новых чувств и ощущений... Роман захватил нас обоих целиком, мы утонули в чувствах, как в море, волны которого под окнами спальни своим рокотом постоянно сопровождали наши бурные ненасытные ночи... Вместо недели я пробыл в Онфлере три, и все никак не мог решиться начать разговор об отъезде. Когда Олег позвонил и в очередной раз в категоричной форме приказал немедленно явиться назад с Катериной или на худой конец без нее, я, посадив любимую перед собой, начал нелегкий для меня разговор. Я предложил Кате вовсе не лететь домой к мужу, напротив, я хотел чтобы она развелась с Каменковым и предложил свою руку и сердце... Она рассмеялась... смеялась долго и заразительно... у нее даже слезы выступили на глазах от смеха. «Миленький, если бы я выходила замуж за каждого мальчика, которого по доброте своей безграничной души и обожающего мужскую ласку тела пустила на время в свою кровать, то я бы давно уже стала

Женой-героиней... Жаль, кажется, такой медали наше правительство еще придумать не догадалось... Зачем тебе нужна такая жена, как я, дурачок? А мне то уж ты в качестве мужа не нужен и подавно... Брак, это совсем другой союз — союз материальный и общественный, совсем не имеющий никакого отношения к сексу, страсти и, как ты это красиво называешь, к любви... Олег хочет, чтобы мы вернулись домой? Что же, его правда. Я действительно непозволительно долго засиделась на этой маленькой уединенной вилле. Хватит с меня этого провинциального счастья... Пора снова показаться в нормальном человеческом обществе...»

«Значит я для тебя не человек?» — Сухо поинтересовался я, задетый до глубины души, буквально раздавленный ее легкомысленными и неожиданно циничными суждениями о жизни.

«Ты милый мальчик. Грех жаловаться, ты доставил мне не мало по настоящему счастливых моментов... Но это совсем не то счастье, о котором толкуешь ты, мой восторженный друг. Восторги, так же как и однообразные ласки ужас как быстро надоедают и приедаются... Ну скажи, вот что ты, к примеру, можешь предложить такой женщине как я, кроме уверений в безграничной любви и качественного добротного секса ночью?... Что ты можешь дать мне, чтобы я, не стесняясь, могла представить тебя перед подругами, родственниками, всем обществом в качестве своего мужа и повелителя? Не нужно хватать с неба звезд, мальчик. Пойми простой охранник и жена босса очень даже прекрасно могут ладить в постели, но не более того...» Я мог бы сказать ей тогда, что в один миг, даже не выезжая из Франции я могу стать богаче ее мужа, если только лишу его тех денег, которые лежат у него на счете в банке и принадлежат по сути мне. Мы, объединившись с Катей, могли запросто привести в действие машину моей мести и уже через пол года максимум год весь капитал Каменкова стал бы полностью моим... нашим... Но я ничего не стал говорить. Надеюсь, тебе, Эгле, не нужно объяснять почему... Я вдруг увидел другую Катю, циничную, пошлую, самовлюбленную эгоистку и эротоманку... Я почти возненавидел ее. Ночью она снова, как не в чем не бывало, пришла ко мне... Я не смог совладать с собой, ее настойчивостью и слепой страстью... Я был с ней вместе до утра, любил ее самозабвенно, неистово и зло, порой срываясь на грубость, намеренно старался сделать ей больно, потом ласками и нежностью заглаживая нанесенную боль... Так я прощался со страной моей мечты, с надеждами, с фантазиями с тем, что я называл тогда любовью...

Дома Катя с головой окунулась в слегка подзабытую атмосферу вечного праздника, тусовки, вечеринки, презентации... В ее жизни совсем не было места для меня, простого охранника своего мужа... Скорее всего она даже не вспоминала о моем ничтожном существовании. Но однажды все-таки вспомнить пришлось. Катя обнаружила, что беременна. Мне сообщил об этом Олег. Не знаю, счастлив ли он был подобным известием. Но удивление он выразил, прожив пять лет с женой, он никак не мог стать отцом, а тут вдруг нате вам... чуть ли не в первый после приезда из Франции день Катерина забеременела... Я сразу вспомнил наши бурные ночи в Онфлере и потребовал сделать анализ ДНК. Катерина высокомерно отмахнулась и велела убираться прочь... Я холодно посоветовал ей подумать о том, что я намерен добиться правды любой ценой, даже если мне придется пойти на открытый разговор и ссору с Олегом. Я этого и правда не страшился, напротив, на тот момент, когда я узнал о беременности своей любовницы я уже практически твердо решил уехать, забрать со счета деньги и оставить здесь все, как есть. Думать о мести, разрабатывать планы, просчитывать действия на несколько шагов вперед после возвращения из Франции я физически не мог. Катерина постоянно попадалась мне на глаза, я слышал о ней от Олега, служащих фирмы, читал в газетах... Я не любил ее самозабвенно и преданно как прежде, но мне было тягостно наблюдать за ее бурной и счастливой жизнью без меня... Вероятно в моих глазах и холодном тоне было столько убежденности, что она как то сразу испугалась за свое благополучие, поверила в мои угрозы и призналась, что конечно же ждет ребенка от меня... Там в Онфлере она потеряла голову от

страсти и любви... Да Катя со слезами на глазах утверждала, что искренне любила меня ... Она , всегда аккуратная и внимательная в вопросах секса, тогда вдруг потеряла бдительность и позволила себе непростительно расслабиться и позабыть о мерах предосторожности... Она умоляла не говорить ничего Олегу, подумать о нашем будущем ребенке, которому Олег даст все... пожалеть ее... Она плакала и даже опустилась на колени, обняв мои ноги руками... Я так растерялся, растрогался... бог знает еще какие чувства в тот момент хлынули потоком в мою дурацкую сентиментальную голову... Я в тот момент мог пообещать ей все, что только она бы ни попросила. До рождения ребенка Катюша была со мной довольно мила, мы, как когда то в Онфлере, любили друг друга, предаваясь страсти и безудержной фантазии, я снова начал строить в душе какое то подобие иллюзорного счастья, хотя в душе и понимал, Катя меня совсем не любит, она меня хочет, ей со мной комфортно и спокойно, но не более того... Я не требовал ничего, а давал все, что хотелось ей и ее телу: преданность, любовь, заботу, удовольствие... Я, сам того не понимая, постепенно превратился во что то типа уютного домашнего животного, скрашивающего время, когда его нечем было заполнить . Когда родилась Лариса, и Каменков оформил отцовство по всем правилам, для меня начался настоящий ад. Став матерью, Катя будто совсем потеряла тормоза, она с таким энтузиазмом окунулась в развлечения, что ее просто было не остановить и не удержать. Забросив дочь на попечение няnek, она ночи напролет кутила в ресторанах, на каких то сомнительных альтернативных вечеринках и тусовках... Естественно , мне там места не было и в помине, мы стали видеться крайне редко, она охладела ко мне и моим ласкам, называя их пресными и привычными... Она пила, курила травку, занималась какой то тантра йогой... я все меньше понимал ее... В конце концов мне все так осточертело, что однажды, потрянув как следует за шкуру, я усадил слегка опухшую Катерину напротив себя и решил поставить все точки над "И". Мы расстались достаточно мирно и на удивление легко. Для меня она из любимой Катюши превратилась в старую добрую подружку Кэт, я для нее в верного друга и помощника Кира. Я снова уже в который раз собрался уехать с деньгами, но снова в который уже раз не смог. Я удивительно сильно привязался к дочке. Снять со счетов Олега деньги и уехать с ними, означало навсегда потерять контакт и возможность видеться с девочкой, знать, как она растет, какие слова скажет первыми, как будет учиться... Я не смог бы заявить права на Ларису, ведь узнав , что я сделал с его семьей и его капиталами, Каменков никогда бы не позволил мне забрать дочь. Он не отказался бы от нее не из любви, а из злобы и желания отомстить... Время шло, а я ни на что не мог решиться. С Катериной отношения у нас были довольно ровными и даже дружескими, правда она порой позволяла себе грубые и высокомерные выпады по отношению ко мне, старалась унижить... случалось это в основном в то время, когда она или мучилась с похмелья, либо наоборот чумела от какой-нибудь очередной сигаретки с марихуаной... Потом говорила, что не хотела, что ценит меня и доверяет только мне одному... Она предложила вместе открыть клуб , в котором она собиралась соединить все свои любимые развлечения. Деньги у нее были, прибыль, получаемую с доставшегося ей от матери ресторана, она практически не тратила, так как Олег не скупился и не экономил на содержании жены. Катя предложила мне заняться организацией нового бизнеса, и всеми вопросами, которые были связаны с ним. Я согласился, подыскал помещение, отделал его, набрал штат, закупил оборудование и все что только требовалось для успешной работы , провел мощную рекламную кампанию, и наше предприятие заработало, принося приличные дивиденды... Все документы были оформлены на Кэт, ведь исходный капитал был полностью ее, но она честно делила прибыль пополам. Я полностью посвятил себя клубу, официально у меня была должность начальника охраны, но и Катя, и служащие считали настоящим руководителем меня, подчинялись беспрекословно, не спорили и не мешали делать из клуба одно из самых модных, успешных и прибыльных заведений подобного рода... С Катей за эти годы у нас сложились довольно ровные отношения, я старался не замечать ее неуправляемых выпадов, поддерживал в трудные моменты, помогал, оберегал... Она тоже меня ценила и дорожила мной. Не мешала моему общению с Ларисой , и даже напротив старалась всеми силами поддерживать

сложившиеся между нами с малышкой добрые и доверительные отношения. Правда, я был для нее всего лишь охранником ее мамы и человеком, который в силу обязанности постоянно оберегает ее покой, стоит ей только покинуть пределы дома, но дети ведь до времени не понимают смысла социальных различий и ценят прежде всего доброе и внимательное отношение к себе. Дочка меня любила, да и сейчас любит больше, чем того, кто все эти годы считался ее отцом. Олега она боялась и стеснялась, мне же охотно доверяла свои детские секреты... Постепенно я остыл, обмяк, с головой погрузился в заботы о клубе и даже как то стал забывать о тех событиях, которые произошли когда то в хранилище Парижской национальной библиотеки, ничего не предпринимал для осуществления планов своей мести и даже убедил себя забыть о деньгах в банке. Клуб приносил большую прибыль, я ни в чем не нуждался, даже смог осуществить мечту моих родителей и купил маме с папой хорошенький домик под Парижем... Я мог спокойно оставить деньги Каменкову, он вел бизнес аккуратно и с умом, разорение ему не грозило, а наоборот капиталы только росли, а значит моя дочь становилась все более и более состоятельной барышней... Забрать деньги сейчас означало в том числе не только наказать Олега, но и обидеть свою собственную дочь... Я не хотел, чтобы она меня считала впоследствии мошенником, обобравшим родителей и ее саму, не хотел увидеть в глазах дочки тех огоньков презрения и сомнения, которые вчера так яростно зажглись там в гостиной у тебя в глазах, Эгле!

Все снова начало рушиться с катастрофической быстротой год назад, когда Катя, по обыкновению забравшись с ногами на диван в моем рабочем кабинете, с мечтательным видом поведала о новом романтическом и всепоглощающем чувстве, посетившем ее буквально накануне вечером... Я воспринял это известие довольно спокойно и даже равнодушно. Во первых, меня уже давно не волновала Кэт, как женщина и любовница, даже те крайне редкие моменты близости, которые в последние годы время от времени случались между нами по инициативе и даже настоянию Кати, меня не трогали за душу. А во вторых, влюбленность посещала Кэт едва ли реже, чем раз в месяц, потом как то быстро изживая себя на нет... Но в тот раз все пошло по другому. Катерина увлеклась своим Петей-Петушком всерьез, буквально потеряла голову и чувство меры. Она вела себя неосмотрительно и глупо. Настолько, что ее муж в конце концов потерял терпение, он пригрозил Кате разводом, стал сильно урезать в денежном содержании, она поняла, что Олег настроен зло и решительно. Свое положение и общественное мнение он ценил гораздо больше, чем давно раздражавшую и даже порой бесившую его жену. Он все чаще начал возвращаться к разговорам о разводе.... Я особенно не встревал в это дело, отношения между Кэт и ее мужем меня как то мало волновали, что же касается Лары, то с разведенными родителями, или нет она все равно оставалась дочерью и единственной наследницей Каменкова. Что у Олега появится еще ребенок, я сомневался, ему ведь было уже сорок шесть. Но тут снова судьба сделала небольшой шагочек в сторону и подкинула Олегу поначалу маленькую банальную неприятность, обернувшуюся впоследствии трагедией для всех нас. Его секретарша заявила, что беременна. И беременна именно от шефа. Он усомнился в своем отцовстве и стал настаивать на проведении анализов. Вот тут то и выяснилась страшная для Кати вещь — оказывается, Олег вообще детей иметь не мог. Никогда, ни раньше, не сейчас. С секретаршей он разобрался просто, наорал и выгнал на улицу, а с женой так просто поступить он не мог. Разразился грандиозный скандал, Каменков срывал зло не только на Кате, которая в принципе заслужила подобное отношение, но и на Ларисе, которая по малолетству никак не могла понять, почему так изменился к ней любимый папочка, почему мама все реже появляется дома, почему вдруг с ней перестали заниматься танцами и фигурным катанием, заставляя постоянно сидеть в комнате и даже кушать там, чтобы не раздражать и не нервировать своим видом отца... Олег бушевал, требуя от Катерины назвать имя настоящего отца девочки, чтобы он мог заставить его признать этот факт и избавить дом Каменковых от жалкого безродного ублюдка. Катя молчала, понимая, что если сделает это, то потеряет дочку. Ведь я забрал бы Ларису себе и уехал из города, оставаясь

здесь рядом с Олегом, зная его мстительную никому ничего не прощающую натуру, было рискованно. А дочку Кэт любила сильно. Что я возьму ее с собой, она не надеялась, зная мое отношение, да и не хотела она этого. У нее же была огромная любовь — Петя-Петушок. Катя нервничала, много плакала, часто злилась. Я стал замечать, что она для снятия стресса начала баловаться наркотиками. Я сам решил поговорить с Олегом и разрешить ситуацию. Мне было невыносимо видеть, как мучают ничего не понимающую испуганную Лару, было жаль ее мать... И тут Катя снова пришла ко мне, снова плакала, валялась в ногах и умоляла не губить ее жизнь, ее положение в обществе, не калечить жизнь девочке, разлучая ее сразу и с отцом и с матерью: она не хотела уезжать со мной и с дочкой, а оставаться потом рядом с Олегом не желал я. Решив взять Лару себе, я естественно снова вернулся к мысли о деньгах в Парижском банке. Не было никаких резонов оставлять их Каменкову. Да и дочке хотелось дать как можно больше... В общем мы ссорились с Катериной несколько часов... Вот тут то она и пришла к мысли убить мужа. Она так загорелась этой идеей, что я испугался. Я обещал пока отложить разговор с Олегом и попытаться придумать, как можно по другому выйти из сложившейся ситуации. Я мучился, не зная, как поступить, на что решиться... Когда вечером следующего дня ко мне в квартиру не вошла, а буквально ворвалась рыдающая Катерина с Ларой на руках я обомлел. Лицо и руки девочки были в синяках и ссадинах. Захлебываясь слезами, она рассказала, как папа побил ее, совсем-совсем ни за что. Она уже спала, когда он ворвался в комнату и потащил ее в гостиную. Там была мама, он кричал на нее, что то требовал, потом сказал, что раз она такая упертая и не жалеет собственную дочь, то пусть посмотрит, что теперь будет ждать ее ублюдка каждый день... Во мне всколыхнулась вся почти забытая ненависть к Каменкову, заглянув в растерянные и ужасно жалкие глазенки своей маленькой дочери, я как то легко и спокойно согласился помочь Кате убить своего мужа. Мы придумали приличный план, как избавить Катерину от подозрений и создать ей железное алиби, именно тот план, который мы с тобой здесь и осуществили... Потом, после всего Катя обещала, что мы заключим брак, я оформлю отцовство на девочку, а потом разведемся и станем жить каждый своей жизнью где то поблизости, чтобы иметь возможность одинаково принимать участие в судьбе ребенка. Я начал заниматься разработкой деталей, Кэт поговорила с Олегом, дала согласие на развод, пообещала, что напишет заявление о том, что Каменков не является отцом Ларисы... Короче признала все свои прошлые грехи, только просила не торопиться, а дать ей возможность подготовить плацдарм для отступления. А пока, чтобы особо друг друга не нервировать, вроде как решила поехать в Онфлер... Олег согласился, успокоился, у них в доме воцарилось даже какое то подобие мира. В последний момент он почему то решил не отпускать с Женой девочку, наверное, чтобы она не тянула долго или вообще не обманула его и не обосновалась с ребенком во Франции, подальше от него.

Когда я узнал, что Катерина меня обманула и втихаря продала не только свой ресторан, но и клуб, который всегда сама же называла нашим общим, я разозлился. Она повела себя подло, хотя и глупо, ведь все, с кем мы имели дела прекрасно знали, что именно я являюсь руководителем нашего предприятия, а вовсе не Катя, соответственно и узнать подробности сделки, как только просочились слухи о продаже, все спешили именно ко мне. Но все же тогда я еще не желал ей ничего плохого. Я сдержал эмоции и, спокойно вытащив из сумочки неизменную записную книжку, выяснил, что она сделала с деньгами, узнал и название банка, и номер счета. Отложив разбирательства с Кэт на потом, я продолжал честно ей помогать. Решение предать свою давнюю подругу и любовницу родилось у меня тогда, когда я совершенно случайно услышал ее разговор с Петей. Катерина, видимо в очередной раз уколотившись, слегка потеряла бдительность и, как это и раньше случалось довольно часто, забыла запереть дверь в своей квартире, где со времен разлада с мужем частенько оставалась ночевать. Своего Петушка туда приводить она не решалась, так как Олег прекрасно знал, где она находится, он сам покупал эту квартиру несколько лет назад. Очередной скандал Кэт был совершенно не нужен. Я беспрепятственно и совсем не замеченный хозяйкой, вошел в

квартиру и услышал как Кэт излишне громко и эмоционально, явно находясь немного не в себе, кричала в телефонную трубку:

— Петенька , милый... Скоро-скоро закончится эта мука, мы наконец то будем с тобой вместе... Не спрашивай, милый, как и когда именно, но мы с тобой обязательно поженимся! Ты удочеришь мою девочку, мы все вместе уедем куда-нибудь далеко... в Англию или Испанию.... Не говори глупостей, Петенька! Какое мне дело, что подумает обо всем этом Кир? Да кто его спрашивать то станет, в конце то концов? — Катя пьяно рассмеялась. — Конечно, сейчас я с ним мила и покладиста, а что я еще могу сделать Петь? Он шантажирует меня тем , что расскажет Олегу, что он настоящий отец Ларисы, я не хочу этого, я все сделаю для того, чтобы мою девочку воспитывал именно ты, только ты сможешь дать ей все то, что ни за что не сможет выжать из себя этот неотесанный мужлан... Он смертельно надоел мне, Петенька, но я пока не могу сделать ему ручкой, у нас много незавершенных дел, но как только я смогу сама распорядиться своей судьбой, то сразу же поставлю этого прилипалу на место, он не сможет ничего мне сделать, не сможет доказать, что он , а не ты, настоящий отец Ларочки. Ведь я ее мама, а он — никто. Да если он посмеет только хоть слово сказать против , я запросто сдам его в милицию, за приставания к чужому ребенку. Он даже анализ для подтверждения отцовства не сможет без моего согласия сделать, а я имею право его даже по суду не давать, любое его приближение к Ларе будет расцениваться как попытка похищения... Так что ты не волнуйся, Петенька, ты просто еще меня не знаешь, — снова самодовольно хихикнула она. — За тех, кто мне дорог, кого я люблю, я могу биться, как тигрица, до последней капельки своей преданной вам с моей малышкой крови...

Я привалился к стене в прихожей, в глазах у меня потемнело, в висках заколотились мелкие пульсирующие молоточки. Я уже не слышал ни слова из того, что дальше вещала в трубку то ли пьяная, то ли обколотая Кэт. Услышанного было вполне достаточно. Я огромным, буквально нечеловеческим усилием взял себя в руки и тихо вышел из квартиры на улицу. Останься я еще на пару минут и услышь очередную партию признаний Катерины, и я вполне мог тогда придушить ее собственными руками... А мне ведь надо было еще позаботиться о дочке. Бросить все, наплевать на Кэт с ее проблемами и уйти, оставив Ларису наедине с наркоманкой матерью, я тоже не мог. Я долго курил на лавочке у подъезда , потом решительно встал и направился снова к Катерине. Она уже закончила свои пьяные беседы с Петей и встретила меня раскрасневшаяся, веселая и удивительно любезная. Я твердо сказал, что время пришло, и ей пора собираться. В конце концов , девушку можно найти и на месте, чуть-чуть , изменив правила. Совсем не обязательно Кате убивать мужа своими собственными руками. Я договорюсь с человеком, который убьет Олега , тогда Кате, и правда, незачем будет присутствовать в России в момент убийства. Она начала пьяно ломаться, хихикать и говорить, что уже свыклась с мыслью, что сама пристрелит мужа, как собаку, и мысль эта поначалу ужасно пугавшая ее, даже начала приносить ей удовольствие... И потом ей не хотелось покидать своего Петю-Петушка даже на пару недель... Я не в силах слышать ее бред и боясь сорваться, хмуро посоветовал ей не ломаться, и начинать собирать вещи, сам же поехал заказывать билеты.

— Ну вот вроде и все... Потом в клубе появилась ты, и я решил вернуться к первому варианту, для того, что я задумал, так было намного удобнее... Я позвонил Олегу уже из Франции и на правах старого и благодарного знакомого рассказал о том, что задумала сделать с ним Катя. Он сначала не поверил, потом взбесился... когда он лежал на кровати с якобы простреленной киллером головой, Кэт не сдержалась и пришла полюбоваться на дело рук своих. Честно говоря, это я попросил своего человека надоумить Катерину поступить именно так, чтобы Каменков окончательно уверился в правдивости моих слов. У «смертного ложа» человека, кормившего и поившего ее с дочерью на протяжении многих лет, вдова повела себя настолько

цинично и бездушно, что сама подписала себе смертный приговор. Я даже пальцем не пошевелил для того, чтобы она получила именно то, что заслужила и то, на что так упорно напрашивалась... Когда Олег приехал в Онфлер и привез Ларису, естественно даже не подозревая, что она моя дочь, Катя уже была мертва. Но и сам Каменков, поверь, не на долго переживет свою бывшую жену. Во время того самого разговора, который ты подслушала ночью, я всыпал в стакан с его вином яд. Он разлагается в организме несколько дней и непременно настигнет Олега максимум через пару дней.... Ты можешь судить меня, Эгле.... Обвинить или оправдать... Раньше я всеми силами старался уберечь тебя от того, чтобы ты не дай бог не узнала всю правду, я так боялся тебя потерять, милая моя букашка...я хотел жить с тобой, жениться, дать вам с дочкой свою фамилию, построить чудесный домик с флюгером на крыше... Теперь наше будущее только в твоих руках... Решай.

Я сидела в кресле и пораженно смотрела на Кира. В голове был полный кавардак и неразбериха... Я ни в коем случае не осуждала Кирилла, но принять и полностью оправдать его поступки я тоже не могла, как ни старалась... Мысли носились в голове, как вспугнутая стая ворон... Я не знала, как поступить дальше, на что решиться... Господи, как же прав был Кир, когда говорил, что лучше бы мне всего этого и вовсе не знать.

* * *

— Я уже давно выбрала и платье, и туфли и бантики... — Неожиданно донесся до меня голос, стоящей на самом верху лестницы девочки. — А ты все не идешь и не идешь... Кир, ты что передумал ехать?

Кирилл, до этого целиком погруженный в свои мысли и воспоминания вздрогнул и поднял глаза.

— Конечно же нет, милая. — Поднимаясь отозвался он. — Сейчас я помогу тебе одеться и мы, как и планировали поедем в Париж.

— А тетя? Тетя тоже с нами поедет? — Поинтересовалась Лариса.

— Не знаю... — Кирилл посмотрел на меня и отвел глаза. — Тетя Эгле еще не решила, хочет ли она прогуляться с нами, или останется дома... А может она и вовсе собирается уехать от нас...

— Я еду. — Решительно сказала я и пошла одеваться.

Причесавшись и надев кофту с рукавом, скрывающую царапины, я неторопливо спустилась вниз. Олег уже ждал меня там со своей огромной спортивной сумкой в руке и одетой по уличному девочкой. Лариса прижимала к себе удовлетворенно урчащего Тимона.

— Мы что и кота потащим с собой в Париж? — Удивленно приподняла брови я.

— Лариса хочет его взять. — Кирилла этот вопрос, похоже, совсем не интересовал, его волновали совсем другие проблемы. — Я рад, что ты все правильно поняла и решила остаться с нами...

— Я еще ничего не решила. — Честно призналась я. И посмотрела Киру в глаза. — Ты очень дорог мне... Правда. И я, действительно, все правильно поняла... Я не осуждаю тебя, не думай... Но я еще не смогла разобраться в самой себе. Смогу ли я жить с этим? Позволит ли мне моя совесть спокойно спать и, просыпаясь утром, с улыбкой встречать приход нового дня... Я должна хорошенько подумать обо всем этом, Кир и принять решение... Не торопи меня, ладно? Так будет лучше для нас обоих.

— Ладно. — Коротко кивнул он и пошел к выходу. Я видела, насколько ему тяжелы и неприятны мои сомнения, но ничего не могла с собой поделать...

* * *

В банке все прошло быстро и гладко. Получив деньги, Кир повеселел и даже начал насвистывать под нос какую то песенку.

— А не отметить ли нам это событие ? — Взяв девочку на руки, предложил он.

— Ура! — Пискнула девочка. — Мне нравятся праздники.

— Ну, и какой бы праздник хотели устроить мои маленькие принцессы? — Он, улыбаясь, посмотрел на меня. Я молча улыбнулась в ответ.

— Я хочу мороженого! Много! — Закричала Лариса. — И чтобы было всякое-всякое и разных цветов!

— Всего то! — Похоже, Кирилл был почти счастлив. Он поцеловал малышку в щеку, обнял меня за плечи одной рукой и направился в сторону какого то небольшого парка...

Домой мы поехали часов в шесть, не раньше. Мы с дремлющим, обиженным тем, что его не взяли в город, Тимоном расположились сзади, Лариса уселась на переднее кресло рядом с Кириллом. Ей так этого хотелось, что Кир не смог отказать, хоть и знал, что нарушает этим дорожные правила. Он потрепал девочку по кудряшкам и сказал, что знает тихие уединенные дорожки, где очень мало машин и поэтому совсем нет полицейских...

А дальше.... Дальше все произошло мгновенно, я даже не сразу осознала, что произошло. Под днищем машины что то грохнуло. (Потом мне сказали, что у машины лопнуло колесо.) Наш Ситроен, на огромной скорости, пробив ограждение, слетел с дороги и, видимо потеряв во время этого удара управление, понесся под откос. Кир каким то чудом умудрился распахнуть соседнюю дверку и за мгновение до того, как машина со всей силы врезалась в ствол огромного дерева, выбросил кричащую от страха Ларису на траву. Я с размаху впечаталась в мягкое водительское сиденье и на несколько мгновений потеряла ориентацию в пространстве и времени, потом, очнувшись, попыталась выбраться из покореженной машины. Удалось мне это далеко не сразу, задние дверки никак не хотели открываться, я отчаянно уперлась в одну из них ногами и надавила изо всех сил. Наконец, она распахнулась, и я смогла выйти. Девочка сидела на земле метрах в пятнадцати от машины, кричала и плакала, но выглядела вполне целой, я бросилась к Киру. Передняя часть машины превратилась в какое то непонятное месиво. Я даже не могла понять, как мне добраться до водительского сиденья и выяснить, что там с Кириллом. Я понимала, что шансов выжить у него практически не было, не смотря на сработавшие вовремя подушки безопасности, как не было бы их и у девочки, если бы он попытался выскочить сам, а не выталкивать наружу ее. В раскрывшемся от удара багажнике я обнаружила ящик с инструментами. Выбрав что то похожее на ломик, с его помощью я стала выламывать водительскую дверь. Я поломала все ногти, содрала пальцы в кровь, но все же смогла добраться до Кирилла. В отличии от слишком маленькой Ларисы, Кира воздушная подушка, вылетевшая из руля, могла спасти, но он отстегнулся, для того, чтобы нагнуться и открыть дверку Ларисы. Он не успел распрямиться в момент удара и скатился куда то в область педалей. Понять, что там произошло и как, я не успела. Подошедшая сзади, чуть-чуть оправившаяся от первого шока, Лариса прижалась сзади своим мелко трясущимся от страха тельцем. Я прижимала к себе рыдающую девочку и смотрела на истекающего кровью Кирилла. Тимона нигде не было видно, он бесследно исчез в сумерках леса. Я была так вымотана и так

смертельно устала, что мне пришлось прислониться к шершавому стволу какого то толстого дерева и на минуту прикрыть глаза, чтобы не упасть. Лариса ничего не говорила, только постоянно плакала и мелко тряслась от страха . В свои семь лет она мало что понимала в происходящих вокруг нее страшных вещах, но ей это в принципе было простительно. Вместе с ней ровно столько же , понимала и я...

* * *

— Там дым... — прошептала девочка.

Я обомлела из-под раскоряченного капота, и правда, выползали тоненькие струйки серого едкого дыма.

— Лариса! Быстро отойди подальше отсюда, — я отбросила в сторону огромную спортивную сумку Кира, стоявшую в багажнике и тоже набитую евро. — Уходи вон туда к елкам, милая. Если что то случится с нами, бери сумку и иди к дороге, тебя скоро кто-нибудь обязательно найдет. Раз это дорога, должны же тут хоть иногда проезжать машины. Беги быстрее, Лариса!

Девочка послушно отошла метров на двадцать и нерешительно остановилась. Я махнула рукой, заниматься ей у меня абсолютно не было времени. Я должна была хотя бы попытаться вытащить Кира, пока машина не загорелась. Если учитывать, что мы буквально недавно заправили полный бак бензина, то пожар вполне вероятно спровоцирует взрыв. Закусив губу и даже застонав от страха, я отчаянно начала вытягивать из машины тяжеленное тело Кирилла. Дым становился все ощутимее. Из под капота даже выбился первый всполох огня, лизнул облупившуюся краску и снова пропал, удушающе пахло горелыми проводами, резиной и еще чем то . Я , обливаясь слезами, тянула за джинсовую куртку Кира и понимала, что мы оба вот-вот взлетим на воздух. Внезапно я почувствовала, что сбоку мне помогают две маленькие ручки. Конечно, не усилия ребенка, помогли мне, но ее участие так на меня подействовало, что я, рванув еще раз, почувствовала, как тело поддалось и начало медленно при помощи наших отчаянных усилий вытаскиваться наружу. Мы успели протащить Кира по прохладной траве метров пятнадцать, когда за спиной прогремел взрыв. Мы, оглушенные, упали рядом с Кирилом на траву , в воздухе закружилось что то черное и на несколько минут вокруг стало почти ничего не видно. Я прикрыла Ларису своим телом и замерла. Когда я отважилась поднять голову и обернуться назад, машина полыхала. Поднявшись на ноги, я отнесла подальше девочку и посадила на большую сумку Кира, потом вернулась к нему и снова потащила по ставшей черной и какой то мокрой траве. Вдруг мне в голову пришла спасительная мысль.

Торопливо ощупав карманы Кирилла, я нашла его сотовый и уже в следующий момент тупо уставилась на него. Пораженная и оглушенная произошедшим, я совсем забыла на время, что мы находимся вовсе не в России, а в чужой не понятной стране, и я даже не в курсе, как тут вызывают неотложку. Я долго стояла и смотрела на клавиши, пытаюсь найти хоть какой то выход из положения. Вместе с телефоном я вынула из кармана Кира его документы. На задней корочке книжки, полученной им при аренде Ситроена, я увидела красный крест. Там было много и других значков, сопровождающихся подписями на французском и, что самое главное, телефонными номерами. Конечно, я не поняла ни слова, но догадалась, что предусмотрительные французы нанесли на книгу самые распространенные и могущие понадобиться арендатору номера. Я не знала, что тут обозначает что, но красный крест говорил сам за себя. Я набрала написанный под ним номер и услышала вежливый голос, говорящий на непонятном мне языке ... Я долго и упорно кричала ему, этому вежливому и не фига не понимающему в русской речи, человеку, о том, что произошло, называла наши имена, номер машины, откуда мы и куда направлялись. Он что-то упорно твердил в ответ на

непонятном языке. Я пыталась говорить по-английски, но нужные слова никак не хотели находиться... Я ожесточенно отбросила аппарат в сторону.

Обессилено упав рядом с Ларисой и не подающим никаких признаков жизни Киром, я тихо заплакала, уткнувшись носом в траву. Мир вокруг меня в очередной раз рушился, разбиваясь на мельчайшие осколки, которые уже невозможно было не собрать, не склеить. Он просто исчезал, будто его и не существовало вовсе, этого мира, его образов, отношений и обещаний... Казалось, что вокруг все настолько страшно и серо, что быть хуже просто не может. Но только я начинала постепенно привыкать к этой боли, разрывающей на куски мое сердце, как становилось еще во сто крат больнее... Меня друг за другом сначала приручали, потом предавали и покидали, выбрасывали, как старую изношенную тряпку... Сначала папа... не по своей вине, конечно, но он бросил меня... оставил одну в страшной и чужой стране, без денег и даже в общем то без права на существование,... Сергей, прикинувшийся моим другом, чуть ли не отцом, обманул и втянул в такие неприятности, что выпутаться из них я не могу до сих пор. Именно по его вине моя жизнь сейчас превратилась в ад... Меня предала Анна. Моя любимая и справедливая Нюся просто отбросила меня в сторону, пожертвовала мной, ради подлеца мужа и своего нового, еще даже не родившегося ребенка,... красавица Катя приняла участие в моей судьбе лишь только для того, чтобы воспользовавшись моим доверием, устроить свою личную жизнь, а потом тоже выбросить на помойку. Ну а уж основательнее, чем все остальные, по моей жизни, без сомнения, прошелся именно этот человек, который сейчас лежал на земле, весь черный от сажи и покрытый коркой уже застывшей крови... Я по его вине чуть не превратилась в убийцу... И все же ... Все же, сейчас глядя на его стекленеющие глаза, на едва вздымающуюся грудь, я испытывала мучительное и острое чувство сожаления. Сожаления о том, что все то прекрасное, светлое и незабываемое, что было между нами, оканчивается вот так вот страшно и безысходно... В катастрофически быстро темнеющем лесу чужой страны, я смотрела на умирающего Кирилла и почти умирала на земле рядом с ним. Душа рыдала не в силах поверить, что Кирилл вот-вот покинет нас навсегда. За что господь снова оставил меня ОДНУ. Я снова посмотрела на распластанное тело Кирилла. Не зная ни одной настоящей молитвы, я подняла глаза в высокое темнеющее небо и начала молиться. Я обращалась к кому то всемогущему там, наверху словами, которыми разговаривала с ним когда то моя мать...

Словно в ответ на этот отчаянный зов, Кирилл вдруг слабо пошевелился и открыл глаза. Я бросилась к нему и упала на колени.

— Кирюша, милый... я люблю тебя, люблю, слышишь! Я очень хочу, чтобы ты поправился, хороший мой! Ты продержись еще немного, милый, сейчас приедут врачи и спасут тебя... — Я разрыдалась от бессилия, так как прекрасно понимала — никто не приедет. Диспетчер так и не смог понять ничего из моей сбивчивой русской речи перемешанной с корявыми английскими предложениями... Даже если он очень сильно захочет, то не сможет найти это чертово место, ведь я сама не знаю, где именно оно находится. — Я прилегла на землю рядом с Киром, его трясло. Я постаралась согреть своим телом... — Не умирай, Кир, ну я же прошу тебя, не умирай... — Лариса тоже плакала, скорчившись на сумке с деньгами. Смешно. Смешно и страшно умирать вот так, зная, что тебе можно помочь и зная, что помощь не придет, и ты скоро все равно умрешь, не смотря ни на какие даже самые огромные деньги.

— Не плачь... — вдруг услышала я слабые, как дуновение ветра, слова, — не надо, не плачь... — прошелестело по траве. Не смея поверить своему счастью, я вытерла слезы и встала на колени. Кир открыл глаза и смотрел на меня.

— У тебя есть вода?

— Нет... но я могу сходить, здесь не далеко, всего пять минут... Я видела, когда мы

проезжали...

— Не надо... я могу не успеть...

— Ты успеешь, ты все успеешь, милый... я люблю тебя, слышишь... честное слово, люблю...

— Я верю... — Он вздохнул и прикрыл глаза. — Если после всего ты плачешь ... Значит, любишь. Я же — монстр... Я убийца..... Мне очень повезло, что ты, Эгле, встретила на моем пути... Я знал... Вернее, я чувствовал, что все то, что я сделал, на что замахнулся, воздавая по справедливости и карая тех, кто этого заслуживал, никак не может пройти для меня безнаказанно... Бог все видит, но он не всегда справедлив... Но честно говоря, я надеялся, что у меня есть еще хоть немного времени, чтобы посмотреть, как вы, любимые мои девочки, выбравшись из всего этого кошмара, расцветете и начнете жить... Жить так, как и полагается жить настоящим принцессам: легко, радостно, свободно и абсолютно спокойно... Я так хотел устроить вам такую жизнь... Я все придумал, все просчитал... я все сделал... я только не учел вот это... Этого дерева, этого взрыва ... всего этого не было в моих планах... По крайней мере в ближайшее время уж точно... Эгле! Помоги мне, пожалуйста, сесть...

— Не надо, Кир! — Испугалась я. — Умоляю, не надо. Вдруг, у тебя что-то сломано, тебе станет хуже от этого... Ты лучше позвони в Скорую, Кир. — Я лихорадочно зашарила по траве в поисках трубки. — На, позвони. Я не смогла хорошо объяснить, где мы сейчас находимся, боюсь, они там не поняли мой ужасный английский...

— Не надо. Помоги мне приподняться и сесть... — Он попытался сделать это сам и скривился от боли. Я быстро пересадила затихшую девочку на сухое поваленное дерево, а большую довольно мягкую сумку с деньгами Олега подоткнула Кириллу под спину. Осторожно, стараясь причинить, как можно меньше боли, я помогла Киру устроиться.

— Кир, умоляю, ради меня, ради своей дочери... позвони в больницу... — Я снова со слезами на глазах протянула ему аппарат...

— Позволь мне умереть так, как я хочу, Эгле. — Устало попросил он. — Не нужно больницы... не нужно врачей... Я знаю, меня не спасут, Эгле. Я этого не заслужил... Но ты,... ты останешься, Эгле. Ты должна остаться не просто живой, ты должна сделать все так, как я тебе прикажу... Ты слышишь меня, Эгле?

— Слышу... — Я поняла, что он действительно хочет умереть... И что он умрет. Этот упрямый Кир делал все так, как считал нужным все и всегда решал сам... даже то, как ему умереть... Услышав это, я от отчаяния закусил губу и сжала руки в кулаки. — Я слышу, Кир...

Я уйду, и ты остаешься здесь за меня. Осталось сделать совсем чуть-чуть, и вы с Ларой никогда и ни в чем больше не будете нуждаться...

Кир снова закрыл глаза. Несколько долгих ужасно длинных и тягостных минут я смотрела на него, боясь понять, что его уже нет с нами... Но он собрался с силами и снова открыл глаза.

— Подведи ко мне девочку... — Тихо попросил он.

Я усадила испуганную Ларису на траву рядом с ее умирающим отцом.

Он нащупал маленькую теплую ручку и осторожно накрыл своей огромной окровавленной ладонью.

— Пообещай мне, Эгле... Поклянись, что никогда, ни при каких условиях ты не покинешь мою дочь! Ты останешься жить по документам Кати, будешь считаться законной мамой Ларисы и сможешь сохранить и приумножить то, что я добыл для вас с ней ценой собственной жизни. " Ты наймешь здесь во Франции хороших адвокатов, вручишь им доверенность на ведении дел о твоём наследстве. Потом, если захочешь, сможешь продать все и навсегда забыть о России. Ты отбросишь все свои дурацкие понятия о том, что хорошо, что плохо, о моральном аспекте этого дела и не обманешь моих ожиданий. Считаю, что все грехи я взвалил на свои плечи и уже, как видишь, начинаю нести наказание за них... Поклянись, Эгле, что ты в точности выполнишь то, о чем я тебя сейчас попросил. Ты не вернешься в Россию, не откажешься от имени Кэт, не бросишь Ларису и никогда больше не будешь полностью доверяться кому бы то ни было. Повтори!

— Я не вернусь в Россию, не откажусь от имени Кэт, не брошу Ларису и никогда больше не буду верить людям... — Тихо, как эхо, повторила я.

— Поклянись!

— Клянусь...

— Слава богу, теперь я могу умереть спокойно...

Он сжал крепче руку девочки и, кажется, потерял сознание...

В этот момент я услышала отдаленные, очень быстро нарастающие звуки сигнала несущейся нам на помощь «Скорой помощи». Добросовестный диспетчер записал мой бессвязные полурусские полу-английские выкрики на магнитофон, и нашел возможность разобраться, что они означают. Машина, оснащенная для удобства тех, кто сдал ее нам, системой спутникового слежения практически обнаружила себя сама...

* * *

Проводив глазами носилки с бесчувственным телом Кирилла, которые два санитаря торопливо задвигали в глубину отлично оснащенного реанимационного автомобиля, я снова прижала Ларису к себе. Я боялась думать о том, что ждет нас с ней в будущем, сколько всего мне придется пройти и преодолеть ради этой маленькой малышки с трогательными кудряшками, как сложно будет мне выполнить клятву только что данную здесь, на лесной поляне во французском лесу рядом с обгоревшим покореженным автомобилем. Клятву данную мной человеку, которого я люблю и буду любить всю оставшуюся жизнь... Как жаль, что я поняла это так ужасающе поздно. Я ни минуты не сомневалась, что выполню эту клятву, как бы тяжело мне не было.

Внезапно откуда то из прошлого до меня донесся спокойный и очень убедительный голос Кирилла:

«У тебя впереди широкая и светлая дорога Эгле, и ты сейчас стоишь в самом ее начале, практически на полоске с надписью „Старт“, стоит тебе пуститься в путь ты таких оборотов наберешь, что тебя будет просто не остановить» — дай бог, чтобы ты был прав, любимый.

Эпилог

Через день в особняк мадам Орэли Лефиллье, куда я попросила после аварии отвезти нас с девочкой, пришло известие о том, что незадолго до вылета в Россию, в аэропорту имени Шарля

де Голля от сердечного приступа скончался Каменков Олег Владимирович. Врачи, не успели, как ни старались, помочь умирающему и только зафиксировали его смерть. Я призналась утешающей меня старой мадам, что намерена больше никогда не возвращаться в Россию, поэтому хочу похоронить мужа прямо здесь в Онфлере. Она обещала помочь с похоронами и отпеванием. Мы похоронили Олега тихо, без помпезности и шума, не приглашая никого из России, и только после этого послали родным Каменкова официальное извещение о его скоропостижной кончине.

На следующий день мне сообщили, что сильный организм Кирилла помог ему выкарабкаться буквально с того света, преодолеть кризис. Неужели господь сжалился над нами и все-таки дал Киру маленький шанс увидеть, как растет и взрослеет его дочь?

mir-knigi.org